

Genre

thriller

Author Info

Ребекка А. Джеймс

Красивое зло

Странная дружба двух девушек. Одна из них — серьезная, самоуглубленная Кэтрин — готова на все, чтобы разгадать тайну гибели своей сестры. Вторая — Элис — кажется обычной юной «светской львицей», помешанной на нарядах, парнях и тусовках. Однако есть в ней какое-то внутреннее зло, заставляющее эту красавицу губить все, к чему она только прикасается. Их свел случай. Однако именно случайная дружба с Элис поможет Кэтрин понять, что же все-таки случилось с ее сестрой в ту роковую ночь — несколько лет назад...

Beautiful Malice

1.0 — создание файла (крымчанка);

Ребекка Джеймс

Красивое зло

Часть первая

Я не была на похоронах Элис.

В то время я ждала ребенка, а кроме того, пребывала в совершенном отчаянии. Но горевала я не по Элис. Нет, к тому времени я всей душой ненавидела Элис и даже обрадовалась, что она умерла.

Именно Элис разрушила мою жизнь, разбив ее на миллион крохотных осколков, она забрала лучшее, что у меня было. Я плакала не по Элис, а из-за нее.

Но теперь, когда прошло четыре года, и наша с дочуркой Сарой (моя миленькая, слишком серьезная, маленькая Сара) жизнь вполне устроена, я иногда жалею, что не была на похоронах.

Все дело в том, что я иногда вижу Элис — в универсаме, в воротах детского сада Сары, в клубе, куда мы с дочкой порой ходим пообедать. Краем глаза я вижу блестящие светлые волосы Элис, ее красивую одежду и стройное тело, и отвожу взгляд, мое сердце начинает биться как бешеное. Мне требуется какое-то время, чтобы вспомнить, что она мертва, ее больше нет, это точно не она, но я все равно должна подойти и удостовериться, что ее призрак не преследует меня. Да, эти девушки похожи на нее, но они вовсе не так красивы, как Элис. Более того, вблизи они вообще на нее не похожи.

Я ухожу и возвращаюсь к реальности, но кровь отливает от моего лица, в кончиках пальцев я ощущаю неприятное покалывание, я погружаюсь в тревогу. День пропал, я ни на что не способна. Надо было пойти на похороны. И вовсе не требовалось плакать и изображать отчаяние. Я могла бы даже рассмеяться и плюнуть на могилу. Но мне надо было увидеть, как опускают ее гроб в землю, увидеть, как могилу закапывают, тогда я была бы уверена, что Элис на самом деле умерла и похоронена...

Тогда я точно знала бы, что она ушла навсегда.

1

— Хочешь пойти? — Элис Пэрри смотрит на меня с улыбкой. Время ланча, я сижу под деревом, погружившись в книгу.

— Прости. — Я поднимаю взгляд и тут же прикрываю глаза рукой. — Куда пойти?

Элис протягивает мне лист бумаги.

Я беру листок и читаю. Это ярко раскрашенное приглашение на вечеринку по случаю восемнадцатого дня рождения Элис. «Приходите все-все-все! Приводите друзей! — написано на листочке. — Много шампанского! Много вкусной еды!» Несомненно, только такой популярный и самоуверенный человек, как Элис, мог написать подобное приглашение, все остальные чувствовали бы себя так, будто умоляют гостей прийти. Почему именно я? Интересно. Я, естественно, знала Элис, ведь ее знали все, но никогда раньше с ней не заговаривала. Она была одной из тех девушек, которых невозможно не заметить — красивая, популярная и очень веселая.

Я складываю приглашение и киваю.

— Спасибо, я постараюсь. Звучит заманчиво, — говорю я.

Элис несколько секунд смотрит на меня. Затем вздыхает и опускается рядом со мной, так близко, что ее колено касается моего.

— Да ты же не придешь, — усмехается она.

Я чувствую, что мои щеки заливаются краской, и опускаю глаза.

— Наверное, и вправду не приду, — бормочу я, разглядывая колени.

— Но я хочу, чтобы ты пришла, Кэтрин, — настаивает Элис. — Это очень важно для меня.

Я удивлена, что Элис знает мое имя, но еще большее удивление вызывает то, что она хочет видеть меня на своей вечеринке: я совершенно непопулярна в высшей школе Драммонд, и у меня нет там близких друзей. Обычно я держусь особняком, я увлечена учебой и не хочу привлекать к себе внимания. Я хорошо учусь, но не занимаюсь спортом и не примыкаю ни к каким клубам. И хотя я понимаю, что это неправильно, что я не смогу прожить всю жизнь в тени, — пока меня это устраивает. Я прячусь, я понимаю, что я — трусиха, но мне хочется быть невидимкой, человеком, который не вызывает у окружающих любопытства. Никто не должен знать, кто я на самом деле и что со мной произошло.

Я закрываю книгу и собираю остатки завтрака.

— Подожди. — Элис кладет руку на мое колено. Я холодно смотрю на нее. — Я серьезно. Я правда хочу, чтобы ты пришла. Я все время вспоминаю, что ты сказала на той неделе Дэну. Это было по-настоящему круто. Я бы так не смогла, я не умею так быстро реагировать. А ты классно доказала ему, что он просто идиот.

Я понимаю, что имеет в виду Элис. Обычно я не вмешиваюсь, но тогда, две недели назад, Дэн Джонс с приятелями вели себя так, что у меня лопнуло терпение и я не сдержалась.

К нам пригласили лектора, она рассказывала о карьере и университетском образовании. По общему признанию речь была ужасно скучной, все это мы слышали уже миллион раз, женщина заикалась, путалась в словах, толпа начала шуметь и высказывать свое недовольство. Особенно старались Дэн Джонс и его друзья. Они вели себя так жестоко, что лекторша выбежала в слезах.

Дэн с самодовольством повернулся к аудитории, явно ожидая всеобщего одобрения.

— Зачем ты так? — спросила я, мой голос задрожал от гнева. — Это же ее жизнь, ее карьера, ее профессиональная репутация. Твои выкрики были унижительными. Разве можно так вести себя с человеком, которого ты даже не знаешь?

— Ты превосходно держалась, — продолжает Элис. — Честно говоря, я была совершенно потрясена тобой. И остальные тоже. Никто никогда не разговаривал так с Дэном. — Она качает головой. —

Никто. Это было замечательный, смелый поступок.

Эти слова решают все. Смелый поступок. Я так хочу быть смелой. Я так хочу победить в себе трусиху, что больше не могу сопротивляться.

Я встаю и закидываю на плечо рюкзак.

— Ладно, — говорю я и удивляюсь сама себе. — Ладно, я приду.

2

Элис настояла, чтобы мы готовились к вечеринке вместе.

Сразу после завтрака она забирает меня и в старом разбитом «фольксвагене» везет к себе. Ловко лавируя по переулкам со скоростью намного выше разрешенной, она сообщает мне, что живет одна. Наконец мы добираемся до старой части города, и Элис приводит меня в квартиру. Я чувствую все нарастающее удивление. Я-то думала, что Элис живет вместе с любящими родителями, в удобном, уютном доме где-нибудь в предместье. Я-то представляла ее испорченной и избалованной, и то, что она живет одна, делает ее интереснее и привлекательнее.

Я хочу задать ей миллион вопросов — где ее родители? Не боится ли она такой самостоятельности? Она одна, или у нее есть бойфренд? — но я сдерживаюсь. У меня тоже есть тайны, и я прекрасно понимаю, что мои вопросы вызовут ее любопытство и ненужные расспросы. В моей ситуации лучше ничего не спрашивать.

Квартира Элис находится в самом обычном кирпичном здании. Лестничная клетка темная и малопривлекательная, но когда мы, едва переводя дыхание после подъема на четвертый этаж, открываем дверь в ее квартиру, то оказываемся в очень яркой и милой комнате.

Стены окрашены в ярко-оранжевый цвет. В комнате стоят две огромные, мягкие кушетки, на них лежат подушки с пестрым этническим рисунком. Повсюду расставлены незажженные свечи.

— Вуаля! Мое скромное жилище. — Элис втаскивает меня в комнату и внимательно вглядывается в мое лицо. — Ну, как тебе? Это все я придумала. Удивительно, как могут изменить помещение яркие стены. А все, что нужно — это немного креатива и краски.

— Тут классно, — говорю я. Я завидую. Квартира Элис такая классная и прикольная, она намного больше подходит девушке, чем та современная, минималистская квартира, в которой живу я сама.

— Честно? Ты говоришь правду?

— Да, — смеюсь я. — Честно.

— Это здорово! Мне так хочется общаться с тобой почаще. Мы с тобой будем сидеть в этой комнате и говорить, говорить до ночи.

Некоторые люди умеют так строить разговор, что вы немедленно начинаете чувствовать себя центром мироздания. Элис именно такая. Не знаю, как ей это удастся, любой другой человек в такой ситуации выглядел бы подобоострастным или навязчивым, а у нее все выходит совершенно естественно. Я чувствую себя нужной.

И тут я едва не выдаю ей свою тайну.

На какой-то момент я ясно представляю себе, как мы с Элис сидим в этой комнате, как я кладу руку ей на колено и быстро, без остановки рассказываю все, что со мной произошло. Она обнимает меня, и мне так хорошо, меня охватывает невообразимое облегчение, и я чувствую себя свободной, как раньше.

Но это — только мечта. Это только сумасшедшая фантазия. Я ничего не говорю.

Я пришла в своих обычных джинсах, ботинках и рубашке и принесла с собой немного косметики, чтобы накраситься перед вечеринкой, но Элис настаивает, чтобы я надела платье. Ее гардероб прямо-таки набит платьями всех цветов и стилей, их, по крайней мере, сотня. Интересно, откуда у нее деньги, чтобы позволить себе столько одежды?

— Обожаю тряпки, — смеется она.

— Да? Вот уж никогда бы не подумала, — шучу я.

Элис распахивает гардероб и начинает вытаскивать платья, бросая их на кровать.

— Вот. Бери любое. Я большинство из них никогда и не носила. — Она приподнимает синее. — Нравится?

Платье очень симпатичное, но я уже выбрала, что на самом деле хотела бы надеть. Красное, с поясом. Платье напоминает те, которые носила моя мама в семидесятые годы. Оно будет прекрасно сочетаться с моими высокими ботинками.

Элис внимательно смотрит на меня. Потом смеется и поднимает красное платье.

— Это?

Я киваю.

— Отличное платье, да? — Она прикладывает его к себе и смотрит в зеркало. — И дорогое. У тебя хороший вкус.

— Очень красиво. Почему ты не носишь его? По-моему, ты его ни разу и не надевала. Бережешь?

— Ой, нет. Я ношу другие. — Элис протягивает мне платье. — На, надевай.

Платье сидит идеально и отлично смотрится с моими ботинками. Красный цвет выгодно оттеняет мою смуглую кожу и темные волосы, и я довольно улыбаюсь Элис. Я очень рада, что пришла.

Элис идет на кухню и достает из холодильника бутылку шампанского.

— Вот, — говорит она, целуя бутылку. — Это моя настоящая любовь. И со вчерашнего дня я могу пить его на законных основаниях.

Она открывает бутылку, направляя пробку в потолок, и, не спрашивая, хочу ли я, наполняет оба бокала, затем забирает свой бокал и уходит в душ. Я поднимаю бокал и делаю крохотный глоток. Я не пила шампанское с той самой ночи, когда в моей семье случилась трагедия. Но теперь я наслаждаюсь вкусом, перекаत्याю каплю шампанского на языке, смакую каждый глоточек, наслаждаюсь тем, как расслабляется мое тело. Бокал пустеет, и я чувствую себя совершенно счастливой, беззаботной, семнадцатилетней — я плюхаюсь на диванчик Элис и весело хихикаю.

Элис возвращается, я все еще сижу с блаженной улыбкой.

— Ничего себе! Ты выглядишь... — Я пожимаю плечами, не в силах найти подходящее слово. — Ты выглядишь просто ошеломительно!

— Спасибо, дорогая Кэтрин, — говорит она.

Элис сейчас поразительно красива — высокая, с полной грудью и длинными ногами, ее синие глаза сияют, кожа светится. Я тоже довольно хорошенькая, но на фоне Элис, кажется, теряюсь.

Пока мы ждем такси, Элис берет наши пустые бокалы и снова наполняет их шампанским. Моя голова уже немножко кружится. Не могу сказать, что это неприятное чувство — я просто ощущаю легкость и свободу. И это вдруг пугает меня. Это чувство легкости, свободы, безопасности — опасная иллюзия. Под влиянием алкоголя люди совершают глупые, иногда непоправимые поступки. Я слишком хорошо это знаю.

Я беру бокал и притворяюсь, что пью.

Элис арендовала танцевальный зал на самом верху «Лайон Хоутел». Зал просто великолепный, с огромными деревянными окнами, из которых открывается вид на город. Игрет оркестр, всюду белеют воздушные шары, столы накрыты белоснежными скатертями. Элис заказывает нам шампанского, и никто не спрашивает, сколько нам лет, видимо, потому что это частная вечеринка.

— Фантастика! — Я с любопытством смотрю на Элис. — Это родители для тебя устроили?

— Нет, — презрительно фыркнула Элис. — Они даже не знают, как организовать барбекю, не говоря уже о таком.

— Они живут в Сиднее? — спрашиваю я.

— Кто? — хмурится она. — Родители? Ой, ну уж нет, слава богу. Они на севере.

Интересно, как же Элис умудряется жить в Сиднее и как платит арендную плату? Я-то думала, что ее содержат родители, но теперь это кажется маловероятным.

— Так или иначе, — говорю я, — очень хорошо, что ты затеяла такую вечеринку для своих друзей. Не думаю, что я смогла бы так расщедриться. Я предпочла бы потратить деньги на себя.

Отправилась бы, например, в путешествие.

— Это я-то щедрая? Ты думаешь? — Элис пожимает плечами. — Да нет. Просто мне нравятся вечеринки. Нравится быть в центре внимания. Ничего другого мне просто не придумать. А поездки за границу мне неинтересны.

— Почему?

— Я там никого не знаю, и никто не знает меня. Что там делать?

— Ой! — Я смеюсь. Интересно, она шутит? — Там много интересного. Поплавать в Средиземном море, посмотреть Эйфелеву башню, Великую Китайскую стену, статую Свободы... для всего этого необязательно кого-то знать... — Тут я замечаю, что Элис смотрит на меня скептически. — Тебе, правда, это неинтересно?

— Нет. Мне тут хорошо. Я люблю своих друзей. Мне нравится моя жизнь. Зачем мне уезжать?

— Ну... — Я хочу рассказать о своем желании увидеть мир, но тут приходят первые гости.

— Элис, Элис! — кричат они и окружают ее. Некоторых ребят из школы я знаю, другие, старше нас, мне незнакомы. Кто-то оделся очень нарядно — в костюмы и платья, другие пришли в джинсах и футболках, но у них всех есть общее — они пришли на вечеринку к Элис, они хотят провести с ней время, хотят слышать ее радостный смех... И я больше ни о чем не думаю, ни о нашей разрушенной семье, ни о своих убитых горем родителях. Я танцую, смеюсь, флиртую. Я забываю о той ночи, когда поняла о себе ужасную правду.

3

После вечеринки у Элис одноклассники стали относиться ко мне куда дружелюбнее. В коридорах мне улыбаются незнакомые ребята, некоторые даже здороваются, хотя я удивляюсь, откуда они знают мое имя. Элис сама находит меня во время ланча, садится рядом и сплетничает, рассказывая разные истории про других учеников. Меня это веселит, и я рада проститься со своим одиночеством. Я не задумываюсь, почему она стала проводить со мной так много времени. Если Элис говорит, что хочет со мной дружить, то ей и в самом деле нравится мое общество. Она внимательно выслушивает все, что я рассказываю, и я чувствую себя польщенной, я благодарна ей. Более того, впервые после смерти Рейчел я почти счастлива.

В четверг я звоню Элис и приглашаю ее к себе на субботу. Я живу с Вивьен, своей теткой по отцу. С ней легко, и вообще я очень рада, что больше не живу в Мельбурне, что я там, где никто не слышал о Рейчел и о сестрах Бойделл. Я много времени провожу в одиночестве, потому что Вивьен часто уезжает в командировки, а если она в городе, то выходные проводит где-нибудь с друзьями. Она всегда рада, когда я приглашаю кого-нибудь, и находит странным, что я не очень люблю общество, ведь чаще всего я довольствуюсь собственной компанией, люблю сама выбирать, что есть, что смотреть и какую музыку слушать.

— Я приготовлю обед, — говорю я.

— Звучит устрашающе, — отвечает Элис. — Надеюсь, ты хороший повар?

— Да. Это один из многих моих скрытых талантов.

— Скрытых, вот как? — Элис некоторое время молчит. — И у тебя их много, да?

Субботу я посвящаю закупке провизии. Я и раньше, еще до смерти Рейчел, часто готовила, так что прекрасно знаю, какие продукты мне нужны. Я покупаю курицу, стручки кардамона, йогурт, тмин, рис — все, что нужно для моего любимого карри. Я приготовлю все до прихода Элис, а когда она придет, поставлю блюдо на огонь, и пока мы будем болтать, оно как раз дойдет.

Я настолько привыкла прятаться, что сама себе удивляюсь, почему так жду прихода Элис. Не знаю, когда или как идея подружиться с кем-нибудь стала казаться мне такой привлекательной, но желание общаться с кем-то вдруг стало просто непреодолимым. И хотя я по-прежнему боюсь того, что раскроется моя тайна, и понимаю, что дружба может быть опасной, я все равно не могу подавить это чувство нетерпения.

Я прихожу домой, готовлю карри, принимаю душ и переодеваюсь. У меня еще час до прихода Элис, и я звоню родителям. Мы все переехали из Мельбурна около года назад. Там нас знали слишком многие, и слишком многие знали, что случилось с Рейчел. Стало невозможно переносить их жалость, ловить любопытные взгляды и слышать шепот повсюду, где бы мы ни появились. Я перебралась к Вивьен, чтобы учиться в Драммонде, одной из лучших школ на юге. Мои родители купили дом в Ньюкасле, на побережье. Они хотели, чтобы я жила с ними, считая, что я слишком маленькая, чтобы жить самостоятельно. Но их печаль давила на меня, их присутствие меня душило, и в конечном итоге я убедила их, что Драммонд — очень хорошая школа, а мое будущее зависит от хорошего образования, и они смягчились.

— Квартира Бойделлов. — К телефону подошла мама. Когда я переехала, я изменила свою фамилию и взяла фамилию бабушки — Паттерсон. Изменить фамилию оказалось очень легко, и, по крайней мере на бумаге, я стала совершенно другим человеком. Сестер Бойделл больше не было.

— Мама!

— Милая, я как раз хотела тебе позвонить. Мы с папой говорили про твою машину.

— Что?

— Да. Пожалуйста, милая, не спорь. Мы решили купить тебе новую. Сейчас есть более современные, с подушками безопасности. У нас появились деньги, и было бы неразумно разрешать тебе ездить на этой старой колыхаге.

— Да ей же всего восемь лет, мама, — возражаю я.

Она продолжает, не слушая меня:

— Мы нашли прекрасный «пежо». Очень компактный и самый лучший с точки зрения безопасности.

В городе он просто незаменим.

После смерти Рейчел родители постоянно беспокоятся о моей безопасности.

— Отлично, мама, — говорю я. — Спасибо!

— Как дела в школе? Успеваешь?

— Да, все в порядке.

— Я тут прочитала про медицинский факультет в университете Ньюкасла. У него отличная репутация, почти как у сиднейского. Там очень много достойных преподавателей. Подумай об этом. Тогда ты могла бы снова жить с нами, не думая про аренду квартиры или про еду.

— Я пока не знаю, мама. Мне нравятся английский и история. Медицина мне не очень подходит. Мне кажется, я могла бы заниматься искусством. И потом, мама, я действительно очень рада, что живу в Сиднее.

— О да, конечно. У Вивьен тебе хорошо, она тоже очень рада, что ты у нее живешь. И профессия искусствоведа — это отличное начало твоей карьеры. Но это же только начало. Мы еще поговорим об этом, когда ты справишься.

Когда я оправлюсь. Мама снова вспоминает то, что было раньше, до смерти Рейчел. Я отлично успевала в школе и после окончания планировала изучать медицину. Но когда Рейчел умерла, мои планы развалились.

В то ужасное время потеряло смысл все, что мне так нравилось.

И теперь я очень сомневаюсь, что хочу снова вернуться к своим прежним намерениям.

— Хорошо, я подумаю.

— Отлично. А я отправлю тебе по почте их брошюры. — Она смеется, но я слышу в ее голосе что-то, что заставляет меня подумать о слезах.

Я тихонько глажу телефон, как будто это чем-то поможет маме. Как она живет в постоянной боли и тоске?

— Спасибо, мама, — говорю я так тепло, как только могу.

— Пожалуйста! — Теперь ее голос снова звучит свежо и энергично. — Ты хочешь поговорить с папой? Его сейчас нет, но он может позвонить тебе позже.

— Я позвоню ему завтра. Ко мне на обед придет подруга.

— Я очень рада, что ты немного развлечешься. — Я снова слышу слезы в ее голосе, потом она быстро кашляет. — Хорошего вечера, дорогая. Скажу отцу, что ты позвонишь завтра.

Я вешаю трубку и уже сожалею о том, что позвонила. Лучше я себя не почувствовала и уверена, что мама тоже. С ней всегда так последнее время. Она всегда строит какие-то планы, она не может позволить себе просто помолчать или побыть в тишине и покое. Она как будто старается не вспоминать о том, что потеряла.

Считается, что горе надо выговорить. Целый год после смерти Рейчел я старалась говорить об этом, старалась выразить свою беду и потерю. Но папа отказывался меня слушать, и мама тоже избегала этих бесед.

И постепенно я перестала говорить о трагедии. Да, в этих разговорах я искала прощения, уверения, что мама с папой не винят меня в том, что случилось. Но конечно, они винили меня — в трусости, в том, что я спаслась. Если одной из их дочерей было суждено умереть, так это мне.

Я больше не считаю, что есть какой-то способ справиться с болью и утратой. Они будут

преследовать и давить всегда. Рейчел умерла. Мы никогда больше не увидим ее прекрасное лицо, никогда не услышим ее музыку. Она умерла.

Мы всегда будем жить с этой реальностью, будем постоянно помнить об этом, наши сердца будут истекать кровью при одной мысли о ней. И ничто не поможет. И если мама старается стоически выносить горе, то пусть так и будет.

Я прикасаюсь указательным пальцем к маленькому шраму чуть выше колена. Эта отметина осталась у меня после той ночи — ночи убийства Рейчел. Это все, что осталось. Я не то чтобы хотела умереть вместо Рейчел, просто прекрасно понимаю, что ушла та сестра, которая была лучше.

4

Рейчел вышла на сцену, и публика сразу же затихла. Сестра была такой красивой, высокой и стройной. Красное платье, за которое, как я знала, мама и папа выложили целое состояние, подчеркивало ее рост и изящество. Ей было всего лишь четырнадцать, но на сцене она вполне могла сойти за двадцатилетнюю.

Мама взволнованно сжала мою руку, и я повернулась, чтобы улыбнуться ей. Забыв обо всем, она смотрела на Рейчел, мамины губы забавно сморщились, как будто она пыталась скрыть широкую улыбку, глаза блестели от слез счастья. Папа обернулся взглянуть на нее, но вместо этого посмотрел на меня. И мы улыбались друг другу, глядя на маму — оба с гордостью.

Рейчел села за фортепиано, поправила юбку так, что та изящно заструилась по ее ногам, и начала играть. Она играла сонату Моцарта — ту самую мелодию, которая была так хорошо мне знакома, я знала в ней каждый акцент, каждое фортиссимо. На сцене застенчивость Рейчел пропадала. На сцене она была величественной и спокойной, занятой музыкой настолько, что забывала о себе. Когда она играла, невозможно было представить, насколько она застенчива и неуверенна.

За время концерта, который длился около часа, мама ни разу не оторвала взгляда от Рейчел. Всякий раз, когда мама слушала ее игру, она, казалось, полностью теряла себя, она не сознавала, кто она и где находится, была почти что в трансе.

Я тоже играла на фортепиано. Я тоже была весьма одаренной, годом ранее сдала экзамен за седьмой класс, часто побеждала на школьных конкурсах и местном бардовском фестивале. Но у Рейчел был подлинный талант, и ей уже предложили три места для стажировки. Куда ей поехать на учебу — в Берлин, Лондон или Бостон, чтобы стать концертирующей пианисткой, — эта тема в течение уже нескольких недель была главной в нашем доме. Для меня фортепиано было лишь приятным увлечением, у меня не было никакого желания заниматься этим целыми днями. Но для Рейчел занятия музыкой были страстной любовью, и она занималась ею неустанно.

Рейчел была на восемнадцать месяцев младше меня. Обычно младший ребенок ориентируется на старшего, но в нашей семье все было наоборот. Рейчел была серьезной и трудолюбивой, а я, хоть и хорошо училась, увлекалась мальчиками и вечеринками, и не смогла бы пожертвовать этим ради академической или музыкальной карьеры.

Мама и папа говорили о музыкальном будущем Рейчел бесконечно и с кем угодно — со мной, друг с другом, с друзьями, с самой Рейчел. Ради ее карьеры они были готовы на все. Некоторых наших знакомых удивляло то, что ко мне родители относятся с меньшим интересом. Но я никогда не чувствовала себя заброшенной или обиженной и никогда не ревновала к Рейчел. Мы с ней были очень разными, и я знала, что она трудолюбива и талантлива. Рейчел была гением, но я всегда знала,

что мне веселее и лучше.

Рейчел была странной. Казалось, что ей не нужны друзья. Не то чтобы она была холодна или не любила людей, нет. Она умела любить глубоко и по-настоящему и всегда заботилась о тех, кого любила. Но она была застенчива; смущалась в компаниях, в беседе чувствовала себя неловко. Обычно она вела себя так тихо, что тем, кто ее не знал, могла показаться абсолютно безразличной. Но если получалось втянуть ее беседу, то Рейчел могла удивить любого. Она была нежной и сострадательно мудрой, что было очень странно для ее возраста. Каждый, кто узнавал ее получше, восхищался ею. Она была единственным человеком из всех, кого я знала, без каких-либо низких мыслей и намерений, ей была абсолютно чужда жадность. Единственный человек, которого можно было бы сравнить с ангелом.

И что бы ни писали в газетах о наших отношениях, я-то знала, что я к ней чувствовала. Я поклонялась ей — и при жизни, и после ее смерти. Я всегда была и буду главной ее поклонницей.

5

Элис приходит на обед вовремя, она так весела и полна энергии, что я сразу чувствую себя лучше. — Боже мой, — низким голосом говорит она, оглядывая квартиру Вивьен. — Как тут пышно. Твои родители, наверное, очень модные?

— Нет. — Я качаю головой. — Мои родители живут не здесь. Я живу с теткой. Но она уехала на выходные.

— Так что же — тут только мы?

Я киваю, Элис подсакивает и кричит от радости.

— Вау! Кэтрин, как я рада. Я-то думала, что твои родители тоже тут. Переживала, что мне придется с ними знакомиться, представляться им, как будто тут свадьба или сватовство. Слава богу! — Она шумно выдыхает, потом начинает бродить по комнате и рассматривать обстановку и вещи.

Я готова объяснить Элис, почему живу с теткой, а не с родителями, готова рассказать ей о качестве обучения в Драммонде, чей уровень считается намного выше уровня учебных заведений Ньюкасла. Но ей намного интереснее сама квартира, чем причины моего пребывания в Сиднее.

— Наверное, жить в таком доме просто потрясающе, — громко говорит она, ее голос эхом отзывается в прихожей. — Ты когда-нибудь устраивала тут вечеринки? Держу пари, нет. Давай что-нибудь придумаем? Я знаю кучу народа, кого можно было бы пригласить. Ой! — восклицает она затем. — Ты только глянь на это! — Она тянется к полке Вивьен и берет оттуда бутылку. —

Ирландское виски. Круто! Давай выпьем?

— Это не мое, — говорю я. — Это Вивьен.

— Да какая разница. Разбавим потом. Твоя тетка и не заметит. — Она относит бутылку в кухню, находит два бокала и щедро наполняет их. — У тебя кока-кола есть?

— Увы. — Я качаю головой.

— Ну, разбавим водой. — Элис доликает бокалы водой и протягивает один мне.

Я делаю небольшой глоток. Виски пахнет отвратительно, а на вкус еще хуже. Не уверена, что смогу допить до конца.

Я не хочу пить, но Элис умеет настоять на своем.

Мы выходим с бокалами на балкон и смотрим оттуда на город. Говорит главным образом Элис, я просто слушаю и наслаждаюсь ее энергией. Мне нравится общаться с ровесницей, я начинаю

чувствовать себя свободной и счастливой.

— Здравствуй, мир! — Элис наклоняется вниз и громко кричит: — Здравствуй, мир! —

Поворачивается ко мне и возбужденно говорит: — Когда я стану взрослой, у меня будет точно такой же дом, только еще больше. Друзья будут оставаться у меня на ночь, и прислуга будет, домработница, дворецкий... и еще тот, кто будет разливать шампанское.

— Естественно, — говорю я. — Иначе ты можешь сломать ногти. Или руки станут липкими.

— Какой кошмар! — Она театрально оглядывает свои руки. — Это действительно очень опасно. Я смеюсь.

— Тебе обязательно нужен будет бармен.

— И повар — готовить еду.

— И собственный врач-массажист.

— И парикмахер.

— И стилист, чтобы выбирать одежду.

— И садовник.

— И шофер.

— Да... — Элис садится рядом со мной и мечтательно вздыхает. — Я вообще ничего не буду делать сама. Не хочу походить на свою мать, она вечно жалуется, что погрязла в домашней работе. Ничего вообще не буду делать. Даже в ванной сама мыться не буду.

— А если тебе это надоест? Представляешь, вокруг тебя все время люди? Захочешь побыть одна.

— Нет, — говорит она. — С чего бы это? Одной скучно. Ненавижу одиночество. Просто ненавижу.

Моя жизнь не будет серьезной и скучной. Она будет веселой. Вечеринки, бесконечные праздники.

Элис уже выпила несколько бокалов, я все еще дотягиваю первый. Наконец она заявляет, что голодна, и мы возвращаемся в квартиру. Элис наливает себе еще виски и предлагает мне, но я показываю свой почти полный бокал и качаю головой. Элис хмурится.

— Тебе не нравится?

— Нет, все в порядке, — говорю я, делаю глоток и стараюсь не скривиться.

Элис некоторое время смотрит на меня, потом ставит бутылку на место.

— Что ж, мне больше достанется.

Мы накладываем карри и садимся к столу. Элис с аппетитом ест.

— Вкусно! — говорит она, с недоверием качая головой. — Ты потрясающе готовишь. Ты вполне могла бы открыть собственный индийский ресторан.

Я польщена и не могу сдержать улыбку. Мое настроение улучшается с каждой минутой. Мрачное чувство, оставшееся после разговора с мамой, полностью исчезло.

— Так... — Элис бросает вилку на тарелку. — А что теперь будем делать?

— Можем поиграть в скраббл, например.

Элис качает головой.

— Ой, нет. Я не смогу сосредоточиться. И вообще скраббл напоминает домашнее задание. Может, в шарады? Прикольно будет.

— Но для таких игр надо больше народу.

Элис некоторое время молчит, потом смотрит на меня и улыбается.

— Я знаю кое-кого, кто мог бы прийти. Давай развлечемся?

— Да? — Стараюсь улыбнуться, но я разочарована. Мне очень нравится наша маленькая компания и не хочется впускать в нее кого-то еще. — Ты думаешь, в это время кто-то придет?

— Всего-то девять вечера! Даже ночные клубы еще не открылись.

Я пожимаю плечами.

— И кого ты хочешь позвать?

— Робби.

— Кто это?

— Мой друг. Он работает официантом в шикарном клубе. Очень славный. Тебе понравится.

Элис берет свой мобильник и набирает номер. Больше никаких вопросов я задать не успеваю. Я слушаю ее голос — уверенный и кокетливый, и думаю, испытывала ли она когда-либо сомнение и неуверенность. Нет, такое представить невозможно.

— Он скоро придет. — Она встает и удовлетворенно потягивается. — Я это классно придумала, Кэйти. Куча еды, отличная компания, развлечемся!

— Кэтрин, — поправляю я. — Я — не Кэйти, я — Кэтрин.

Элис поворачивается ко мне.

— Но тебе больше подходит Кэйти. Тебя же не всегда звали Кэтрин? Когда ты была маленькой, тебя называли Кэйти? Кэтрин — слишком серьезно для такой юной девушки. А Кэйти звучит классно, очень забавно, и тебе подходит.

— Нет, — повторяю я. — Я — Кэтрин. Просто Кэтрин.

Я стараюсь говорить ровно и дружелюбно, но все равно мой голос звучит резко. Раньше мне было все равно, как меня называли — Кэт, Кэйти, Кэти, Кейт, — но теперь я ненавижу эти сокращения. Это время прошло. Я — Кэтрин Паттерсон.

Элис хмурит брови, но через мгновение ее лицо светлеет, и она с улыбкой кланяется мне.

— Хорошо. Кэтрин — и никак иначе. Как та старая актриса, как ее там, ну, в том фильме... Кэтрин Хепберн. Да, такое серьезное имя лучше соответствует твоему таинственному образу.

— Моему таинственному образу? — Я фыркаю и смеюсь. — Вот уж не думаю.

— Но у тебя же есть тайна? — Элис наклоняется вперед. — Все в школе гадают, какую тайну ты скрываешь. Ты такая симпатичная, но такая тихая, застенчивая, как будто боишься чего-то. Как будто ни с кем не хочешь общаться. Как будто у тебя какая-то большая, темная тайна, и ты не хочешь, что бы о ней узнали. Некоторые думают, что ты просто высокомерная.

— Высокомерная? Правда? Нет, это не так. — Я встаю и принимаюсь убирать со стола, избегая взгляда Элис. Беседа начинает меня напрягать — Элис почти добралась до правды. Я не высокомерная, но не завожу друзей именно из-за тайны. Надо же, оказывается, я не так уж неприметна, как думала.

Элис смеется.

— Эй, не расстраивайся. Я же тебя просто поддразниваю. И немножко завидую. — Она прижимает руку к груди. — Мне тоже хочется быть таинственной девушкой с трагическим прошлым.

Я поражена, насколько Элис близка к разгадке. Я чувствую себя выставленной напоказ, хочется убежать и скрыться. Я боюсь, что Элис будет спрашивать меня до тех пор, пока все не узнает, но она лишь пожимает плечами и снова обводит комнату взглядом.

— Боже, какая квартира! Решительно надо устроить тут вечеринку. — Она берет у меня тарелки. —

Я уберу. Сиди. Может, выпьешь еще? — Она смотрит на мой бокал и неодобрительно качает головой.

Элис моет посуду и возвращается к столу. В дверь стучат.

— Это Робби! — Элис радостно хлопает в ладоши и мчится открывать.

Я слышу, как она с кем-то переговаривается, смеется.

Робби — высокий, красивый спортивный блондин — появляется в кухне. Он улыбается и протягивает мне руку.

— Привет, Кэтрин. Я — Робби.

— Привет.

Он крепко жмет мне руку и радушно улыбается. Я чувствую, что начинаю краснеть, поэтому быстро поворачиваюсь к столу.

— Сейчас я тут закончу, одну минутку.

— Да ладно! — Элис берет меня за плечи и оттаскивает от стола. — Я потом сама уберу, обещаю. Давайте развлекаться!

Еще осталось много карри, и Элис настаивает, чтобы Робби попробовал.

— Можно? — извиняющимся тоном спрашивает он, пока Элис наполняет ему тарелку.

— Конечно! — говорю я. Я приготовила много, минимум на шестерых.

Элис спрашивает, не хочет ли Робби выпить чего-нибудь, но он качает головой, говоря что-то о футбольной тренировке, и наливает себе стакан воды. Элис тянет виски.

— Это виски? — спрашивает Робби. — Довольно крепкий напиток.

Элис задорно подмигивает.

— Крепкий. Как и я!

Мы возвращаемся на балкон, и Робби с удовольствием ест. Я чувствую себя немного скованно, но он так искренне восхищается моими кулинарными талантами, рассказывает смешные истории и вообще настолько мил, что я перестаю стесняться. Робби двадцать, он работает официантом в ресторане, и через какое-то время я уже всю хохочу над его историями про посетителей ресторана.

На улице становится слишком холодно, мы возвращаемся в комнату и садимся на пол. Выпитое Элис виски дает о себе знать. Ее глаза покраснели, слова звучат неразборчиво, она говорит громко, непрерывно перебивая и заканчивая истории, которые рассказывает Робби. Он не возражает, просто снисходительно улыбается.

Он любит ее, думаю я. Вон как он на нее смотрит.

Элис встает и подходит к стеллажу посмотреть компакт-диски Вивьен.

— Боже мой, — говорит она, — надо было принести свои записи, какое тут все старье, восьмидесятые!

Но в конце концов она выбирает альбом Принса и ставит диск в проигрыватель.

— Моей маме нравится эта песня, — говорит Элис. — Она под нее все время танцует. Тебе бы это увидеть, Кэтрин. Она просто невероятная. Напоминает звезду из кинофильма. А когда танцует, то просто супер. — Элис начинает соблазнительно покачивать бедрами, улыбаясь с закрытыми глазами. Я думаю про это неожиданное замечание о матери. Надо же, она привязана к ней и даже восхищается. Раньше я слышала от нее другое — она, казалось, презирала своих родителей, почти ненавидела.

Мы с Робби наблюдаем за танцем Элис. Она хорошо двигается, она сексуальная, и Робби смотрит на нее, улыбаясь. А я думаю, как было бы хорошо, если бы и меня кто-нибудь полюбил. Впервые с тех пор, как умерла Рейчел, я позволяю себе вообразить, что и у меня есть кто-то, кого люблю я, и кто любит меня. Любит, несмотря на то, что я сделала.

6

Когда заканчивается первая песня, начинается другая, более быстрая. Робби вскакивает и протягивает мне руку. Мы танцуем уже втроем. Наши бедра соприкасаются, наши руки соединяются. Робби обнимает Элис, целует ее, и я смотрю на них. Они оба очень красивые и прекрасно подходят друг другу. Элис замечает мой взгляд и что-то шепчет Робби на ухо. Робби отпускает Элис, обнимает меня, наклоняется и прижимается губами к моим губам. Это очень целомудренный поцелуй, почти братский, но все же очень волнующий. Элис подталкивает меня и хихикает. Мы обнимаемся, и я безумно счастлива. Я чувствую себя привлекательной и любимой. И юной.

И когда в моей голове начинает звучать тихий голос, говорящий о том, что я больше не заслуживаю никакой удачи, ведь у Рейчел этого не будет, я отказываюсь его слушать. Я решаю — хотя бы на сегодняшний вечер — забыть обо всем. Я легкомысленна и беззаботна. Я — Кэйти Бойделл. Только на один вечер. Кэйти. Именно Кэйти, не Кэтрин, я могу быть самой собой!

Мы смеемся, и танцуем, и обнимаемся. Наконец нам становится жарко, и мы идем на кухню, чтобы выпить воды. Закончив с танцами, мы стягиваем с дивана подушки и устраиваем широкую кровать. Мы болтаем до трех ночи и наконец засыпаем.

Я просыпаюсь, Элис спит рядом со мной. Ее руки сжаты в кулаки, она напоминает спящего ангела, приготовившегося к борьбе. Она дышит быстро и шумно, ресницы вздрагивают. Видно, ей снится какой-то сон.

Тихонько встаю. Я все еще в юбке и футболке. Иду в ванную и принимаю душ. Переодевшись, выхожу в кухню.

Робби почти закончил мыть посуду, которую обещала убрать Элис.

— Привет, — говорю я. — Спасибо, конечно, но не надо было этого делать.

Он смотрит на меня и усмехается.

— Не волнуйся. Я вовсе не против того, чтобы помыть посуду. Я помню, когда был маленьким, все время смотрел, как мама моет тарелки. И мне это казалось таким забавным — пена, вода. — Он споласкивает руки. — Как ты себя чувствуешь? Устала? Мы спали-то всего часа четыре.

— Да, я знаю. Вполне сносно. А ты как?

— Отлично. Как раз чтобы идти на тренировку по футболу, а потом еще на работу в ресторан.

— Бедный. Тебе надо прилечь. Поспи еще немного.

— Нет. — Он пожимает плечами. — Хочешь чаю? Я поставил чайник.

— Хочу. Но я сама все сделаю. Я люблю сама заваривать чай.

— Правда?

— Да, я завариваю по-своему. Некоторые считают, что я сумасшедшая. Но я люблю только хорошо заваренный чай и не могу пить никакой другой.

— Отлично. Я тоже люблю хороший чай. Моя мама, та вообще ненавидела пакетики, всегда сама заваривала.

— Заваривала?

— Да, она умерла. — Он опускает глаза. — Чуть больше года назад.

— О Робби, прости. Я не знала.

— Ничего, — говорит он.

Я могу сменить тему, поболтать о чем-нибудь приятном и веселом, но я помню поведение окружающих после смерти Рейчел. Они вообще старались не говорить об этом или уделяли этому столько же внимания, сколько завтрашнему прогнозу погоды.

— Тебе очень ее не хватает?

— Да, — говорит он, его глаза мокрые от слез. Он горько улыбается. — Конечно, не хватает.

— А твой отец? С ним все в порядке?

— Да, вполне, по крайней мере, я так думаю. Но узнать это наверняка довольно трудно. Как-то не получается просто так взять и спросить.

— Почему?

— Ну, а если у него не все в порядке? Что я тогда буду делать?

В ответ я могу сказать только какую-нибудь бессмысленную банальность, типа того, что разговоры лечат. Но я понимаю, что это не так. Никакими словами тут не поможешь, слова — это только слова, они ничто против настоящей боли и страдания.

— Да, — горько говорю я. — Ты ничего не сможешь сделать.

— Точно. И когда говоришь другому, как тебе грустно и плохо, то чувствуешь себя еще хуже, потому что теперь надо думать еще и про страдания другого человека.

— Правда, — соглашаюсь я. — Наверное, лучше страдать в одиночку. И боль со временем утихает. Робби кивает в ответ, и мы замолкаем. Через некоторое время он быстро произносит:

— Я хотел уехать, когда она заболела, но остался, потому что надеялся помочь. Старался все время быть с ней. Мы знали, что она умрет, только не знали, когда. Прошло уже почти два года, а я все еще там. Мне двадцать лет, но я не могу уехать из дома, потому что мне жаль отца. Глупо, но я даже не знаю, хочет ли он, чтобы я жил с ним. Может, он считает, что это я не хочу никуда уезжать.

— Твой отец все еще тоскует?

— Он в порядке. Или делает вид, что с ним все в порядке. Вообще наш дом выглядит таким радостным, у нас порядок, у нас всегда друзья, пиво, пицца до полночи. Но однажды ночью я услышал, как он плачет. Это было ужасно. Я знал, конечно, что он любил маму, но он плакал так... беспомощно. Как ребенок, который не может с собой справиться. Я не знал, что делать, просто стоял и ждал, когда он успокоится. Но самое ужасное, что я его почти ненавидел в тот момент. Из-за того, что он притворяется, будто у него все в порядке.

— Понимаю, что ты хочешь сказать. Трудно видеть родителей в таком состоянии. Начинаешь думать — если они не могут справиться с собой, то чего ждут от тебя?

— Послушай... — Робби встревоженно смотрит на меня. — Черт! А твоя мать жива?

— Жива. — Я качаю головой и смеюсь. — С ней все в порядке. Я просто недавно обо всем этом думала. И читала какие-то книжки у папы.

— Понятно. Но ты говоришь все правильно. Многие, услышав, что моя мама умерла, спрашивают, что я чувствую, а бывает, еще начинают объяснять.

Я собираюсь ответить, но из другой комнаты выглядывает Элис.

— Доброе утро, — хрипло говорит она. — Где вы? Мне тут одиноко.

Робби и я улыбаемся друг другу и больше ни о чем не говорим. Мы берем чайник, молоко, сахар и чашки и идем в комнату к Элис.

7

Я прихожу за Сарой в садик раньше обычного. Некоторое время я наблюдаю за ней через окно, мне нравится, что она совершенно счастлива и довольна. Она играет в игрушки, она любит уединение и не особенно стремится общаться с другими детьми — точно так же, как Рейчел. С одной стороны, я рада, что она растет осторожной, а с другой — меня беспокоит, что общение дается ей с таким трудом. В конце концов, ей придется общаться с другими людьми, хочет она этого или нет.

Забавно, но я никогда не замечала, чтобы застенчивость Рейчел причиняла кому-то неудобство. На самом деле это была та черта ее характера, которую лично я находила покоряющей. Но для своей дочери мне хочется только самого лучшего. Пусть в ее жизни все складывается как можно легче и глаже.

Многие говорят, что я слишком опекаю Сару, что мне надо дать ей больше свободы и самостоятельности, но я не понимаю, как можно слишком опекать любовью. Мне хочется схватить этих людей и закричать: идиоты! Вы что, думаете, все люди в мире хорошие, все заслуживают доверия? Откройте глаза! Но они просто-напросто подумают, что я сошла с ума. Они такие наивные, они забывают, что в мире полным-полно людей, которые желают другим зла. Я просто поражаюсь, какие они слепые.

Быть матерью трудно. Я хочу, чтобы Сара была счастливой, чтобы у нее были друзья, чтобы она смеялась и радовалась. Не хочу, чтобы она всего боялась, но в то же время хочу, чтобы она была осторожна. Хочу, чтобы в этот мир она входила с широко открытыми глазами.

Я открываю дверь, захожу в игровую комнату, стою и жду, когда Сара заметит мое присутствие и повернется. Я обожаю тот момент, когда на ее лице проступает восхищение, а потом она бросается мне в объятия. Она ходит в садик пока только два раза в неделю, в среду и пятницу — и я всегда счастлива, когда забираю ее в пятницу, потому что неделя закончилась, и мы будем вместе целых четыре дня.

Сегодня я пришла рано, потому что мы поедем в Джиндабайн, к снегу, и я радуюсь, представляя себе восхищение Сары, когда она все это увидит. Мы слепим снеговика, поиграем в снежки, может быть, покатаемся на санях. Мы будем пить горячий шоколад и наслаждаться холодом, мы проведем время вдвоем, вдали от моих родителей.

— Мама! — кричит она, увидев меня, вскакивает, мчится ко мне и обнимает за шею. — Мы уезжаем?

— Да.

— Ты взяла мои вещи?

— Да!

— А моего медведя? Салли?

— Конечно!

— А как же бабушка и дедушка? — Она знает, как привязаны к ней мои родители, как они скучают без нее, и в своем возрасте она о них уже беспокоится, что меня немного печалит.

— Они отлично проведут выходные. К ним на обед придут друзья.

Ее лицо проясняется.

— Так им не будет скучно?

— Нет, им будет весело, как и нам с тобой.

Я наклоняюсь, собираю ее игрушки, и мы идем к машине. Вечер только начинается, пятница, поэтому дорога из Сиднея получается быстрой и безопасной. Сара ведет себя тихо. Она сидит и смотрит в окно, засунув в рот большой палец.

Я внимательно слежу за дорогой, стараясь держаться подальше от других машин. Папа отговаривал меня от этой поездки — мало ли что может случиться на дороге. Он так волновался, что у него дрожали руки, а в глазах стояли слезы.

Я понимаю его. Люди на дорогах погибают каждый день. Одна крохотная ошибка — и человеческая жизнь прервана. И жизнь чьей-то семьи разрушена. Мой отец уже пережил потерю.

И помня о нем, я стараюсь быть предельно внимательной и крепко держу руль.

8

— Нет, нет. Только не Коффс-Харбор. — Элис решительно качает головой. — Там столько жирных. И рестораны там ужасные.

— Жирных? — Робби усмехается. — Ну ты и скажешь иногда, Элис!

— Но это на самом деле так. Это просто жуткое место. И если вы хотите на пляж, то Коффс-Харбор — не самый лучший выбор. Там же просто не подойти к воде. Между домами и пляжем железная дорога. Вся загажено, все грязное. Уж поверьте! А еще там полным-полно идиотов, которые едят вместо масла маргарин и потому так жиреют, что у них аж складки свисают. Туда любили ездить мои родители.

Элис не так много рассказывает о своих родителях, и любое упоминание о них мне интересно. Иногда она говорит о своей матери с любовью и восторгом, а иногда становится ироничной и почти жестокой. Когда она начинает насмехаться над ними — над их бедностью, глупостью и плохим вкусом — я всякий раз изумляюсь, как она может быть такой бесчувственной и безжалостной к родной плоти и крови.

Мы решили провести выходные втроем. Я радостно представляла себе, как мы будем купаться, обедать и разговаривать. Но мы никак не могли выбрать место, потому что у нас было не так много денег, а Элис все время суежилась и возражала.

Я чувствовала себя немножко виноватой, потому что у моих родителей был дом в Синих Горах, куда они иногда ездили на выходные. Это был прекрасный дом, современный, светлого дерева, оттуда открывался чудесный вид на горы. Мой отец сам разрабатывал проект, и там было все, что ему нравилось — спокойный стиль, много света и воздуха, бассейн и теннисный корт.

Мои родители не раз предлагали мне воспользоваться этим домом, пригласить туда друзей. Но после смерти Рейчел я была там только однажды, когда у всех нас все еще было свежо воспоминание о потере. И это оказалось так больно — приехать туда без Рейчел — ее отсутствие словно высосало всю радость и красоту тех мест. Больше я там не была.

Обычно мы уезжали туда из Мельбурна на время школьных каникул — на неделю, иногда на две. Для занятий Рейчел это было идеальное место — тихое и спокойное. Рояль всегда занимал в нашем доме главенствующее место, и когда Рейчел еще была жива, мама, папа и я обычно сидели на террасе, потягивали чай и слушали, как она играла. Других развлечений у нас не было — ни телевизора, ни радио, так что мы только гуляли или плавали, а иногда играли в шахматы.

Теперь трудно поверить, что эти поездки частенько мне надоедали. Иногда я обижалась, что расстанусь со своими друзьями, пропускаю какие-то встречи и мероприятия, не вижу мальчика, который мне тогда нравился. Как жаль, что я не знала, каким все это было хрупким и непрочным. Ведь если бы я понимала, как легко все разрушить, то, несомненно, больше ценила бы и наши игры в теннис, и наши долгие вечера вместе, и наш веселый смех.

В общем, несмотря на то, что дом идеально подошел бы для отдыха на природе, я о нем даже не упоминаю. Вместо этого я предлагаю поехать куда-нибудь на юг.

— Но на юге вода холоднее, — возражает Элис. — Лучше поехать на север, там теплее.

— Ты не заметишь никакой разницы. На юге спокойнее. И дешевле. — Робби смотрит на меня и улыбается. — Отличная идея, Кэтрин.

— Эй! — Элис смотрит на меня, потом на Робби. — Я ведь замечаю ваши взгляды и улыбочки. А как же я? — Она улыбается, но голос ее дрожит, а глаза темнеют. — Помните, что без меня вы бы даже не познакомились.

— Перестань, Элис! — Робби усмехается и поднимает свою пустую кружку. — Кстати, я хочу кофе. Будь хорошей хозяйкой и налей нам еще.

Элис отворачивается, и я не понимаю, что она собирается предпринять. Она кажется сердитой, интересно, закричит ли она или велит Робби убираться? А в какую-то секунду я даже думаю, что она собирается его укусить. Вместо этого она бросается к нему и прижимается губами к его рту. Потом так же внезапно отталкивает его, забирает наши пустые кружки и встает.

— Еще кофе? А тебе чай, Кэтрин? — Она смотрит на нас и весело улыбается.

— Да, спасибо.

Элис выходит из комнаты.

— Что с ней? — спрашиваю я.

Он поворачивается и удивленно смотрит на меня, как будто забыл, что я тоже тут.

— С ней? Ничего. Ей надо, чтобы все вращалось вокруг нее. Она, как Нарцисс, любит себя только собой. И интересуется только она сама.

Думаю, Робби преувеличивает. Он ведь любит ее, и в конце концов, не имеет права говорить о ней так скептически. Да, Элис немного эгоистична, увлечена собой, я и сама это заметила. Ну и что? Она может быть еще и щедрой, и доброй. Она умеет выслушать и сделать так, что ты чувствуешь себя особенной и очень нужной.

— Но ты же любишь ее?

— Она как наркотик. Я и сам не могу понять. — Он грустнеет. — Я знаю, что она мне не подходит, что никогда не буду счастлив с ней, но не могу справиться с собой. Что бы она ни делала, я все равно возвращаюсь к ней. — Он пожимает плечами. — Я просто подсел на нее.

— Но что именно... — Я собираюсь спросить его, почему он считает, что она ему не подходит, но тут с дымящимися кружками возвращается Элис.

— Спасибо. — Робби протягивает руку, и Элис наклоняется, чтобы поцеловать его.

— Ты ангел, Робби. Звезда, — говорит она. Робби хмыкает, но видно, что он доволен таким выражением привязанности.

Элис протягивает мне кружку.

— И ты, Кэтрин. Ты просто прелесть.

Я улыбаюсь и пью чай.

Элис садится, лицо ее оживлено.

— Знаете, о чем я думала, когда была на кухне? Я думала, как здорово, что мы все встретились. Нам ведь так хорошо вместе. — Она смотрит на нас и застенчиво улыбается. — Я хочу сказать, что вы оба мне очень нужны. Вы — мои самые лучшие друзья.

Наступает тишина, затем Робби хлопает рукой по коленке и громко фыркает.

— Ты только послушай! — Он смотрит на меня, его лицо выражает радость. — Она правда так сказала?

— Да, — киваю я. — Так и сказала.

— О боже! — Элис закрывает улыбку рукой. — Робби, не смейся надо мной. Ну вот, теперь я выдала свою тайну.

— Какую тайну? — придуривается Робби. — То, что ты обожаешь жирный маргарин?

И мы втроем начинаем хохотать и поддразниваем друг друга. Я совсем забываю спросить, что же Робби имел в виду, говоря, что Элис ему не подходит. Мне слишком хорошо и весело, и я не хочу ни о чем думать.

9

— Ну, что случилось? — Карли наклонилась вперед, ее глаза смотрели заинтересованно. — Заходи! Ты же не будешь стоять так целую вечность?

Но Рейчел остановилась в дверном проеме. Ее пижама была в беспорядке, лицо красное и испуганное. Мне показалось, она плакала.

— Рейчел? — спросила я. — Что случилось?

— Мне приснился плохой сон.

— О! Иди сюда. Иди и посиди с нами. — Я смущенно улыбнулась Карли. Я как раз рассказывала ей про ту ночь, которую провела со своим приятелем. Мы целовались и ласкали друг друга, и почти что переспали. Карли хотела знать мельчайшие подробности.

Карли, шумная, откровенная и забавная, была моей лучшей подругой. Когда она только появилась в нашей школе, я ее просто возненавидела. Она меня сначала тоже не любила, потому что принимала за богатенькую дрянь.

Подружились мы в школьном лагере — семь дней холода, голода и неудобств сблизили нас. Мы тихонечко пробирались на кухню и изображали из скудных припасов какую-то еду. Я восхищалась умением Карли придумывать всякие забавные штуки, а ее привлекла, как она сказала, моя решимость. С тех самых пор мы были неразлучны.

Рейчел села на пол рядом со мной, и я обняла ее.

— Все тот же сон? — спросила я.

— Да.

— Рейчел снится ужасный сон, — объяснила я Карли. — Она видит девушку, которая кажется ей знакомой, девушка улыбается и идет навстречу...

— И чем мы ближе друг к другу, — продолжила Рейчел, — тем больше мне кажется, что мы знакомы. Сначала я очень рада ей, но чем она ближе, тем лучше я понимаю, что она настроена недобро. И когда я оказываюсь перед ней, то понимаю, что это я сама, это мое лицо. Я пугаюсь, хочу бежать от нее, ведь увидеть самого себя — это перед смертью, и тут она начинает улыбаться! У нее

ужасная, злая улыбка, она смеется, и я никуда не могу убежать. — Рейчел посмотрела на Карли. — Это очень страшно, правда! Она как будто бы посланница смерти.

— Кошмар! — Карли передергивает плечами.

— Попробуй заснуть тут, — говорю я Рейчел. — Может, хоть чуточку поспишь. У тебя завтра генеральная репетиция, надо отдохнуть.

Рейчел ложится на мою кровать. Я укрываю ее и снова сажусь на пол рядом с Карли.

— Ну, — толкает меня Карли. — Рассказывай дальше!

Я качаю головой.

— Подождем, пока Рейчел уснет.

— А я знаю, о чем вы говорите, — доносится с кровати голос Рейчел. — Вы говорите про мальчиков. Не думайте обо мне. Я не буду слушать. Честно.

Карли подняла брови, как будто говоря: вот видишь?

— Ты обещаешь? — спрашиваю я. — Обещаешь, что не будешь слушать, Рейч?

— Я, кажется, засну еще до того, как вы начнете говорить, — говорит она. — Честно.

И я снова начинаю рассказывать Карли. Рассказываю почти все, по крайней мере, всю правду о наших физических отношениях. Я не говорю о том, как мы смеялись, как прозвучали слова о любви. Нет, все это я храню глубоко в душе.

На следующий день Карли и я встречали Рейчел после репетиции. Мы пили кофе и сплетничали про наших знакомых. Мы чувствовали себя такими взрослыми, ведь мы уже ходили на вечеринки, пили пиво и встречались с мальчиками.

Мы взяли в кафе и Рейчел, и она говорила о том, как ее волнует предстоящий концерт. Другие участники — просто необыкновенные люди, говорила она. Мне нравилось говорить про музыку, я знала людей, о которых рассказывала Рейчел, но через некоторое время стало заметно, что Карли наши разговоры порядком надоели. Она смотрела по сторонам и нетерпеливо постукивала пальцами.

— Карли, — окликнула я. — Эй! Тебя раздражают наши разговоры?

— Извините! — Рейчел прижала ладони к вспыхнувшим щекам. — Я только о своем и болтаю, да? Просто меня это так беспокоит. Извините, давайте поговорим о чем-то другом.

Карли одобритительно кивнула Рейчел и повернулась ко мне.

— Когда ты должна быть дома?

— Определенного времени мне не назначили, — ответила я и посмотрела на Рейчел. — А вот ты шагай домой и готовься к концерту.

Рейчел взглянула на часы.

— Да, но сейчас только половина четвертого. Еще куча времени.

— Ты знаешь Джейка, Росса и тех парней? — Карли посмотрела на меня, и по ее улыбке я поняла, что у нее есть план, и Рейчел лучше пойти домой.

— Да.

Я немного знала их, они были из соседней школы и играли в одной дико популярной группе.

— У них сегодня репетиция. На старой ферме. Вернее, они планировали порепетировать, но это будет просто большая вечеринка. Придет куча народа. Музыка, пиво, ну ты сама все знаешь.

Прикольно будет, наверное.

— Звучит заманчиво, — сказала я.

— Репетиция? — спросила Рейчел. — Как здорово. Я бы тоже хотела послушать. Можно мне прийти?

— Они старше, Рейчел. Они будут пить пиво и развлекаться. Ты будешь чувствовать себя не в своей тарелке.

— Нет, если там будет музыка, то мне понравится.

— Не будь дурочкой, Рейчел. Тебе надо заниматься.

— Ну, пожалуйста! Кэйти! Почему я не могу ненадолго прийти, посмотреть, а потом пойти домой? Ты все считаешь меня ребенком, но я уже не ребенок! Мне тоже нужно немного развлечься. Эта группа вдохновит меня. Ну, пожалуйста!

— Вдохновит? — Я хмыкнула. — Ну, конечно. Любительская музыка.

— Пожалуйста, Кэйти! Только на часок!

— Нет.

— Да ладно! — раздраженно сказала Карли. — Пусть приходит, чего ты? Какая разница? У нас нет времени сидеть тут и спорить.

Возражать дальше причины не было — мы и вправду могли пойти на час и вернуться домой до прихода родителей. Меня раздражало, что Рейчел нарушала мои планы — придется потом провожать ее домой, заботиться о ней, вытирать ей сопливый нос. Несмотря на свои слова, иногда она на самом деле была настоящим ребенком.

— Ладно. — Я постаралась, чтобы мой голос прозвучал холодно. — Приходи. Но если об этом узнают мама и папа, я не виновата.

10

Вивьен ничего не говорит, но я чувствую ее удивление, когда сообщаю, что уезжаю с Элис и Робби на все выходные. Перед отъездом на работу она обнимает меня крепче, чем обычно.

— Желаю хорошо повеселиться, юная леди, — говорит она.

Мы решаем отправиться на юг и берем мою машину, новый «пежо», потому что он самый быстрый и удобный. Из Сиднея мы выезжаем в пятницу утром. И Элис, и я должны быть в школе, но преподаватели снисходительно относятся к нашему выпускному классу. На всякий случай я беру с собой учебник и планирую почитать его на пляже. Робби — редкий случай — в эти дни свободен от работы в ресторане. Робби ведет машину, потому что он — единственный из нас, кому можно ехать со скоростью больше восьмидесяти километров в час. Настроение прекрасное, смеемся и шутим. Доехав до Меримбулы, заходим в местный универсам и покупаем еды на все дни поездки. Элис набирает в тележку шоколад и другие сладости, я и Робби покупаем более важные вещи — яйца, молоко, хлеб, туалетную бумагу. Мы загружаем наши припасы в багажник, еще раз сверяемся с картой и направляемся к побережью.

Мы арендовали старый деревянный дом с двумя спальнями. В Интернете были размещены фотографии, но мы все-таки не особенно обольщались относительно кухни и столовой. Когда же мы наконец-то приезжаем и видим очаровательный, покрашенный в белый цвет домик с верандой, то остаемся просто в восхищении.

Мы вбегаем внутрь и носимся по комнатам, смеясь и восклицая:

— Какая прелесть!

— Боже мой, вы только посмотрите на эту огромную старую ванную!

— А какой открывается вид! Здесь слышно океан! Из каждой комнаты! Ничего себе, какая красота!

— А вы посмотрите на спальни! Они просто невероятные!

Мы переодеваемся в купальники и плавки и мчимся к воде. Мы даже не задумываемся о температуре, мы просто подбегаем и бросаемся в волны. Вода ледяная, но я так счастлива — ведь нам предстоят три волшебных, веселых дня, — что холод меня совершенно не беспокоит. Элис убегает от Робби, он догоняет ее, лямка купальника сползает и видна грудь. Это смешит Элис еще больше, она стягивает и вторую лямку, теперь видна и вторая грудь. Она сжимает свои соски и направляет их на Робби.

— Бах, бах, ты убит! — кричит она.

— А-а-а-а-а! — Робби хватается за сердце и падает навзничь.

Элис поворачивается и направляет соски на меня.

— Нет, нет! — хохочу я. — Пожалуйста! Пожалейте меня!

Краем глаза я вижу мужчину и женщину средних лет. Они проходят мимо и смотрят на нас едва ли не с отвращением.

Элис следит за моим взглядом и тоже замечает эту пару. Радостное выражение на ее лице сменяется гневным. Она вдруг поворачивается и резко стягивает с себя остатки купальника, холодно и с вызовом улыбаясь паре на берегу.

Мужчина и женщина краснеют, бормочут что-то, торопливо отворачиваются и почти убегают.

Элис смотрит им вслед, потом запрокидывает голову и хохочет.

Вечером мы ужинаем рыбой и картошкой, купленной в местной лавке. Картошка хрустит, рыба очень свежая и вкусная, и мы обедаем по полной. Закончив трапезу, вытягиваемся на диванах в комнате и лениво болтаем обо всем на свете.

— Боже мой, как я ненавижу таких людей, — говорит Элис.

— Каких?

— Вот таких — консервативных провинциалов, как на пляже.

— Консервативных провинциалов? Правда? Ты сразу про них все поняла? — Робби с любопытством смотрит на Элис. — Ты ведь видела их всего пять минут.

— Да, я сразу все поняла. Маленькие люди с плохими стрижками и в ужасной одежде. Жирные и некрасивые. Такие, как они, всегда голосуют на выборах за консерваторов и ненавидят геев. Они обычно говорят... — Тут Элис начинает говорить с ярким австралийским акцентом: — Она хорошая девушка. Хоть и черная. Я бы даже пригласил ее на обед, но...

Я смеюсь над удачной пародией, я понимаю, что Элис всего лишь шутит. Но Робби не смеется. Он смотрит на Элис и качает головой.

— Ты иногда бываешь такой злой.

— Наверное, но я говорю о них чистую правду, — отвечает она. — А вот ты предпочитаешь думать обо всех только хорошее.

— Вовсе нет. Но ты несправедлива. Ты только...

Элис громко зевает и приглаживает волосы.

— Может, я и несправедлива. Ну и что? Мир вообще несправедлив, Робби. Поверь, я многое знаю о таких людях. Они точно такие, как мои родители. Грустные, ожесточенные. Уродливые. Их вечно интересует, как живут другие, потому что их собственная жизнь невыносимо скучна. Это понятно по

их глазам. Я их чувствую за сотни километров. — Она вытягивается на диване, футболка приподнимается, и виден загорелый живот. — Короче, эта беседа мне надоела. Мы уже сто раз говорили об этом, хватит. Я очень устала. — Она посылает нам воздушный поцелуй и уходит из комнаты.

Робби и я улыбаемся друг другу, слушая, как Элис, раздеваясь, что-то бормочет у себя в комнате.

— Не позволяйте себе лишнего! — кричит она. — Спокойной ночи, малыши! Ведите себя прилично.

— Спокойной ночи, Элис.

— Хочешь посидеть на веранде? — через некоторое время спрашивает Робби.

— С удовольствием.

Он ставит для нас стулья, и по выражению его лица я понимаю, что он что-то хочет мне сказать.

— Я хочу задать тебе один вопрос, — говорит он наконец.

— Давай, слушаю.

Он вздыхает.

— Мне очень неловко об этом спрашивать, и я пойму, если ты не захочешь ответить. Не стесняйся, просто скажи, что не желаешь обсуждать эту тему.

— Хорошо, — смеюсь я. — Не постесняюсь.

— Можно спрашивать?

— Валяй.

Робби оборачивается и смотрит на окна дома.

— Элис доверяет тебе? Он рассказывала что-нибудь обо мне? Она говорит о своих чувствах?

— Нет.

— Нет? — Робби смотрит на меня с надеждой.

Но правда заключается в том, что Элис вообще очень редко вспоминает о Робби. Конечно, она говорит о нем, ну, например, когда у нас есть какие-то совместные планы. Но она никогда не говорит о своих чувствах к нему. Как-то я спросила ее, любит ли она Робби, но она только рассмеялась в ответ. И хотя было понятно, что Робби испытывает к ней серьезные чувства, мне всегда казалось, что они с Элис все давно выяснили.

Но Робби не задавал бы мне таких вопросов, если бы ему все было ясно. Понятно, что он рассчитывал на иные отношения, большие, чем Элис могла ему дать. Мне вдруг захотелось предостеречь его и посоветовать поискать себе другую подругу, если он хочет каких-то серьезных отношений. Но, само собой разумеется, я этого не говорю, просто не могу. Ведь я действительно не знаю, что Элис думает о своих отношениях с Робби, может, она и любит его, просто пока не понимает этого или боится своих чувств. И я не имею никакого права советовать или предупреждать.

— Я ведь знаю ее всего три месяца, Робби, — говорю я.

— Но вы так подружились, проводите вместе так много времени, — возражает он. — Ты хотя бы имеешь какое-то представление, что она обо всем этом думает?

— Но она ничего не говорила. Правда. И я правда знаю не больше, чем ты. — Я озадачена. — А в чем ты хочешь увериться? В том, что Элис тебе не подходит? Ты сказал, что у нее какие-то нездоровые наклонности. — Я колеблюсь, пытаюсь подобрать правильное слово. — Ты же сам видишь все ее недостатки. Глаза у тебя открыты?

— Уж скорее у меня открыто сердце. — Он грустно улыбается. — Иногда я просто ни о чем не

думаю, и тогда все хорошо. А иногда я начинаю думать обо всем плохом, что есть в наших отношениях, и тогда понимаю, что отношения с Элис делают меня несчастным. Я притворяюсь, что все хорошо. Но на самом деле хочу большего.

Он снова вздыхает.

— Извини. Я не должен был задавать тебе такие вопросы. Это ужасно, когда люди начинают советоваться о своих отношениях с кем-то третьим. Ненавижу, когда вот так начинают расспрашивать меня.

— Ничего страшного. Все в порядке. Я просто не знаю, что тебе ответить. Но почему ты не спросишь Элис? Поговори с ней серьезно и спроси, чего она хочет.

— Я пробовал. Я все время спрашиваю, что она чувствует, чего хочет. Но она мастерски уходит от ответа. Я говорю, что люблю ее, а она смеется и меняет тему разговора. А если я начинаю разговаривать с ней серьезно, она раздражается.

— Может, тебе надо спросить о самом главном? — Я улыбаюсь и кладу руку ему на колено. — Спроси ее, хочет ли она выйти за тебя замуж, родить детей и жить счастливо, пока смерть не разлучит вас? — шучу я.

— Я бы женился на ней. Правда. Я был бы рад, если бы она забеременела и родила бы мне шестерых красавчиков-малышей. Мы купили бы дом, я ходил бы на скучную работу, заботился о них, любил их. — Он снова вздыхает. — Я ведь люблю ее. Такой, как Элис, больше нет. Она красивая, веселая, шикарная... В ней так много энергии и задора. Она может заниматься самым скучным делом так, что это превращается в развлечение и удовольствие. Каждый день она превращает в праздник. Без нее все кажется пустым и безжизненным. Все остальные на ее фоне какие-то невыразительные.

— Ну и дела! Вот спасибо.

— Черт. Прости, я не тебя имел в виду.

— Да все в порядке. Я просто шучу. Надо же, как интересно. Ты по уши влюблен!

— Да. По уши. В девушку, которая боится обязательств и ответственности.

Интересно, прав ли он? Я всегда считала, если человек говорит, что он боится обязательств, то это просто попытка уйти от нежелательных отношений. Просто деликатный способ объяснить человеку, что ничего не выйдет. Не говорить ему открытым текстом: «Я тебя не люблю». Но насчет Элис Робби, пожалуй, прав — в ней на самом деле есть какая-то тайна, несмотря на всю ее открытость и сердечность, она все равно остается загадкой.

— Это она так сказала? — спрашиваю я.

Робби, глубоко задумавшись, смотрит на пляж.

— Робби?

— Прости, — спохватывается он. — Что?

— Это Элис сказала тебе, что боится обязательств? Или ты сам так решил?

— Да не говорила она такого, бог с тобой, — смеется он. — Ты можешь представить, чтобы Элис сказала что-то подобное? Ничего такого она не говорила, но это ведь очевидно, разве нет?

— Не знаю.

— Нельзя сбрасывать со счетов ее маму, — говорит он. — Ее настоящую маму. Поэтому Элис так осторожна в любви.

— Ее настоящую маму? Что ты имеешь в виду?

— О черт! — Робби смотрит на меня озадаченно. — Она тебе ничего не говорила?

— Нет, ничего. Ее удочерили?

— Да, но я не могу... Прости, она сама расскажет тебе. Если захочет.

— Ты уже почти все рассказал, — говорю я. — Настоящая мать отказалась от Элис, и ее удочерили? Я знаю, что она не любит своих приемных родителей.

— Да. Она ненавидит их.

— Теперь многое понятно. Раньше я этого не понимала. Не понимала, как она может говорить такие ужасные вещи про своих родителей, называть их жирными, глупыми, и тут же заявлять о своей любви к матери. Потому что это — совершенно разные люди. У нее две матери.

— Да. Ее биологическую мать зовут Джо Джо.

— Джо Джо?

— Ну да. Настоящее ее имя — Джоан. Она — хиппи, законченная наркоманка. Более эгоистичной, самовлюбленной бабы я не встречал.

— Но Элис...

— Обожает ее, — перебивает он меня. — Она поклоняется ей. Джоан безумно богата. Унаследовала кучу денег от родителей и тратит их на Элис. Дает ей все, что та ни пожелает. Очень странно. Даже при том, что Джоан наркоманка, она в глазах Элис куда выше людей, которые ее удочерили.

— Так вот откуда у нее дорогая одежда, — говорю я. — Джо Джо дает ей деньги.

— Ну да. Она как будто заглаживает свою вину. Она бросила Элис и ее младшего брата, когда они были совсем малышами, а теперь дает им кучу денег.

— Брат? У Элис есть брат?

— Да.

— Брат! — Я в изумлении качаю головой. — Ничего себе. Я и понятия не имела. Она о нем никогда не говорила. Как его зовут?

Робби хмурится.

— Не знаю. Элис иногда рассказывает о нем какие-то смешные истории. Называет его «братиком». Я слышал, что у него были какие-то неприятности с законом, но точно не знаю, какие именно.

Наверное, наркотики, как и у мамы.

Я потрясена тем, что у Элис есть брат, что у нее есть тайны, почти такие же ужасные, как и мои.

Похоже, наша встреча была предопределена. Мы должны были встретиться и подружиться.

— Надо же, — говорю я.

— Да.

— Жизнь иногда подбрасывает сюрпризы, — продолжаю я. — Бедная Элис.

Но бедная ли она? Есть только три ужасные вещи — убийство, рак и предательство. Я хочу рассказать Робби про Рейчел.

Но боюсь, что утром пожалею о сказанном. И ничего не говорю.

На следующее утро я просыпаюсь рано и, несмотря на ночные разговоры, чувствую себя счастливой.

Солнце нежится на моей кровати, я некоторое время сижу и наслаждаюсь. Из окна слышится глубокий шум океана, из спальни Робби и Элис доносятся голоса.

Я встаю, надеваю халат, иду на кухню, завариваю чай и выхожу на веранду. Передо мной пляж, океан такой прекрасный, на берег лениво набегают волны. С чашкой в руках я спускаюсь с веранды

и иду к воде. Допив чай, ставлю чашку на песок и оглядываюсь, убедиться, что за мной никто не наблюдает. Быстро стаскиваю с себя халат и бросаюсь в воду.

Поверхность воды гладкая и спокойная, я ложусь на спину и позволяю течению нести меня.

Наконец, устав, выхожу, надеваю халат и возвращаюсь в дом.

— Кэтрин! — кричит Элис. — Что ты делаешь?

Я иду в их комнату и останавливаюсь в дверях.

Робби и Элис сидят на кровати, их ноги сплетены. Увидев меня, Робби натягивает простыню. Я улыбаюсь:

— Утро чудесное. Очень красиво. Я уже искупалась, вода шикарная. Пойдите поплавайте, а я приготовлю завтрак. Яйца по-бенедиктински — как вы на это смотрите?

— Я разжирею от таких завтраков. — Элис зевает и закидывает руки за голову. — Буду такая же жирная, как мои приемные родители. — Она смотрит на меня и слегка приподнимает брови.

Меня немного пугает ее тон и выражение лица.

— Робби сказал мне о том... что ты приемный ребенок. И о том, что у тебя есть брат. Ничего?

Но холодное выражение уже исчезло с ее лица, и теперь мне кажется, что я все это придумала. Она безразлично пожимает плечами и снова зевает.

— Не такая уж это большая тайна. Я ничего тебе не говорила, потому что и рассказывать-то не о чем. Это ерунда, пустяки.

Робби нахмурился и вздыхает.

— Конечно, ерунда. Пустяки. Пустяки, ерунда — это же твои любимые слова, Элис.

— Робби! — холодно обрывает Элис, ее лицо пылает от гнева. — Если тебе не нравится мой образ мыслей, мой образ жизни, то что ты тогда тут делаешь? А, Робби? Что ты тут делаешь?

— Я не говорил, что мне не нравится твой образ мыслей и твой образ жизни. Просто я думаю, что ты нарочно откидываешь от себя все эмоциональное, это такой способ защиты. Бравлада.

— Что? — Она вскакивает с кровати и подбочивается. На ней — белая пижама, глаза блестят гневом. Элис кажется опасной и одновременно беззащитной. Она качает головой и горько улыбается. — О чем ты, Робби? О чем ты говоришь?

— Я говорю о тебе, Элис. О твоей семье. О твоей матери и о твоём брате. Я, например, не знаю, как зовут твоего брата. Кэтрин вообще не подозревала, что он у тебя есть. Ты не считаешь, что это немного странно? Ты ничего о нем не говорила. Ты ничего не говорила про своих родителей или про свое детство.

— А я должна, Робби? Должна только потому, что ты так считаешь? И что именно ты хочешь знать? А? Что Джо Джо — наркоманка? Ты это уже знаешь. Ты знаешь, что меня удочерили. Что я должна рассказать про своего брата? Я сама почти ничего про него не знаю. Мы росли не вместе, а потом он попал в историю и теперь сидит в тюрьме.

Я стою и смотрю на них. Мне не хватает сил уйти. У Элис есть тайны. Я хочу, чтобы Робби оставил ее в покое, но не решаюсь сказать об этом, я лишь поворачиваюсь и иду на кухню. Элис окликает меня.

— Не убегай! — холодно говорит она.

Ее тон раздражает меня, и я отвечаю ей так же холодно:

— Я никуда не убегаю. Просто собираюсь приготовить завтрак. Есть хочу.

— Мне интересно твое мнение, — говорит Элис, не обращая внимания на мои слова. — Как ты думаешь, я могу сама решить, что мне говорить своим друзьям, а что — нет? — Она пронзительно смотрит на Робби, потом переводит взгляд на меня. — Или друзья должны рассказывать друг другу все-все?

— Нет, — тихо возражаю я. — Конечно, нет. Конечно, у тебя могут быть свои тайны. Ведь у меня они тоже есть. Каждый вправе хранить свои секреты.

Робби перебивает меня:

— Только давай не будем впутывать Кэтрин. Это вообще не ее дело.

— Ну почему же? Она ведь все слышала.

— Ладно, — бормочу я. — Я лучше пойду. Ты просто спросила мое мнение. Так или иначе, я голодная. И иду готовить завтрак.

И я ухожу. За моей спиной раздаются восклицания Робби и сердитый голос Элис. Я достаю яйца, бекон, лимон, масло, и принимаюсь готовить: делаю голландский соус, разбиваю яйца. Из комнаты все еще слышны голоса Робби и Элис, теперь они говорят тише. Я улыбаюсь. Вот мы и поссорились в первый раз.

Все друзья ссорятся.

11

Мы с Сарой добираемся до Джиндабайна еще до заката. Мне нравится Джиндабайн, обожаю этот прохладный воздух и красивое искусственное озеро. Тут кое-что изменилось, не все так, как во времена моего детства — появились кафе и современные рестораны на главной улице, но все равно здесь все так же сонно.

Я заказала прекрасный отдельный домик возле озера. Внутри тепло, хозяин обо всем позаботился.

— А где же снег? — Сара мчится к окну и выглядывает.

— Тут нет снега, милая. Но завтра мы сядем на поезд, который едет прямо на гору, вот там-то и будет снег.

— Это волшебный поезд?

— Да, думаю, да.

— Волшебный снежный поезд?

— Точно, — киваю я.

— Можно, я поиграю на улице?

— Да, но только недолго, — говорю я. — Уже темнеет.

Я помогаю Саре надеть флисовый жакетик и резиновые сапоги, и она выбегает, веселая и возбужденная.

— Не ходи к воде, — напоминаю я.

Я достаю из багажника коробку с продуктами — молоко, чай, сахар, крекеры — и начинаю все это распаковывать. Я вижу Сару из окна кухни, пока готовлю ужин — спагетти и салат из авокадо.

Приготовив, надеваю куртку, выхожу, сажусь на веранде и смотрю, как Сара играет.

— Мама, — зовет она, не отрываясь от игры.

— Да?

— Мама, а ты счастлива?

— Конечно. — Я поражена серьезностью ее голоса. — У меня есть ты, и поэтому я очень, очень,

очень счастлива. Я — самая счастливая мама в мире. И ты это знаешь.

— Знаю, — серьезно кивает она. — Я знаю, что ты счастлива. Но ты иногда грустная, этому потому, что у тебя нету папы?

— Но у меня есть папа. Ведь дедушка — мой папа.

Она мгновение размышляет, потом смотрит на меня.

— Я говорю про моего папу. Ты грустная, потому что у меня нету папы?

— Да, поэтому. — Я подхожу к Саре, обнимаю ее и целую. Мне очень хочется избежать этих разговоров. Мне кажется, что они болезненны для такой малышки. Но я знаю, что эти вопросы для нее важны, и она все равно будет их задавать. — Твой папа был мне очень нужен, и мне бы так хотелось, чтобы он не умирал. Но у меня есть ты, так что я очень счастлива.

Она улыбается, явно успокоенная.

Интересно, правду ли я сказала Саре? Да, с Сарой я иногда забываю, кто я и что случилось, я совершенно не вспоминаю о своем прошлом и наслаждаюсь настоящим. Но все равно остается глубокая печаль, чувство разочарования. Иногда я ощущаю себе роботом, который запрограммирован исключительно на заботы о Саре. Главная надежда моей жизни — Сара. Если с ней все будет в порядке, если она будет жить без трагедий и страданий, то можно считать, что моя жизнь удалась.

12

— Так мы увидим тебя в пятницу вечером? — спрашивает мама.

— Да.

Я уже собираюсь повесить трубку, как мама спрашивает снова:

— А почему ты не приведешь к нам свою новую подругу? Почему бы тебе не пригласить Элис? Мы были бы рады с ней познакомиться.

Вряд ли мама и папа на самом деле хотят, чтобы приехала Элис. Мне кажется, теперь их вообще ничто не радует. Да и как можно искренне смеяться и поддерживать разговор, когда единственное, о чем вы можете думать — это смерть ребенка? Но я понимаю, что мама старается ради меня, она хочет, чтобы моя жизнь была нормальной.

Я уже думала о том, чтобы познакомить Элис с моими родителями, но что-то во мне противилось этому намерению. Мама и папа так погружены в свое горе, что другим трудно понять, как вести себя с ними. И к тому же я еще ничего не рассказала Элис про Рейчел. Она не сможет понять, почему они такие печальные и серьезные.

— Не знаю, мама, — говорю я. — Она, по-моему, занята.

— Ну, прошу тебя, милая. Ты просто спроси ее. Конечно, у нас не очень-то весело, но было бы неплохо немного отвлечься, увидеть какое-то новое лицо. И папа обрадуется, что ты живешь так, как и подобает жить в твоём возрасте.

Мама так редко о чем-то просит меня, и ее слова звучат так искренне, что я обещаю спросить Элис и перезвонить на следующий день маме.

Элис соглашается сразу, более того, говорит, что и сама хотела напроситься в гости.

Само собой разумеется, что в первый же вечер в родительском доме звучит имя Рейчел. Но я быстро меняю тему. Иначе мне придется объяснять маме и папе, почему я до сих пор ничего не рассказала Элис.

Ясно, что все равно наступит момент, когда от рассказа не убежишь. Нельзя провести выходные, ни разу не заговорив о моей сестре. И когда мы с Элис желаем моим родителям спокойной ночи и отправляемся спать, я прошу ее на минутку зайти в мою комнату.

— Зачем? — шепчет она и хихикает. — У тебя там никак склад наркотиков?

— Нет, я просто хочу тебе кое-что рассказать.

Элис внимательно смотрит на меня, удивленная моей серьезностью.

— Хорошо, — кивает она. — Я сейчас, ладно?

Она приходит, мы садимся на край кровати.

— У меня была сестра, — говорю я. — Рейчел. Ее убили.

Элис напрягается и хмурится.

— Что?

Я жду. Понимаю, что она расслышала мои слова, и теперь ей нужно время осмыслить информацию.

Так бывает, когда слышишь что-то, во что трудно поверить.

— Расскажи о ней, — просит наконец Элис.

И я начинаю рассказ. Я говорю и плачу. Рассказываю Элис всю историю, начиная с того момента, как мы с Карли и Рейчел выпили кофе и решили пойти на вечеринку. Я плачу и испытываю облегчение от того, что я наконец-то кому-то об этом рассказываю. Элис молча слушает, она не перебивает меня, просто держит руку на моем колене.

— О господи, — говорит она, когда я наконец заканчиваю. — Бедняжка. Бедные твои родители.

Почему ты ничего не рассказывала мне раньше? Боже мой. Бедная Рейчел.

— Да, — киваю я. — Бедная Рейчел. И бедные родители. Это убийство разрушило все.

Элис обнимает меня и держит в объятиях, пока я плачу. Я наконец перестаю вздрагивать в рыданиях, часы показывают два, она помогает мне лечь и гладит меня по голове до тех пор, пока я не засыпаю.

Когда я просыпаюсь, Элис стоит около моей кровати с чашкой дымящего чая.

— Смотри, что я тебе принесла. — Она ставит чашку на прикроватный столик и садится на кровать. — Выспалась?

Элис уже одета. Концы волос влажные, и я ощущаю цитрусовый запах ее шампуня. Рядом с ней я кажусь себе усталой и невымытой. Я беру чашку и делаю глоток. Чай горячий и крепкий, он словно прибавляет мне сил.

— Как ты? — говорю я, выпив полчашки. Теперь я в состоянии говорить. — Во сколько встала? Ты, должно быть, совсем измучена.

— Нет, все в порядке. Я встала рано и уже позавтракала с Элен.

Интересно, почему Элис называет мою маму по имени? Так моих родителей никто не называет.

— Мы говорили про Рейчел, — продолжает Элис.

Я потрясена. Даже не могу себе представить этого разговора. Насколько я знаю, мама никогда не говорит с посторонними о Рейчел.

— И что же? То есть... мама... она с тобой говорила?

— Конечно! По-моему, Кэтрин, ей это было необходимо. Она — прекрасная, храбрая, сильная женщина, но ей действительно надо было дать всему накопившемуся какой-то выход. И сегодня утром мы обо всем поговорили. Это было довольно тяжело, и для меня, и для нее, естественно. Мы и смеялись, и плакали, и обнимались. И даже добавили в кофе ром. Мне кажется, раньше она ни с кем

об этом не разговаривала. — Элис довольно улыбается. — Думаю, я помогла ей взглянуть на ситуацию по-новому. Ей надо было выплеснуть все то лишнее, что накопилось внутри.

— Лишнее? — Я чувствую раздражение, но не знаю почему. — Ты думаешь, это лишнее?

Элис смотрит на меня озадаченно.

— С тобой все в порядке? Что-то не так? Может, я и не права, но я просто почувствовала, что мне надо поговорить с Элен о Рейчел.

То, что Элис называет мою мать по имени, приводит меня в бешенство.

— Пойду посмотрю, все ли с ней в порядке, — вздыхаю я, сбрасываю одеяло и накидываю халат. — После смерти Рейчел она научилась прекрасно скрывать свои чувства. Никогда не догадаешься, о чем она думает на самом деле, если только не знаешь ее так, как я.

Я выхожу из комнаты, не давая Элис продолжить разговор. Знаю, что поступаю невежливо, но уверена в том, что она не права. Она выглядит такой самодовольной, а был ли нужен ее разговор с мамой?

Мама в кухне месит тесто и отмахивается от жужжащей мухи.

— Привет, милая. — Мама улыбается мне. — Ты меня напугала.

— Как ты? — Я внимательно смотрю на нее.

— О! Я чувствую себя... — Мама подносит руку ко рту, глаза наполняются слезами, но она улыбается. — Я чувствую себя прекрасно. Мы с Элис так славно поговорили. Это была хорошая, честная беседа про Рейчел. Знаешь, я почувствовала какое-то освобождение. — Она смеется и качает головой. — Мы даже ром вместе пили.

— Ром? Сейчас? — Я смотрю на настенные часы. — Но ведь еще и десяти нет.

— Я знаю. Эта твоя Элис... — Мама улыбается. — Она очень интересная.

— Да. — Я открываю холодильник. — Но трудно представить, что ты с ней была так откровенна. — Мой голос звучит резко и неодобрительно.

— Да, я была с ней откровенна. — Если мама и заметила мой тон, то не подала виду. — Несчастные мальчики.

— Несчастные мальчики? Какие несчастные мальчики? — Я закрываю дверцу холодильника и смотрю на маму.

— Ну, те мальчики. Мальчики, которые убили Рейчел.

— Несчастные? Вот уж не думаю. По крайней мере, они живы!

— Это верно. Они живы. И будут жить с тем, что натворили, всю жизнь...

Я не свожу с нее глаз.

— Ты больше не горюешь по Рейчел?

— Не горюю? Конечно, горюю. Моя дочь убита. Но очень хорошо, что мне удалось выплеснуть из себя немного гнева. — Она пожимает плечами и снова принимается за тесто. — Я так их ненавидела, этих ублюдков, а теперь я почти жалею их.

— Ну хорошо. — Я отворачиваюсь и наливаю себе чай. Только бы не заплакать. Столько раз я пыталась заставить ее поговорить про Рейчел, поплакать, как-то выплеснуть свой гнев и отчаяние, но она была тверда и не давала волю чувствам. У меня не получалось, а у Элис получилось так легко!

Я допиваю чай и собираюсь выйти из кухни, но мама подходит и кладет руку мне на плечо.

— Она чудесная девочка, эта твоя Элис. Я так рада, что ты привезла ее с собой.

Я киваю и заставляю себя улыбнуться.

— И она так хорошо о тебе отзывается, — продолжает мама. — Я рада, что вы подружились. Мама наклоняется и целует меня в щеку. Она улыбается, и это настоящая, радостная улыбка, так мама улыбалась раньше, до гибели Рейчел. Мы обнимаемся, и я чувствую, как мой гнев на Элис понемногу проходит. Это из-за нее мама так счастлива, и я, вместо того чтобы ревновать, должна быть благодарна Элис. Я повела себя глупо и эгоистично. И я обещаю себе, что впредь буду великодушнее и разумнее, я буду лучше думать об Элис и постараюсь лучше ее понимать. В конце концов, намерения у нее самые хорошие. Она верный друг с умным сердцем.

13

По пути на вечернику мы остановились в доме Карли. Карли сбросила школьную форму и переделалась в джинсы, розовую блузку и золотистые сандалии. Она предложила нам одежду из своего гардероба, и я выбрала джинсы и полосатую футболку, но для Рейчел одежда Карли оказалась слишком велика.

— Тогда тебе придется остаться в форме, — сказала я.

— И на что я похожа? — жалобно заскулила Рейчел, оглядывая себя. Она сняла галстук и выпустила рубашку, но все равно юбка выдавала в ней школьницу. — Как я выгляжу?

— Да кого это интересует? — бросила я. — Ты все равно будешь там самой маленькой, единственная четырнадцатилетняя на сто километров вокруг.

— Но я...

— Рейч! — прервала я. — Кончай жаловаться и ныть. Тебя вообще не звали, это ведь мои друзья, а не твои.

Мы с Рейчел распустили волосы: у Рейчел — прямые и золотистые, у меня — темные и вьющиеся. Еще мы взяли у Карли помаду, а глаза намазали тушью и тенями.

Карли достала из сумки свой мобильник, отключила его и бросила на кровать.

— Если не хотите, чтобы вас доставали родители, — сказала она, — то тоже оставьте тут свои мобильники. Завтра в школе отдам.

Рейчел неуверенно посмотрела на меня, предоставляя право принимать решение. Я пожала плечами, взяла сумку, достала мобильник, отключила его и бросила на кровать Карли. Рейчел быстро последовала моему примеру.

Затем мы побрызгались дорожными духами матери Карли, ими был заставлен весь туалетный столик. Денег на такси у нас не было, и мы решили идти пешком. По дороге мы болтали, затем Карли достала из сумки пластиковую бутылку.

— Подождите минутку, — сказала Карли, остановилась, отвернула крышку и жадно глотнула. Потом шумно выдохнула, глаза заблестели. Мы поняли, что в бутылке вовсе не вода.

— Это водка. — Карли протянула мне бутылку. — С лимонадом. Хочешь?

Я удивленно и недоверчиво покачала головой, но все-таки взяла бутылку. Я знала, что Карли всегда приходила на вечеринки с крепкими напитками. Она была первой девчонкой в нашей школе, которая начала выпивать, Карли находила кого-нибудь постарше, кто покупал для нас алкоголь.

Я поднесла бутылку к губам и глотнула. Напиток оказался очень крепким, водки там было намного больше, чем лимонада.

— Боже, Карли, — простила я, протягивая бутылку назад. — Это же ужасно.

— Рейч? — Карли протянула бутылку моей сестре и вопросительно подняла брови. Рейчел посмотрела на меня, словно спрашивая разрешения.

— Ну, выпей. — Я пожала плечами. — Но тебе не понравится. В первый раз кажется, как будто бензин глотаешь.

Рейчел сделала маленькой глоток, и лицо ее тут же сморщилось от отвращения.

— Кошмар, какая гадость, — сказала она.

— Ничего. — Карли покачала головой, когда Рейчел попыталась вернуть ей бутылку. — Глотни еще. Чем больше выпьешь, тем легче пойдет. Расслабишься и хорошо проведешь время.

Рейчел снова приложила к бутылке.

— Не так уж и плохо, — сказала сестренка. — Но мне все-таки больше нравится обычный лимонад. Карли засмеялась.

— После обычного лимонада ты не получишь столько удовольствия. Поверь на слово.

Не помню, почему меня совершенно не беспокоило, что Рейчел пьет. Я не знаю, почему не проконтролировала ее. Наверное, на нас всех подействовала водка. Мы допили бутылку, пока добрались до места, и с каждым глотком водка казалась нам все более приятной.

Когда бутылка опустела, Карли остановилась.

— Погодите, — сказала она и достала из сумки большую стеклянную бутылку. Она повернула ее так, чтобы мы разглядели этикетку: «Столичная». — Вы же не думали, что мы этим ограничимся? — усмехнулась Карли. — Теперь будем пить неразбавленную. Лимонад кончился.

Она снова наполнила маленькую бутылку и протянула ее Рейчел.

— Начинай! Сначала покажется, будто внутри пожар, но потом привыкнешь.

Рейчел взяла бутылку и сделала большой глоток. Выражение ее лица заставило нас рассмеяться. Дорога заняла почти сорок минут, и пришли мы уже основательно выпившими. Лицо Рейчел размякло, губы растянулись в широкой улыбке. Она была хорошенькой, юной и очень невинной.

— Как ты себя чувствуешь? — Я взяла ее за руку и улыбнулась. Водка смягчила мое раздражение, я больше не злилась, что сестра пошла с нами. — С тобой все в порядке?

Мы еще не вошли внутрь, но уже слышали музыку, голоса и смех. Повсюду бродили подростки. Взрослых здесь не было.

Рейчел с улыбкой посмотрела на меня и кивнула. Она мечтательно подняла брови и начала двигаться в такт музыке.

— Танцуйте. — Карли подтолкнула нас. — Мы же не собираемся простоять все время в уголке?

Мы планировали провести тут максимум час, чтобы к пяти вернуть Рейчел домой и усадить за пианино. Но у Карли мы задержались на добрые сорок минут, и дорога сюда заняла еще примерно столько же. Если отправить Рейчел домой прямо сейчас, то все еще может сойти с рук. Сама я могла бы наврать, что задержалась у Карли. Конечно, родители рассердятся, но не так сильно, как из-за Рейчел. Ей нельзя приходить домой поздно, ей-то всего четырнадцать. Кроме того, Рейчел нужно было заниматься. И еще я понятия не имела, как мы скроем запах водки. Похоже, нас ожидают крупные неприятности.

Обо всем этом я думала, наблюдая за пританцовывавшей Рейчел.

Элис идет перед нами всего лишь на расстоянии двух шагов, но по ее походке понятно, что она совершенно не в настроении вести беседу. Я не думаю, что она чем-то расстроена — нет, она в хорошем расположении духа, она вся светится красотой и энергией, она явно наслаждается этим красивым осенним вечером и последними теплыми деньками.

Но все-таки мы с Робби понимаем, что сейчас с ней лучше не заговаривать. Она иногда бывает такой, в эти моменты ей лучше без нас, чем с нами. Однажды Робби даже как-то пошутил насчет этого. Мы разговаривали про нашу любовь к музыке и вдруг обнаружили, что Элис просто заснула на диване. Мы и не заметили, когда. А говорили мы довольно долго, кажется, несколько часов.

— Мы, наверное, утомили ее своей болтовней, — рассмеялся Робби. — Мы вообще слишком много говорим.

И Робби прав. Но мы никогда не надоедаем друг другу, у нас всегда находятся темы для разговоров. Меня начинает это беспокоить. Я боюсь, не ревнует ли Элис. Но когда я спрашиваю ее об этом, она удивленно качает головой.

— А что тут такого? Хорошо, что вам интересно вместе. Вы оба мне очень дороги, и ваше общение мне нравится.

— Ну, слава богу. А то я уж испугалась. Подумала, вдруг ты ревнуешь?

— Ревную? — Элис снова качает головой. — Я никогда не ревную. Никого и ни по какому поводу. Могу сказать совершенно честно — с чувством ревности я незнакома. Так что об этом не беспокойся.

Этот разговор происходит в пятницу вечером, через несколько недель начинаются экзамены, и мне явно пора позаниматься. Но мне очень хочется видеть Робби и Элис. Дружба с ними стала едва ли не самым важным в моей жизни.

Мы заговариваем про лыжный спорт. Робби предлагает покататься втроем.

— Я не очень-то хорошо катаюсь на лыжах, — говорю я. — Только мешать вам буду.

— Я тебя научу, — возражает Робби. — У тебя все получится.

— Ты не знаешь, о чем говоришь, — смеюсь я. — Ты даже не представляешь, как плохо я катаюсь. Научить меня будет довольно сложно.

— Но меня-то он научил. — Элис поворачивается, замедляет шаги и протискивается между нами. — Представляешь, я вообще не могла стоять на лыжах. А прошлой зимой уже каталась, как чемпион. — Она берет Робби за руку. — А какой он сексуальный на лыжах!

Робби вдруг останавливается и хмуро смотрит на Элис.

— Сексуальный? — переспрашивает он. — Не дурачь меня! Разве я тогда казался тебе сексуальным? Элис смеется и прижимается к Робби.

— Глупый! — говорит она. — Ты меня тогда просто не понял.

Робби раздраженно качает головой.

— Мы на месте, — говорит он и выдергивает свою руку из руки Элис.

Мы стоим перед дверью ресторана «Африка». Робби открывает дверь и пропускает вперед меня и Элис. Я улыбаюсь ему, но он расстроен и не отвечает на мою улыбку.

Внутри темно, только на столах и стенах горят свечи. Глаза постепенно привыкают, и я вижу, что стены красные, а на каждом диване лежат подушки.

— Пойду в бар, возьму напитки, — говорит Робби.

— Отличная идея! — восхищается Элис. — Мне — бутылку шампанского.

— Целую бутылку? — Робби смотрит на нее с сомнением. — Не много ли?

— Нет, — перебивает его Элис. — Именно бутылку. Спасибо.

Робби качает головой и смотрит на меня.

— Кэтрин?

— Мне содовую с лимоном, — говорю я.

Элис хмыкает.

— Содовую с лимоном, — передразнивает она меня. — И ты будешь это пить?

— Мне нельзя пить спиртное, Элис. Я же несовершеннолетняя.

— Ты не обязана ничего объяснять, Кэтрин, — вмешивается Робби. — Кстати, я тоже выпью что-нибудь безалкогольное. У меня завтра футбол. Пусть Элис пьет в одиночестве.

— Ничего себе, — притворно вздыхает Элис. — Вот мне повезло!

Робби снова хмурится и уходит к бару.

Элис задумчиво смотрит ему вслед.

— Он от меня совсем с ума сошел, — говорит она, пожимает плечами и отворачивается. Робби стоит около бара и выглядит очень несчастным.

— Что случилось? — спрашиваю я. — Почему он вдруг рассердился?

— Мне кажется, я невольно напомнила ему о том, что было во время той поездки. Я просто некоторое время провела с одним инструктором. Ничего особенного, всего один вечер. А Робби это не понравилось.

— Провела время? Один вечер? Что ты имеешь в виду?

Элис не смотрит на меня.

— Я сказала то, что сказала, — говорит она громко и четко. — Я провела время с другим человеком. Ты уверена, что хочешь услышать подробности? Робби это не понравилось. Он, кажется, решил, что я его собственность.

Я так потрясена услышанным, что даже не могу ничего сказать, просто сижу, прижав руку ко рту. Я знала, что Элис не так любит Робби, как он ее. Но то, что она сделала, вообще жутко и непонятно.

Как она посмела так поступить с Робби?

Но прежде чем я успеваю собраться с мыслями, Элис подпрыгивает и машет руками.

— Бен! — кричит она, выскакивает из-за стола и бросается к какой-то паре. — Бен! Надо же, это ты. Я тебя еле узнала, все смотрела и смотрела, а потом услышала твой акцент и сразу поняла, что это ты.

Элис говорит громко, и в ресторане на минутку наступает тишина, люди замолкают и прислушиваются. Бен и сидящая рядом с ним девушка — высокая, бледная, с длинными рыжими волосами — молча смотрят на Элис. Бен кажется почти испуганным.

— Элис, — говорит он наконец и вытягивает руку, как будто пытаюсь отстранить ее, но она не обращает внимания на его жест, подходит, обнимает и целует. Бен совершенно растерян.

— Ничего себе! Что ты тут делаешь? — говорит он с явным американским акцентом.

— Как что? Обедаю, конечно. Как и ты. — Элис берет Бена за руку и тут замечает Робби с напитками. — Робби, Кэтрин, смотрите! Это Бен, моя первая настоящая любовь.

Подруга Бена пожимает плечами, Бен пытается что-то сказать, но Элис перебивает его:

— Пойдем, посидите с нами, — весело приглашает она. — Поужинаем все вместе.

— О нет, это ни к чему. — Бен смотрит на свою девушку. — Мы с Филиппой...

— Привет, меня зовут Элис. — Элис быстро наклоняется к Филиппе, и онижимают друг другу руки. Элис улыбается, Филиппа тоже, но ее улыбка не очень-то искренняя.

— Правда, присоединяйтесь к нам, — говорит Элис. — Ну, хоть посидите с нами немного. Мы с Беном не виделись тысячу лет.

Филиппа и Бен соглашаются, и пока они собирают свои вещи, Робби смотрит на меня и выразительно вздыхает. Официантка помогает нам сдвинуть столы.

Если бы не Элис, которая чувствует себя абсолютно непринужденно, мы просто сидели бы и молчали. Элис рассказывает про лето, которое она провела с Беном. Бену явно неловко, и он смущенно улыбается Филиппе, а Элис заливается о том, как они проводили время и как ей нравился его американский акцент.

— Давайте закажем что-нибудь поесть, — вдруг предлагает Элис. — Я сейчас просто умру от голода. Закажешь, Робби? Вы здесь раньше бывали, знаете, что тут подают?

— Нам, наверное, лучше вернуться к своему столику, — говорит Филиппа. Она качает головой и смотрит на Бена.

— Не глупите. — Элис кладет руку поверх руки Филиппы. — Пожалуйста, останьтесь и поужинайте с нами. Мы втроем уже так друг другу надоели, что нам просто необходим кто-то новый. — И она смеется.

Все остальные молчат. Я чувствую себя униженной. Я так наслаждалась компанией Робби и Элис, так была счастлива, что мы вместе, и ее комментарий обижает меня до глубины души. Уверена, что и Робби чувствует себя примерно так же. Я даже глаз на него не могу поднять.

— Хорошо, мы поужинаем с вами, время у нас есть, — говорит Бен. — Да, Филиппа?

— Отлично! Ну слава богу. — Элис прихлопывает рукой по столу. Ее бутылка шампанского уже опустела, Элис слегка пьяна — глаза блестят, щеки покраснелись. — Давайте закажем еще напитков. Мы просто от жажды умираем. Робби, что ты нам порекомендуешь?

Робби откашливается.

— Я снова буду колу. — Он натянуто улыбается Филиппе и Бену. — А вам что заказать?

— Мне воды. — Филиппа поднимает пустой графин. — Можно?

— А Бен будет пиво, — говорит Элис. — Да, Бен? Ты ведь будешь пиво?

— Буду, — кивает Бен. — А почему нет? Пиво — это прекрасно.

— И еще шампанского, — говорит Элис, кидая Робби сотенную бумажку. — Еще бутылку!

Робби разъярен.

— Ты мне не поможешь, Кэтрин?

— Конечно, — говорю я и встаю. Я с опаской оглядываюсь на Элис, боясь, как бы она не отпустила еще какой-нибудь комментарий. Но она лишь наклоняется к Филиппе и даже не замечает, что мы уходим.

Мы направляемся к бару, и Робби оглядывается на наш столик.

— Чертова Элис, — мрачно говорит он. — Что это на нее нашло сегодня? И чем все это закончится?

— То есть? — спрашиваю я и вся сжимаюсь от страха, не хочу никаких неприятностей. Я просто не могу представить себе будущее без Элис и Робби. — Давай поскорее поедим и заберем ее домой.

Робби внимательно смотрит на меня.

— Ты ее никогда еще такой не видела?

— Такой? Не знаю. Я не видела ее такой возбужденной. Ты это имеешь в виду?

Робби качает головой.

— Не совсем. Я ее такой уже несколько раз видел. Она не контролирует себя. Она просто страшна. Она готова разрушить все на свете, и ее никак не остановить. И увести домой не получится. Уверен, она затеяла что-то грандиозное. Она, скорее всего, захочет пригласить Филиппу и Бена в гости. Я не понимаю, почему Робби так взволнован, но меня охватывает страх.

— Ну, не страшно, пусть приглашает. Мы же позаботимся о ней, с ней не случится ничего плохого.

— Знаешь, на твоем месте я бы поскорее ушел домой. Мне-то придется остаться: надо убедиться, что она добралась до дому живая и здоровая. Она здорово напилась. Или это такое психическое состояние.

Элис оживленно разговаривает с Филиппой. Та сидит, сложив руки на груди, и старается отстраниться от Элис.

Мы забираем напитки и возвращаемся. Филиппа торопливо встает и идет в туалет.

— С ней все в порядке? — спрашиваю я Бена.

— Я... — Он смотрит на Элис. — Мне кажется, она...

— Она просто офигела, когда я рассказала ей кое-что про нас с Беном. — Элис громко смеется. — Бен, ну у тебя и подружка!

Бен неуверенно смеется. Я собираюсь спросить, не пойти ли ему за Филиппой, но тут встает Робби.

— Я забыл воду, — говорит он и возвращается к бару.

И тут я понимаю, почему Бен не спешит за Филиппой. Рука Элис лежит на бедре Бена и поднимается все выше.

Я немедленно встаю. Элис приветливо улыбается мне. Уверена, она понимает, что я все видела, и ее это явно радует.

— Я в туалет. — Я выбегаю из-за столика так неуклюже, что роняю стул. — Черт! — восклицаю я, подхватывая стул. — Черт!

— Да успокойся, Кэтрин, — говорит Элис. — Что с тобой? Можно подумать, ты невеста что увидела.

Я смотрю на Бена. Он кажется обеспокоенным.

— Я схожу в туалет, — холодно бросаю я. — Посмотрю, все ли в порядке с Филиппой.

Элис равнодушно пожимает плечами. Я тороплюсь уйти, не хочу быть там, когда вернется Робби. Ведь он тоже увидит руку Элис, я не хочу становиться свидетелем его оскорбления. Боюсь, вечер закончится взаимными обвинениями. В глубине души я таю надежду, что Элис одумается и все закончится хорошо.

Но даже если Робби и увидит Элис, ласкающую Бена, то их отношениям совершенно необязательно придет конец. Ведь я только что узнала, что Элис завела роман с инструктором, когда она и Робби были в горах. Не понимаю, как Робби такое выносит, но мне особенно грустно потому, что сегодня наша дружба с Элис подверглась серьезному испытанию. Не думаю, что смогу общаться с ней как прежде. Она была сегодня так жестока к Робби и Филиппе, что я вряд ли смогу доверять ей снова. Сейчас мне кажется, что я больше не люблю ее.

В туалете одна кабинка закрыта, и я уверена, что внутри Филиппа.

— Филиппа? — Я стучу в дверь.

Никакого ответа, но слышится тихий вздох.

— Филиппа! — Я стучу настойчивее. — Это я, Кэтрин! Я просто хочу убедиться, что с тобой все в порядке.

— Кэтрин? — Я вижу внизу ее тень, и Филиппа открывает дверцу. — Спасибо, что пришла. Я подумала, что это Элис.

Ее глаза заплаканы, лицо покраснело.

— С тобой все в порядке? — спрашиваю я.

— Да. — Она прижимает руку к губам и смотрит в пол. Наконец ей удается совладать с собой, и она старается улыбнуться. — Все в порядке. Спасибо.

Филиппа подходит к раковине и моет руки.

— Ну, и что они делают? — спрашивает она.

— Ну... — бормочу я. — Просто разговаривают, ждут еду.

— На столе пока не трахаются?

— Что? — оторопело спрашиваю я.

Филиппа отрывисто смеется, внимательно смотрит на свое отражение и поправляет волосы.

— Да мне-то наплевать. Бена я едва знаю, мы всего второй раз встречаемся.

— Правда? Так он не твой парень?

— Ни в коем случае. — Филиппа качает головой. — Я себе что-нибудь получше найду.

Я с облегчением улыбаюсь.

Она улыбается мне в ответ и в конце концов начинает громко смеяться.

— Я видела, как Элис держит руку на бедре Бена. Меня это потрясло, но я не умею быстро реагировать в подобных ситуациях. — Филиппа секунду молчит, потом серьезно смотрит на меня. — Прости, я знаю, что она твоя подруга, но не могла бы ты объяснить мне, с какой стати она кладет руку на бедро парня, который пришел с другой девушкой? Ведь и у нее есть парень, да еще такой красавчик. Они же вместе, да? Как можно флиртовать с такой жабой, как Бен, если встречаешься с Робби?

— Робби — классный парень, — заверяю я. — Не знаю. Я вообще не понимаю, что случилось с Элис сегодня. Она никогда себя так не вела.

Я говорю и чувствую, что мои слова звучат как-то глупо. Да, я не видела прежде, чтобы Элис вела себя таким образом, но с некоторых пор ее поведение становится все агрессивнее.

Я пожимаю плечами.

— Мне жаль, но она вела себя неприлично, и ей нет оправдания.

— Неприлично? — Филиппа смотрит на меня и усмехается. — Неприлично? Прости, но это нельзя назвать словом «неприлично». Неприлично — это горячий западный ветер, или кто-то в плохом настроении. Мне даже слово не подобрать, чтобы описать твою подругу. Жестокая. Злобная.

Порочная.

В душе я согласна с Филиппой, но все-таки чувствую некоторое негодование: все-таки Элис — моя подруга, и вообще Филиппе не следует так скоропалительно судить ее.

— Она не такая уж и плохая, — говорю я. — Просто у нее есть некоторые нехорошие качества. Она

может быть очаровательной и щедрой.

— Как Гитлер, да? — подхватывает Филиппа. — Послушай, я вовсе не хочу тебя обидеть. И вообще не должна говорить ничего подобного. Я знаю, что мне лучше не открывать рот. Но тут я не могу молчать. Имей в виду: твоя подруга — настоящая тварь. И это неизлечимо.

— Что? — растерянно переспрашиваю я.

— Тварь. И я отвечаю за свои слова. Я изучаю психологию в университете. — Она пожимает плечами. — Так вот, диагноз твоей Элис — тварь. Просто тварь. И вообще, я думаю, что у нее серьезные проблемы с головой. Разве ты этого не видишь?

Филиппа смотрит на мое изумленное лицо и смеется.

— Ну, прости. Это просто шутка. Да, Элис — тварь, и я изучаю психологию, а вот диагностировать проблемы ее головы я не могу. Но сразу видно, что она — нехороший человек. Господи, какая ты сейчас серьезная.

Я поворачиваюсь к зеркалу и поправляю волосы. Я чувствую себя еще хуже, чем пять минут назад. Филиппа права, но я не хочу, чтобы она поняла, как мне плохо, не хочу плакать при ней. По идее, я должна оскорбиться и защищать Элис, но после ее сегодняшних подвигов я не вправе обвинять Филиппу в резкости.

— Сомневаюсь, что можно делать выводы о человеке спустя всего полчаса после знакомства, — неуверенно говорю я. — Может, у нее просто неудачный день.

— Я наблюдала за ней почти полтора часа. — Филиппа наклоняется так, что я вынуждена смотреть ей в глаза. — Не знаю, как ты, но я и в самый скверный день не буду вести себя так, как она. Держу пари, ты тоже.

Я собираюсь сказать Филиппе, что Элис просто немного эксцентрична, но тут распахивается дверь, и на пороге возникает Элис.

— И что вы тут делаете? — говорит она, заходя в кабинку. Не закрывая дверь, она поднимает юбку, стаскивает трусы, присаживается и мочится. — Там уже еду принесли. Обалденно вкусно — не поторопитесь, все съедят без вас. — Она поднимается, спускает воду, подходит к раковине и смотрит на нас. — Ну что, пошли?

Мы возвращаемся к столу. Элис приветливо разговаривает с Филиппой, та вежливо поддерживает беседу. С Беном Филиппа суха, но в остальном все проходит гладко. Я потихоньку расслабляюсь. Да, Элис выпила больше, чем нужно, и вела себя не лучшим образом, ну и что? Со всеми такое бывает. По дороге домой мы останавливаемся около магазина и покупаем текилу для «Маргариты» и несколько лимонов. Дома у Элис мы находим бокалы, отжимаем лимоны, смешиваем коктейли. Элис включает музыку, мы громко подпеваем. И нам вдруг начинает нравиться компания друг друга, и я забываю о поведении Элис и о своих опасениях, что вечер закончится не так, как хотелось бы.

— Давайте поиграем, — предлагает Элис, когда у каждого в руках по бокалу с коктейлем. Я свой пить не собираюсь, держу его только для вида: я хочу быть совершенно трезвой, чтобы внимательно следить за Элис.

— Давайте, — подхватываю я и смотрю на Робби. Я улыбаюсь ему, стараясь дать понять, что все будет хорошо. Он улыбается мне.

— Правда или нет? — Элис взволнованно потирает руки и выходит на середину комнаты. — Ну, шевелитесь! Мне очень нравится эта игра. Самый лучший способ узнать человека.

Мы рассаживаемся на полу вокруг стола, кто-то выключает музыку.

— Кто первый? — спрашивает Элис и кивает Робби. — Можешь начать с меня. Интересно, хорошо ли ты меня знаешь? Может, выяснишь что-то удивительное?

— Правда или нет? — говорит Робби.

— Правда.

— Ну, давай. — Робби берет свой бокал, отпивает и серьезно смотрит на Элис. — Ты когда-нибудь о чем-нибудь жалеешь? О своих словах или поступках?

Элис бросает на него взгляд и хмыкает.

— Боже мой, Робби. Это же все шутка, игра. — Она вздыхает. — Впрочем... жалею ли? Дай подумать. — Она отрицательно качает головой. — Нет. Никогда и ни о чем. Жалеют неуверенные в себе. Слава богу, я не такая. — Она оглядывает нас с улыбкой. — Кого бы мне теперь выбрать? — Она многозначительно смотрит на Бена. — Ой, Бен, крошка! Давай с тобой. Правда или нет? Только отвечай быстро.

— Правда.

— Отлично, я на это и рассчитывала. Ну, вот мой вопрос: в каком самом интересном месте ты занимался сексом? Отвечай правду!

Бен нервно смеется и смотрит на свой бокал.

— Ну... это было пару лет назад, я приехал в Австралию, познакомился с одной дикой девчонкой. И вот когда мы оказались с ней в гостях у моего друга, она потащила меня в спальню родителей, а когда они внезапно появились в спальне, мы спрятались в огромном буфете, и там было так хорошо и удобно, что мы просто продолжили то, чем занимались раньше.

Он замолкает, смотрит на Элис и улыбается, и я внезапно понимаю, что он рассказывает о ней. И Робби смотрит на Бена, его кулаки сжимаются. Я пугаюсь, понимаю, что пора прекратить эти разговоры. Вечер закончится ужасно, Робби был прав.

Бен, кажется, забыл, что Робби и Элис сейчас вместе. Элис ведет себя так, словно Робби для нее пустое место.

— Но это-то ладно, — продолжает Бен. — Самая-то фишка началась, когда...

— Спасибо, Бен, — громко и с сарказмом прерывает его Робби. — Большое спасибо за твой рассказ. Мне кажется, мы уже достаточно услышали. А Элис отдельное спасибо за такой интересный вопрос. Я сначала не понял, для чего затевается такая игра, но теперь понятно — смысл в том, чтобы послушать дурацкие истории о сексе. Большое спасибо, Бен. Когда настанет мой черед, попробую рассказать какую-нибудь аналогичную чушь.

Бен краснеет и присасывается к своему бокалу, Филиппа смеется.

— Моя очередь, моя очередь, — притворно весело говорю я и поворачиваюсь к Филиппе в надежде, что она поможет мне все сгладить. — Филиппа, правда или нет?

— Правда, — отвечает она. — Я люблю правду. И тайны. И люблю, когда люди задают друг другу вопросы. Эти вопросы иной раз говорят о человеке куда больше, чем ответы.

Я улыбаюсь. Мне трудно придумать для нее вопрос, поэтому я на мгновение замолкаю.

— Кэтрин! — смеется Элис. — Тебе-то еще тоже не задавали вопрос. Давай я задам?

— Твоя очередь уже прошла, — говорит Робби. — Пусть Кэтрин задает свой вопрос.

— Ну, если уж на то пошло, то сейчас очередь Бена. И вообще, все это не имеет значения, —

медленно произносит Элис раздраженно. — И с каких это пор ты так строго соблюдаешь правила, Робби? С каких пор ты стал таким скучным? Всю радость убиваешь.

— Убиваю радость? — Робби смеется. — Немного же здесь было радости, Элис.

Элис пропускает его слова мимо ушей и смотрит на меня.

— Правда или нет? — спрашивает она.

Я колеблюсь, не зная, что ответить. У меня столько тайн, но все-таки я решаю, что это лишь игра, и наконец отвечаю:

— Правда.

— Правда... — медленно, растягивая слово, повторяет Элис. — А ты уверена? Уверена, что будешь говорить правду?

— Надеюсь. Спрашивай.

— Ладно. — И она смотрит на меня с любопытством. — Ты была счастлива, когда избавилась от своей прекрасной сестры? Тебе полегчало, когда твою сестру убили?

Дальше все происходит как в тумане. Я слышу раздраженный голос Робби, приказывающей Элис замолчать. Чувствую, как Филиппа берет меня за руку. Но вижу я только глаза Элис — холодные, глубокие, безжалостные.

15

Я просыпаюсь рано, на улице еще совсем темно. Сара вылезла из своей кровати и пришла ко мне, и теперь ее маленькое теплое тельце прижимается ко мне. Ее голова лежит на моей подушке, я сплю на самом краю, так что половина кровати остается пустой.

Тихонечко, чтобы не разбудить ее, я выскальзываю из-под одеяла и беру со стула свой толстый шерстяной свитер. В комнате холодно, я включаю обогреватель, комната наполняется мягким теплом. Завариваю чай, выхожу в гостиную и сажусь там в угол дивана, поджав под себя ноги.

Я привыкла просыпаться так рано. Иногда я занимаюсь в это время какими-то домашними делами, готовлю Саре завтрак, пока она спит, или привожу в порядок ее одежду, но чаще просто сижу, потягивая чай, и наслаждаюсь своим личным временем. Я не думаю о чем-то определенном, не строю никаких планов на будущее и не вспоминаю о прошлом. Просто сижу и получаю удовольствие от чая. И когда Сара просыпается и прибегает ко мне, тепленькая и пахнущая сном, я удивляюсь, как быстро прошла пара часов.

Но этим утром я уже через час не могу сдерживать нетерпение. Не могу дождаться, пока проснется Сара, хочу увидеть снег, хочу услышать ее радостные крики, хочу посмотреть, как она катается на санках или лепит снеговика. Я хочу, чтобы она радовалась вместе со мной, поэтому в шесть покидаю свой диван и готовлю ее любимый завтрак — французский тост с бананом и кленовым сиропом и чашку горячего шоколада. Я накрываю на стол и захожу в спальню разбудить Сару.

— Мы идем к снегу, мама? — спрашивает она, едва открыв глаза. — Уже пора, да?

— Еще нет. — Я сажусь на кровать и обнимаю ее. — Сначала — огромный французский тост и горячий шоколад.

— Ура, ура! — кричит она, выскакивает из-под одеяла и выбегает из комнаты.

Я иду за ней и смотрю, как она стоит на коленях на стуле и поедает завтрак.

— А тебе хватит, мамуля? — с набитым ртом спрашивает она.

— Хватит, хватит. — Я сажусь напротив и беру с подноса тост. — Мне кажется, тут и на десять

человек хватит.

— Вряд ли. — Сара очень серьезно качает головой. — Я очень голодная. Мне сегодня нужно десять тостов. Французский тост — моя любимая еда.

И она правда съедает весь завтрак, допивает шоколад и соскальзывает со стула.

— Теперь я готова, — говорит она. — У нас сегодня важный день.

Я смеюсь над ее взрослой фразой, которую иногда произношу сама.

— Точно. Очень важный день. Но у нас еще много времени. Солнце только встает.

— Я хочу быть первой, — говорит Сара. — Хочу выйти до восхода солнца.

16

Я снова слышу стук в дверь, негромкий, но настойчивый. Кто бы это ни был, он стучит уже минут десять, и я устала притворяться, что меня тут нет.

Подхожу к двери, но не открываю:

— Уходите. Уже полночь. Уходите.

— Кэтрин, это я, Робби. — Его голос такой знакомый, добрый и спокойный, что я едва удерживаюсь от слез. — И Филиппа тут. Пожалуйста, пусти нас.

— А Элис с вами?

— Нет.

Я вздыхаю, отпираю замок и сразу же отворачиваюсь и ухожу. Знаю, они искренне обеспокоены, но я ужасно устала. Заснуть все равно не смогу, но разговаривать с ними нет никаких сил.

Захожу в гостиную и сажусь на диван. Филиппа и Робби следуют за мной и садятся на диван напротив.

— Элис рассказала нам, — словно успокаивая, говорит Робби. — Ну, про твою сестру.

Я киваю. Если произнесу хоть слово, немедленно разревусь.

— Мне уйти? — Филиппа смотрит сначала на Робби, потом на меня. — Я просто хотела убедиться, что с тобой все в порядке и что Робби тебя нашел. Но я вовсе не хочу тебе мешать.

Я смотрю на Филиппу и пожимаю плечами. Она выглядит ужасно — бледная, под глазами тени.

— Тогда я останусь, если ты не возражаешь. — Она вздыхает.

Мне совершенно все равно, останется Филиппа или нет, но я вдруг вспоминаю, что Вивьен уехала на выходные, и радуюсь, что она не увидит всего этого.

— Давайте я принесу чай? — вдруг говорит Филиппа.

— Я бы выпил. — Робби благодарно улыбается Филиппе. — А ты, Кэтрин?

— Да, спасибо, — соглашаюсь я. — Но...

— Она сделает все как надо, — заверяет Робби. — Филиппа, чайник и заварка на полке. Все в порядке? — Когда Филиппа уходит из комнаты, Робби кладет руку на мое колено.

Я киваю и пытаюсь улыбнуться.

— Дурацкая ночь. Надо было послушать тебя и уйти. — Я наклоняюсь вперед и шепчу: — Филиппа считает, что Элис — просто гадина. Думает, у нее какие-то проблемы с головой. Она тебе об этом говорила?

— Я почти согласен. — Робби пожимает плечами. — Элис действительно вела себя сегодня ужасно. Наверное, с ней и в самом деле что-то не так. Кто знает? Впрочем, какая разница? Может, она просто такая сволочная.

Робби выглядит очень уставшим и расстроенным.

— Робби, а как ты? С тобой все в порядке? — спрашиваю я. — Ты не очень-то хорошо выглядишь.

— Понятное дело, — говорит он, его покрасневшие глаза наполняются слезами, и он трясет головой, желая скрыть их. — Кошмарная ночь, да?

— Да.

Больше сказать нам нечего. Возвращается Филиппа, и мы потихоньку пьем чай, погружившись каждый в свои мысли.

Мы заканчиваем чаепитие к четырем утра, и я убеждаю Робби и Филиппу остаться у меня. Робби я даю одеяло и подушку и спрашиваю Филиппу, можем ли мы поспать в одной кровати. Мы так устали и морально, и физически, что готовы уснуть где угодно и как угодно. Присутствие Филиппы меня успокаивает. Я закрываю глаза и чувствую, как она берет меня за руку и пожимает ее.

— Спокойной ночи, — говорит она.

— Спасибо, — отвечаю я. — Надеюсь, кошмары меня мучить не будут.

Я просыпаюсь, когда солнце уже высоко. Филиппы рядом нет. Но я слышу голоса из другой комнаты и рада, что ребята здесь и я не одна. Я снова закрываю глаза.

В следующий раз я просыпаюсь в полдень. Я уже не слышу голосов Робби и Филиппы, но слышу смех и музыку. Встаю и иду в гостиную.

Филиппа сидит на диване и смотрит какой-то старый черно-белый фильм.

— Доброе утро! — говорит она. — Или добрый день. Я ждала, пока ты проснешься. Вот, кино смотрю. Кстати, отличное кино! Купи себе на DVD. Мы с Робби не знали, можно ли оставить тебя одну, а ему надо было на работу, но он сказал, что обязательно вернется. — Она на секунду замолкает и улыбается. — Ну, как ты?

— В порядке. — Я сажусь рядом с ней на диван. — Спасибо, что пришли.

— Ой, да не за что. — Она берет пульт и убавляет звук. — Ты голодная?

— Да, — киваю я.

— Отлично. Я все купила для салата. Сейчас приготовим интересный салат, туда надо помидоры, спаржу, вареные яйца. Это мой любимый салат. Хочешь?

— Давай. Но только если ты на самом деле хочешь готовить. Честно.

— Приступаем. — Она вскакивает с дивана. — Я и сама проголодалась.

Я предлагаю помочь ей, но Филиппа отказывается, говоря, что она не выносит, когда на кухне крутится кто-нибудь еще. Когда салат готов, мы берем тарелки и выходим на балкон. Мы не говорим ни про Элис, ни про Рейчел, Филиппа непринужденно болтает обо всем на свете, и мы ни на минуту не замолкаем.

Филиппе двадцать три, она учится в университете, изучает психологию.

— Даже не верится, что тебе только семнадцать, — говорит она. — Ты кажешься старше, ты намного серьезнее, чем семнадцатилетние.

— Все так говорят. — Я улыбаюсь. — Не знаю, воспринимать это как комплимент или как оскорбление.

Она рассказывает мне про своего младшего брата Мика. Он барабанщик в небольшом оркестре.

— У них выступление в пятницу вечером. Хочешь со мной? Они классные музыканты.

Прежде чем я успеваю ответить, раздается стук в дверь.

— Это Робби. — Филиппа кладет вилку и оборачивается. — Он же сказал, что придет после работы. Я направляюсь к дверям и едва протягиваю руку к замку, как в дверь стучат снова. Я вдруг понимаю, что это не Робби — он никогда не был столь нетерпелив.

Но уже слишком поздно притворяться, что меня нет дома. Дверь распахивается, и я вижу Элис. Она в белой футболке и джинсах, лицо не накрашено, в руках — огромный букет красных роз. Глаза покраснели, как будто она плакала, но вообще она выглядит свежей и беззащитной, поэтому трудно поверить, что это та самая Элис, которая испортила вчерашний вечер.

— Прости меня, Кэтрин. — Ее губы дрожат, глаза наполняются слезами. — Прости... Просто не знаю, что на меня нашло.

Она протягивает мне букет, я беру его, но не говорю ни слова.

— Я просто... понимаешь... — Она плачет, плечи трясутся, голос дрожит. — Как будто что-то вселяется в меня и заставляет себя так вести. И я набрасываюсь на людей, даже на самых близких, на тех, кого люблю, и ничего — ничего — не могу с собой поделать!

Гнев во мне начинает таять.

— Проходи. — Я беру ее за руку и тяну в дом.

Я усаживаю Элис рядом с Филиппой. Сначала Филиппа холодна и подозрительна. Но Элис, как обычно, открыта и доброжелательна, она еще раз просит прощения за вчерашнее. Она смеется над собой и так себя передразнивает, что не простить ее просто невозможно. И Филиппа через некоторое время оттаивает, тоже поддавшись обаянию Элис. Мы разговариваем и смеемся до самого заката. Становится слишком холодно.

— Давайте посмотрим какое-нибудь кино. И закажем пиццу, — предлагает Элис.

— Ой, я даже не знаю, — сомневаюсь я. — Завтра ведь понедельник, надо в школу. А я совсем не выспалась.

— Мы не будем засиживаться допоздна, — отвечает Элис. — Просто я не хочу, чтобы этот день заканчивался. Нам ведь так весело вместе! Не хочу идти домой. — Она бросается к Филиппе и хватает ее за руку. — Пожалуйста, Филиппа! Можно я докажу, что я вовсе не такая тварь, какой показала себя вчера вечером! Давайте посмотрим кино! И съедим что-нибудь! — Она смотрит на нас умоляюще. — Ну, пожалуйста! Пожалуйста!

— Это решает Кэтрин. Это ведь ее квартира. Она, наверное, устала от нас.

— Нет, все в порядке. — Я пожимаю плечами. — Просто я снова хочу есть. И кино посмотреть тоже хочу.

Мы заказываем пиццу в ближайшем ресторане. Филиппа и я хотим внести какие-нибудь деньги, но Элис настаивает, что все оплатит сама.

Она уходит, и мы с Филиппой идем мыть тарелки.

— Она вовсе не такая плохая, — говорю я.

Филиппа опускает глаза и тщательно моет посуду.

— Она может быть очень милой и приятной.

— Да. — Я беру ее за локоть. — Но ты все равно считаешь ее гадиной.

Мне немного неловко говорить с Филиппой про Элис, все-таки Элис — моя близкая подруга, а с Филиппой мы только что встретились, но Филиппа такая откровенная и честная, и она мне очень нравится. Я доверяю ее мнению, и мне на самом деле интересно, что она скажет.

Филиппа вздыхает и вытирает руки, смотрит на меня и пожимает плечами:

— Мне все-таки кажется, что она немножко сумасшедшая. Она такая странная!

— Но она не всегда странная, — возражаю я. — Обычно она просто прекрасный человек. Ты даже не представляешь, какой щедрой и милой она может быть. Что же, мне прогнать ее?

— О... — Филиппа смотрит на меня и улыбается. С грустью и удивлением. — Наверное, ты права. Я не так добра, как ты, поэтому я бы ее прогнала. Прогнала и убежала подальше.

Честно говоря, я обеспокоена ее словами.

— Понимаешь, — начинаю я, — после смерти Рейчел я многое поняла. Сначала все были ко мне очень внимательны, не оставляли меня. Но через какое-то время у всех стали находиться свои дела. Был конец учебного года, начались всякие вечеринки... никто не хотел сидеть со мной в комнате и плакать. И никто не хотел, чтобы я приходила к ним на вечеринки. Я не обвиняю, никто не хочет переживать чужое горе, но ведь мне было очень плохо. А никого не было рядом. И теперь я думаю, что если ты — настоящий друг, то должен принимать своего друга таким, какой он есть, — и в горе, и в радости, и хорошим, и плохим.

— Я понимаю, что ты хочешь сказать. — Филиппа вытирает мойку. — Но не думаю, что надо дружить с теми, кто приносит в нашу жизнь негатив и боль. Я бы не стала. Но это же не значит, что ты должна делать то, что делаю я? Мы все разные, и все идем своей дорогой.

Наконец Элис возвращается, и мы сидим за кухонным столом и уплетаем пиццу. Робби приходит около восьми, сначала он очень холоден с Элис и слегка неодобрительно смотрит на меня и Филиппу. Но мы кормим его пиццей и весело болтаем, и в конце концов он оттаивает и тоже вступает в беседу. И Элис к нему очень внимательна и почти нежна.

Мы устали, гасим свет и идем в гостиную. Элис выбирает диск и ставит его в проигрыватель. Прежде чем включить, она поворачивается к нам.

— Я хочу вам кое-что сказать, пока мы не уснули. — Она тихо улыбается. — Хочу, чтобы вы это знали. — Она многозначительно смотрит на Филиппу, потом на Робби. — Между мной и Беном вчера ничего не было. Он уехал почти сразу после вас. Это чистая правда.

Робби отводит взгляд и старается подавить улыбку, но совершенно ясно, что он счастлив это слышать.

Элис продолжает:

— Но самое главное: я вчера вела себя ужасно и хочу извиниться перед всеми вами. Перед тобой, Кэтрин, перед тобой, Робби, но особенно перед тобой, Филиппа. Я вообще не понимаю, как могла такое натворить. Теперь я себя просто ненавижу. Вы все были так добры ко мне, и я не заслуживаю вашего прощения, но если вы все-таки меня простите, я буду просто счастлива.

— О, ради бога, — говорю я, надеясь, что тусклый свет скроет румянец на моих щеках. — Сядь и замолчи.

— Сяду, — смиренно соглашается она, и в ее голосе слышатся слезы. — Но я хотела сказать, что очень дорожу нашей дружбой. Вы и понятия не имеете, насколько. Вы и понятия не имеете.

17

Внутри было намного темнее, чем снаружи. Никакого освещения, кроме нити волшебных фонарей, свисающих с потолка, но они почти не давали света. Было так шумно, что стены вибрировали от смеха и гула. Рейчел и я стояли, держась за руки.

Карли уверенно шагнула вперед. Мы прошли за ней к большой ванне, наполненной льдом и банками пива и колы. Карли достала три банки пива и протянула нам с Рейчел.

— Чье это? — спросила я.

Карли покачала головой, показывая, что не слышит.

— Отсюда можно брать? — крикнула я.

Карли пожала плечами и огляделась.

— Не вижу никого, кто мог бы нас остановить, — крикнула она в ответ. — Пошли?

Карли вступила в толпу, которая танцевала перед сценой, и начала двигаться в такт музыке. Она подняла банку пива, отхлебнула, потом переложила ее в другую руку и помахала нам.

Рейчел вопросительно посмотрела на меня, но я покачала головой. Пока танцевать не хотелось. Мой приятель, скорее всего, был где-то тут, и я сначала хотела найти его. Потом я кивком головы показала Рейчел, что она может потанцевать и без меня.

Примерно так же, как при игре на фортепиано, Рейчел в танце забывалась. Она двигалась плавно и ритмично, совершенно в унисон с музыкой. Она посмотрела на меня с широкой счастливой улыбкой, и я засмеялась. Я выпила, чувствовала себя легкомысленной и веселой, кругом была толпа, гремела музыка. Я знала, что мой приятель будет так же рад мне, как и я ему.

Я прислонилась к стене, медленно потягивая пиво, хотя совсем не любила его, и наблюдала за Рейчел и Карли. Я как раз собиралась пройтись вокруг навеса, чтобы поискать своего приятеля, но тут он появился прямо передо мной.

Он улыбнулся своей очаровательной улыбкой и покачал головой в знак неодобрения. Я улыбнулась, но никто из нас не сказал ни слова. Я уже чувствовала его запах — шоколада и немножко пота, и его губы были напротив моих.

Мы поцеловались и обнялись, потом посмотрели друг на друга, потом снова прижались. Мы были так рады тому, что увиделись, так возбуждены всей атмосферой и взаимным желанием, что никак не могли перестать улыбаться.

Я чувствовала все нарастающее возбуждение, я знала, что хочу быть с ним, хочу полностью принадлежать ему. Я была готова заняться с ним любовью. Не сегодня вечером, конечно, но в ближайшее время.

И теперь, когда я была рядом с ним, пиво показалось мне приятным, мне понравилось, что кругом темно — это успокаивало и настраивало на еще более романтический лад. Я чувствовала себя уверенной и защищенной, и, несмотря на толпу, мне казалось, что мы одни.

18

Вечером я смотрю телевизор, свернувшись на диване и лениво щелкая пультом, но в дверь вдруг стучат.

Сначала я решаю, что это Элис, и задаюсь вопросом, что лучше — открыть дверь или притвориться, что меня нет дома. Я больше не сержусь на нее, просто устала, а ее бесконечная энергия утомит меня еще больше. Но потом я все-таки встаю, выключаю телевизор и, вздыхая, иду к двери.

Но там не Элис, там Робби. Он улыбается, в руках у него мороженое, горячий шоколад и пачка печенья.

— А я с подарками, — говорит он. — Смотри, сколько шоколада.

Я смеюсь и придерживаю дверь, чтобы он мог войти.

— Я хотел поговорить. — Робби так и стоит в дверном проеме и смущенно смотрит на меня. — Не возражаешь? Мы вчера так и не остались наедине, а мне хотелось о многом поговорить. Ну, о твоей сестре. И про Элис, конечно. — Он горько качает головой. — Но ты устала, наверное, поэтому я и купил горячий шоколад, чтобы тебя подбодрить. — Он замечает мою пижаму. — Ты уже спать собиралась, да? Извини. Я только...

— Робби! — перебиваю я. — Остановись. Заходи. Я не устала. И тоже хотела с тобой поговорить. — Я беру мороженое. — И мороженое я хочу, прямо сейчас.

Мы идем в комнату, раскладываем мороженое и садимся. Оно восхитительно — с шоколадным сиропом.

— Обалденно, — говорю я.

Робби смеется, но улыбка тут же сходит с лица, и он внимательно смотрит на свое мороженое.

Я доедаю и вытираю руки.

— Робби, с тобой все в порядке?

— Да. — Он пожимает плечами. — Я не про себя пришел поговорить, правда. — Он хмурится. — А ты как? С тобой все в порядке?

— Да, все прекрасно.

— Ты никогда не говорила мне про свою сестру. Ты мужественная. Я-то всегда рассказывал тебе о своих проблемах. — Он сердито смотрит на меня. — Почему ты мне ничего не говорила?

Я сажусь рядом и беру его за руки.

— Прости. Я знаю, что обидела тебя. Но это не потому, что я тебе не доверяю. Правда.

Робби внимательно слушает.

— Когда Рейчел умерла, в прессе только об этом и писали. Газетчики буквально преследовали меня и моих родителей. Это было ужасно. — При одном воспоминании мои глаза наполняются слезами, и я отворачиваюсь.

Робби обнимает меня.

— Все в порядке. — Его голос звучит виновато, и я понимаю, что он винит себя в моих слезах. — Ты ничего не обязана мне рассказывать. Все это не имеет значения. Я не понимал... Боже мой, Кэтрин, какой я дурак! Заставил тебя плакать.

Я смотрю на него и вытираю глаза.

— Дело не в тебе, Робби. Я плачу всякий раз, когда вспоминаю то время. Я просто хотела объяснить, почему ничего тебе не рассказала.

— Все в порядке, можешь не рассказывать.

Я отталкиваю его руку и встаю.

— Но я хочу рассказать. Просто слушай и не перебивай. Прошу тебя.

Он послушно кивает.

— Моя настоящая фамилия не Паттерсон, — начинаю я. — Моя настоящая фамилия — Бойделл.

Глаза Робби округляются. Конечно, он слышал про сестер Бойделл.

— Ну вот, ты о нас слышал. По крайней мере знаешь, что о нас писали в газетах.

— Я помню только фамилию. — Он качает головой. — Еще помню, что твоя сестра была очень одаренным человеком, да?

— Да, это правда. Была.

— Господи, Кэтрин. — Робби снова качает головой. — Я не могу поверить...

— Знаю.

— И это была твоя сестра? Боже мой. Я знаю, что случилось. Эти ублюдки убили ее.

— Да. И в газетах только о нас и говорили. Журналисты, так сказать, сделали нас знаменитостями. Нашу семью обсуждали все, кто только мог.

— И что же говорили?

— Все что угодно. Во многих статьях писали, что мама и папа были невероятно честолюбивы в отношении Рейчел. Конечно, так оно и было. Но Рейчел действительно была очень талантлива, почти гениальна. О ней писали и при жизни, но потом, после ее смерти, все эти журналисты стали нашими врагами. Они писали, например, что Рейчел по три или четыре часа в день играла на фортепиано. Она, конечно, много занималась, но в статье это звучало так, как будто мама и папа ее заставляли! Вовсе нет, Рейчел очень любила музыку, она хотела заниматься, она хотела быть самой лучшей. Да, мама и папа были честолюбивы, но они любили Рейчел, любили больше всего на свете. У нас была очень счастливая семья. — Мой голос начинает дрожать, я обхватываю голову руками и стараюсь справиться с собой. — Мы были счастливы.

— Понимаю.

Я перевожу дыхание.

— Именно поэтому я поменяла имя и стала Кэтрин Паттерсон вместо Кэйти Бойделл, именно поэтому переехала в Сидней. И мама с папой уехали тоже поэтому. Я никому об этом не говорила, никому, кроме Элис. Я не хочу больше быть Кэйти Бойделл. Понимаешь?

Робби кивает и сжимает мою руку.

— Когда ты заговорил про свою маму, я хотела тебе сказать, что очень хорошо понимаю твои чувства.

— Ну вот, а я-то подумал, что ты просто такая суперчувствительная Кэтрин, — пытается пошутить Робби.

Мы доедаем мороженое, которое уже растаяло, и я рассказываю Робби про ту ночь, когда убили Рейчел. И рыдаю точно так же, как и тогда, когда рассказывала Элис, а Робби обнимает меня и внимательно выслушивает. Он приносит еще мороженого, задает мне вопросы, плачет вместе со мной, мы утешаем друг друга.

Около полуночи я говорю Робби, что очень устала и хочу спать. Но когда он собирается уехать, я прошу его остаться и переночевать со мной. Просто как друг. Не хочу оставаться одна. И он соглашается.

Я даю ему запасную зубную щетку, и мы вместе чистим зубы, сплевывая пасту в раковину. Мы ложимся рядом, в спальне темно, я слушаю его дыхание и чувствую себя спокойно, как никогда.

— Никогда не спала с парнем другой девушки, — говорю я. — Конечно, мы ничем таким не занимаемся. Но все равно это как-то против правил.

— Ничего, для Элис не существует никаких правил. Она не признает никаких границ. А пообщаешься с ней и сам таким становишься. — Он грустно смеется. — Вспомни про Элис и Бена. А ее слова о твоей сестре? Она никого не уважает и ни к кому не прислушивается, так что и мы имеем право вести себя так, как хотим.

— Ну да, — говорю я. — Но я не считаю, что мы ведем себя ужасно. — Я качаю головой. — Мы

ведь просто друзья, мы заботимся друг о друге. И Элис мы не делаем ничего плохого. Даже если она и узнает, уверена, ей будет все равно.

— Да нет, не все равно. Не потому, что она меня любит. Просто она не может вынести мысли, что со мной рядом может быть кто-то еще, что не она командует парадом.

Я молчу. Мне не нравится мысль, что Элис командует мной так же, как и Робби. Но Робби любит ее и потому многое ей позволяет. А я ей просто подруга, я не влюблена в нее.

— Так или иначе, — продолжает он, — ты произнесла это слово — парень. Ты сказала, что я — парень Элис. — Он смеется сухим, ожесточенным смехом. — Но это не так. Она меня просто использует, когда ей что-то надо или у нее подходящее настроение.

— Но если ты это чувствуешь...

— Да, — перебивает он. — Конечно, я это чувствую. — Он сердит и несчастен. — Я много раз уговаривал себя не видеться с ней... А знаешь, какое произошло странное совпадение? Мой отец встретился на вечеринке с одной женщиной. Ты не поверишь, но ее зовут Рейчел.

— Что же тут такого? Это самое обычное имя.

— Нет, дело не в имени. Знаешь, каким счастливым выглядит отец? Как раньше, когда мама еще была жива.

— Но это же прекрасно, Робби. Ты ее видел? Ну и как она?

— Не видел. И ничего не хочу о ней знать.

Я некоторое время молчу.

— Ты считаешь, что твой отец предал маму?

— Ни в коем случае. Мама умерла. И она хотела, чтобы папа был счастлив.

— Так в чем тогда дело? — удивляюсь я. — Почему ты не рад за него, в чем проблема?

— Я ревную. — Голос Робби полон ненависти. — Я знаю, что должен радоваться за него, как он радовался бы за меня. Но я все время думаю о том, что он счастлив, а мое сердце рвется на части из-за Элис. Почему он должен быть счастлив? Он старик. А у меня вся жизнь впереди. Не могу больше смотреть на его довольное лицо.

— О Робби. — Я рада, что он не может видеть улыбки на моем лице.

— Что? Я знаю, что я просто урод. Чем я лучше Элис?

И тут я не могу сдержать смех, рвущийся из моей груди. Я стараюсь успокоиться, но слышу, что Робби тоже смеется. И мы хохочем так, что кровать трясется, мы смеемся, пока у нас не начинают болеть животы и мы уже не можем дышать. Когда мы наконец успокаиваемся, мое лицо все мокрое от слез.

— Что ж, — говорю я, стараясь не засмеяться снова, — не все потеряно, раз ты способен замечать собственные недостатки.

— То есть?

— Ты видишь свои недостатки, значит, ты не так уж плох, и это уже хорошо, — объясняю я.

— Может, ты и права, — задумчиво произносит Робби.

— Может быть.

Мы молчим, и я закрываю глаза.

— Ты хорошая, Кэтрин, — сонно говорит Робби.

— И ты тоже, Робби.

— Если бы я только встретил тебя раньше... До встречи с Элис, — говорит он, берет меня за руку и сжимает. — Мы могли бы... мы могли бы...

Он замолкает.

— Да, — сонно соглашаюсь я. — Я знаю.

19

— Они классные, да? — Филиппа с гордостью смотрит на оркестр брата, отбивая ногой ритм.

— Да, — киваю я и улыбаюсь.

Они действительно отличные музыканты, они здорово, слаженно играют, и их музыка мне очень нравится, но сейчас у меня жутко болит голова, и я хочу домой, в кровать. Филиппа зашла за мной вечером и была так взволнована в ожидании концерта, что я не посмела ее разочаровать. Я надеялась, что головная боль пройдет, но она лишь усилилась. Филиппа позаботилась, чтобы наш столик был ближним к оркестру, и теперь грохот музыки кажется почти невыносимым.

Брат Филиппы Мик играет на ударных. Он очень симпатичный и серьезный — за весь вечер он ни разу не улыбнулся. Он такой же бледный, как и Филиппа, с длинными черными волосами. И всякий раз, когда он бросает взгляд на наш столик, я так и читаю в его глазах невысказанный вопрос — а кто эта странная девушка рядом с его сестрой?

И хотя музыка мне нравится, я радуюсь, когда объявляют перерыв. В тишине головная боль чуть проходит. Мик разговаривает с другими музыкантами, а потом подходит к нашему столику.

— Привет, — говорит он и кладет Филиппе руку на плечо. Он смотрит на меня весьма недружелюбно, я пытаюсь улыбнуться, но он уже отводит глаза.

— Привет. — Филиппа берет его за руку. — Это Кэтрин, я тебе про нее рассказывала, помнишь?

— Да. — Мик снова бросает на меня взгляд. — Привет.

Мне трудно вынести такое откровенное нерасположение, поэтому я холодно бросаю «привет» и отворачиваюсь.

— У Кэтрин болит голова, — говорит Филиппа. Я поворачиваюсь к ней и удивленно хмурюсь. Я не говорила ей о головной боли, откуда же она о ней знает? Но ведь не головной болью объясняется мое недружелюбие, это ее брат ведет себя невежливо. Филиппа наклоняется ко мне.

— Мик поможет тебе избавиться от головной боли.

— Избавиться?

— Ну да. — Мик смотрит на меня. — Если хочешь.

— А как? — Внезапно мне приходит в голову мысль, что они имеют в виду наркотики. — О нет, спасибо. — Я поднимаю свой стакан с лимонадом. — Мне завтра в школу.

— Он не наркотики имел в виду, глупая, если ты про это подумала, — смеется Филиппа. — Он может сделать массаж. Правда помогает. Даже удивительно.

Я представляю себе, как этот явно недружелюбно настроенный парень массирует мои плечи, и невольно улыбаюсь — настолько абсурдна эта мысль.

— Пустяки, само пройдет. Но все равно спасибо.

Но прежде чем я успеваю закончить фразу, Мик садится напротив и берет мою правую руку. Он нажимает точку между указательным и большим пальцами и начинает поглаживать ее круговыми движениями. Его большой палец касается моего запястья, потом ладони и среднего пальца.

Я готова рассмеяться и отнять руку, поскольку испытываю недоверие к таким методам, но Мик

сжимает мою руку.

— Погоди немного, сейчас должно подействовать. — И он улыбается.

Улыбка удивительным образом меняет его лицо. Теперь оно открытое, приветливое. Он улыбается еще шире, у него белые ровные зубы, доброжелательный взгляд, и вообще он потрясающе красив. Я понимаю, что никогда раньше не встречала таких красивых людей.

Мое напряжение проходит, мне кажется, что каждым своим движением он как будто стирает головную боль. Он больше не смотрит мне в глаза, только улыбается и не сводит внимательного взгляда с моей руки.

Наконец он больно закручивает мне кожу между большим и указательным пальцами.

— Ну вот. — Он отпускает мою руку и выжидающе смотрит.

— Все прошло! — Я подношу руку к голове. — Совсем прошло!

— Здорово, да? Я же говорила, что подействует. Ах ты, мой маленький умница брат. — Филиппа гордо смотрит на Мика, а он смотрит на меня. Он уже не улыбается, но я чувствую, что его взгляд наполнен теплотой. Он смотрит на меня слишком долго, и я чувствую, как мое сердце начинает биться сильнее.

— Да, спасибо. — Я отворачиваюсь и перевожу взгляд на Филиппу. — Принести лимонад, Филиппа? А ты хочешь что-нибудь, Мик?

— Нет, спасибо. — Филиппа качает головой.

— А я хочу пива, — говорит Мик.

— Отлично. — Я направляюсь к бару.

— Подожди, — окликает он. Я поворачиваюсь. Он улыбается мне, и я рада, что стою не слишком близко, потому что мое сердце колотится как сумасшедшее. — Скажи, что это для оркестра, тогда будет бесплатно.

— Хорошо, — говорю я.

Я заказываю напитки, оборачиваюсь и смотрю на Мика. Они с Филиппой наклонились друг к другу и разговаривают, Мик изображает барабаны, отбивает такт. Они явно говорят не обо мне.

Я знакома с таким чувством. Когда Мик на меня смотрит, кажется, будто в животе трепещут бабочки. Такое бывало и раньше, но после смерти Рейчел я запретила себе даже думать об этом.

Я выпиваю лимонад. Он ледяной, горло начинает саднить, но мне очень хочется пить. Глубоко вздыхая, я настраиваюсь на абсолютное спокойствие, чтобы не краснеть и не заикаться, и возвращаюсь к столу.

— Мы заговорились о музыке, — поясняет Филиппа, когда я протягиваю им напитки. — Извини.

— Все в порядке. — Я качаю головой и сажусь. — Я люблю говорить о музыке. Моя семья... мы часто говорили... — И тут я замолкаю. Смерть Рейчел и вся эта история — больше не тайна, но я не могу говорить об этом как о чем-то обыденном.

Раньше в моей семье часто говорили о музыке — до того, как погибла сестра. После ее смерти мы о музыке почти не говорим.

Филиппа замечает перемену в моем настроении и меняет тему.

— Слушай! — громко восклицает она и кладет ладонь на руку Мика. — Ты никогда не угадаешь, кого я на днях видела!

Мик поднимает брови.

— Каролину! — говорит она. — Каролину Хандел. Мик, ты не поверишь, она так изменилась! Совершенно другая, такая нарядная и шикарная. Была с какой-то большой компанией. Нет, ну как она изменилась!

— Да? — Мик безразлично пожимает плечами.

Его, кажется, совершенно не интересует рассказ Филиппы про какую-то Каролину, и, когда она заканчивает, он немедленно поворачивается ко мне.

— Ты говоришь, в твоей семье часто говорили о музыке. А что теперь? Что-то изменилось?

— Мик! — резко обрывает Филиппа. — Не надо задавать такие вопросы, это невежливо.

— Почему? — Мик расстроен. — Что-то не так? — Он смотрит на меня и поднимает свою бутылку. — Я спросил что-то неприличное? Я ведь даже не пьян, неужели я сказал что-то не то?

— Нет-нет, — успокаиваю я. — Филиппа, не беспокойся, все в порядке.

И тут я принимаю решение. Я все им расскажу. Может быть, сейчас неподходящее время, но разве есть подходящее время и место для разговоров о смерти? Если я не заговорю об этом сейчас, потом будет еще труднее.

— Мою сестру убили, — говорю я. — Может быть, немного странно, что я рассказываю тебе об этом именно сейчас, — быстро продолжаю я, — но мне на самом деле очень важно выговориться. Я столько времени скрывала это, с тех самых пор, как уехала из Мельбурна. Это событие изменило меня. Оно все изменило.

Я перевожу взгляд на Мика.

— Я понимаю, что ты не очень-то хочешь все это слушать. Но Филиппе я уже рассказывала. Мик молча кивает.

— Мы вместе пошли на вечеринку. — Я ставлю свой бокал, кладу руки на колени и начинаю рассказ.

На этот раз я не плачу, только несколько слезинок скатываются по щеке. Брат и сестра слушают, и, когда я заканчиваю, Филиппа подходит и обнимает меня.

Я смотрю на Мика. Его глаза наполнены слезами, он смотрит на меня и сочувственно улыбается — в его глазах сочувствие и печаль, похоже, он не знает, что сказать. Я тоже улыбаюсь ему.

20

— Прекрати, — сказала я. — Перестань. Не здесь и не сейчас. Не хочу, чтобы все произошло вот так.

— Ладно. — Он отодвинулся от меня, поправил на мне футболку и вздохнул. — Хотя жаль.

Я обняла его за шею и поцеловала в губы.

— Не жалею.

Я огляделась. Мы сидели у подножия дерева, я устала, а кроме того, слишком много выпила.

— Я бы хотела расстаться с девственностью в постели. На хорошей, чистой, мягкой кровати. И еще — я бы хотела быть трезвой.

— И я тоже. Честно. — Он улыбнулся. — Ты сводишь меня с ума, но мне хочется, чтобы все было хорошо. Мне правда хочется быть в этот момент трезвым, чтобы мы запомнили это на всю жизнь.

— Черт! Сколько времени? — Я повернула запястье Билла и попыталась рассмотреть время, но было слишком темно. — Тут есть подсветка?

— Да. — Он поднял запястье к лицу и включил подсветку. — Почти полдевятого.

— Черт, черт! — Я вскочила и стала отряхивать одежду. — Черт! Как поздно. Блин, мы попали. Что

будет дома, когда мы явимся? Билл, вставай! Мне надо забрать Рейчел и бежать домой.

Но внутри Рейчел не было. Мы оглядели всех танцующих и всех, кто сидел вдоль стен. Мы нашли Карли и спросили ее, но она лишь безучастно покачала головой — она была совершенно пьяна, рядом с ней сидел какой-то незнакомый парень.

— Она, наверное, на улице. Пойдем. Может, она около машин.

— Ладно. Я посмотрю во дворе, а ты — за домом. Так будет быстрее. Встретимся тут!

Я начала не на шутку волноваться. Уже поздно, мама с папой наверняка дома. Они будут беспокоиться. А если Рейчел еще и выпила, то они непременно учуют запах и придут в ярость. Неприятностей не оберешься.

Я бросилась туда, где были припаркованы машины, и услышала мужские голоса и смех. Вокруг одной из машин собралась небольшая толпа. Дверцы были открыты, двое парней заглядывали в салон. На водительском месте сидел парень, второй был на заднем сиденье — рядом с Рейчел. А Рейчел держала в руках стакан пива, глаза ее были полузакрыты.

— Привет, — бросил мне парень, сидящий на водительском месте. — Тебе что-нибудь нужно? Я улыбнулась.

— Я за сестрой. Рейчел, нам пора. Уже поздно.

— Кэйти! — Рейчел открыла глаза и пьяно улыбнулась, пиво выплеснулось из ее стакана. Она, похоже, этого не заметила. — Кэйти... Мне так хорошо. Я им все рассказала про... как это? Про мою... — Она постучала пальцами по ноге. — Про мою музыку! — Ее язык заплетался, движения были медленными и неуверенными. — Представляешь?

Я посмотрела на парней. Они были одеты в стиле «боган», как многие мои знакомые, — в изношенные фланелевые рубашки. Тот, который сидел на водительском месте, был старше других — ему было, по крайней мере, лет двадцать.

— Прекрасно, — сказала я, забирая стакан из рук Рейчел. — А теперь пойдем.

Я взяла ее за руку и потянула, но она не двигалась. Она была тяжелая и неподвижная, и я никак не могла вытащить ее.

— Ты что, хочешь забрать ее домой? — спросил парень с переднего сиденья. В зубах у него была зажата сигарета.

— Да, тут недалеко, — соврала я.

Парень язвительно рассмеялся. Я пожала плечами и снова обратилась к Рейчел:

— Давай, двигайся! Нам пора. Уже поздно.

Она захихикала, завалилась набок и закрыла глаза, делая вид, что спит.

— Боже мой, — в отчаянии произнесла я.

Я точно знала, что в происходящем виновата я и только я. Нельзя было приводить ее сюда, нельзя было оставлять одну.

— Сколько пива она выпила?

Первый парень (его звали Грант) покачал головой и поднял брови.

— Не знаю, не видел. Может, всего лишь стакан, она же совсем не умеет пить. А, Шон? — Он повернулся к крупному плотному парню, который сидел рядом с Рейчел. — Ты не знаешь, сколько она выпила?

— Не-а. — Шон заржал так, что его жирный живот заколебался. На меня он даже не посмотрел. —

Откуда мне знать? Она уже была нажравшейся, когда полезла в машину.

— Кошмар! — Я схватилась за голову. — Как же мне дотащить ее домой?

— Можем подвезти, — сказал первый парень. — Тебе все равно тащиться не меньше часа, да еще и в темноте. А таксисты не меньше сотни заломят.

Я задумалась. Идти с Рейчел пешком — и речи быть не может. Пока она придет в себя, пройдут часы, и мама с папой точно сойдут с ума от беспокойства. Скорее всего, даже позвонят в полицию. Можно было бы попросить у кого-нибудь мобильник и позвонить им, чтобы успокоить, но они начнут задавать кучу вопросов, да, чего доброго, еще и приедут, чтобы забрать нас. А если увидят всю эту пьяную и прокуренную компанию, то их реакцию мне просто не предсказать. Они разгонят здесь всех, а если кто-то будет сопротивляться, просто вызовут полицию.

Конечно, они в любом случае поймут, что мы выпили, но лучше, если они обнаружат это дома, а не здесь.

— Что ж, — сказала я наконец, — спасибо. Я не стала бы вас напрягать, но я просто не знаю, что делать. Мы живем в Тураке.

— Турак? — Грант бросил окурок, пшикнул в рот освежителем и достал новую сигарету. — Турак... да, реально хорошее место. — Он посмотрел на меня и кивнул. — Никаких проблем. Мы все равно уже собирались выезжать, да, Шон?

— Да. — Шон снова отвратительно засмеялся. — Мы давно собирались убраться с этой тошнотворной вечеринки.

— Отлично, тогда я пойду скажу своему приятелю. — И тут мне пришла в голову одна идея. — А что если мы возьмем его с собой? Только до нашего дома, оттуда он сам дойдет.

— Ой, нет, извини. — Парень покачал головой. — Он просто не влезет. Тут, кроме меня, еще Шон, Джерри, Крис и вас двое.

— А может, бросай дружка и сестренку, и поехали с нами? — снова заржал Шон, не глядя на меня.

— Заткнись, жирный, — сказал парень. Шон глупо улыбнулся, положил руку ему на плечо и нежно пожал. Жест показался мне странным.

— Я только пойду и скажу ему, что уезжаю, хорошо? Я быстро. — Я положила руку на коленку Рейчел. — Рейч! Я вернусь через минуту. Эти парни отвезут нас домой. Договорились? Рейч!

— Отвезут нас домой? — Она с трудом открыла глаза и снова закрыла. Губы ее не слушались. — Нам что, уже пора? Как жалко, мне было так весело.

— Подождете? — Я посмотрела на Гранта. — Я вернусь через секунду. Правда.

— Не волнуйся ты. — Он улыбнулся и снова сунул в рот сигарету. — Мы никуда без тебя не уедем. Я бросилась обратно и почти сразу нашла своего парня. Он с компанией стоял около входа.

— Вот здорово, — сказал он, увидев меня. — Я только что спрашивал ребят, не видели ли они твою сестру.

— Все в порядке, — ответила я. — Я ее нашла. Но она жутко пьяная, мне надо как-то доставить ее домой. Я нашла парней, которые нас подвезут.

— Каких парней?

— Одного зовут Грант. Да все в порядке. Она у них в машине, я не могу ее оттуда вытащить. Она слишком пьяная, еле шевелится. — Я нетерпеливо махнула рукой и поцеловала его в щеку. — Мне пора. Боюсь, как бы ее не стошнило.

— Я поеду с тобой.

— Нет-нет, все в порядке. Не беспокойся за нас. — Я улыбнулась и сжала его руку, потом приподнялась на цыпочки и поцеловала в губы. — Оставайся тут с друзьями. Выпей за меня. И я побежала обратно к машине.

Парни были уже внутри. Я скользнула в заднюю дверцу и села рядом с Рейчел. Голова сестры была запрокинута назад, глаза закрыты, рот полуоткрыт. Я коснулась ее щеки.

— Рейч! Мы едем домой. — Я пристегнула ее ремнем безопасности. Она приоткрыла глаза и попыталась улыбнуться.

— Хорошо.

— Пива хочешь? — спросил Шон. Он по-прежнему избегал смотреть мне в глаза.

— О нет, спасибо. Я уже достаточно выпила.

— Черт, — сказал он, придвигаясь еще ближе. — Ну, тогда поддержи, по крайней мере. Я ж нарочно открыл.

Я взяла банку и поднесла ее к губам, сделав вид, что глотаю. Пить мне больше не хотелось. Я очень хотела оказаться в своей мягкой и теплой кровати.

— Спасибо. — Я улыбнулась Шону, но он уже отвернулся.

— Большое спасибо, — сказала я Гранту. — Ой... я же не представилась. Я — Кэйти Бойделл.

— Кэйти? Очень приятно.

Он не представил меня другим, и, выждав минутку, я представилась им сама. Но атмосфера была настолько неуютной, парни так искусственно старались быть приветливыми, что я почувствовала себя неловко.

Я отвернулась и стала смотреть в окно. Я думала о том, что сказать маме и папе. Надо честно рассказать им все. Они сразу же поймут, что Рейчел пьяна, им, наверное, даже придется вытаскивать ее из машины. Я представила себе лицо мамы — холодное, гневное, и разочарованное лицо папы, как он качает головой, глядя на нас. «Но Кэтрин! — скажет он. — Как же так? Мы же вам так доверяли».

Это будет просто ужасно, выходные будут испорчены. Но все же, несмотря на эти мысли, я чувствовала себя почти счастливой, и эту радость у меня никто не мог отобрать. Я любила и была любима. Он такой замечательный, такой нежный и ласковый. Одна мысль о нем делала меня счастливой. Когда я буду сидеть под арестом в своей комнате — а это уж точно, что буду, — я просто подумаю о нем, и мне сразу станет веселее.

Я погрузилась в свои мысли и не сразу заметила, что пейзаж за окном машины мне совершенно незнаком. Я понятия не имела, где мы.

— Послушай, Грант! — заволновалась я. — Мы живем в Тураке, не забыл? Это не та дорога.

— Мы живем в Тураке, не забыл?

Мне потребовалось время, чтобы понять — он передразнивает меня. Прежде чем я успела задать вопрос, он засмеялся и снова повторил:

— Мы живем в Тураке, не забыл? — Он говорил нарочито высоким голосом. — Прекрасное место.

Не у всех получается поселиться в Тураке. — Он злобно засмеялся. — Кое-кто живет в таком дерьме, что тебе и не снилось! Некоторые живут в самой заднице мира, около помоек или тюрем. Кто розы нюхает, а кто — дерьмо! Несправедливо, да, Шон?

Шон засмеялся отрывистым, нарочитым смехом. Я повернулась к нему, но он по-прежнему избегал моего взгляда. Я отметила, что на самом деле он очень симпатичный — синие глаза, отличная кожа, его только жир портил. Если похудеет, станет очень привлекательным. Он поднес к губам банку с пивом, но вздрогнул, и пиво пролилось. На лбу у него выступил пот, и я поняла, что он боится. И еще я поняла, что мы с Рейчел в опасности.

Горло сдавило так, что стало трудно дышать. Сердце бешено заколотилось. Я вдруг почувствовала, что от парней исходит враждебность. «Как я могла не заметить этого раньше?» — подумала я в отчаянии. Я так хотела поскорее отвезти Рейчел домой, что не заметила очевидного. Я думала, что парни просто неприветливы, но на самом деле в них чувствовалась враждебность.

Они знали, что должно случиться. Я не представляла, что они хотят с нами сделать, но не сомневалась, что они способны на все. Они наверняка дали Рейчел какой-то наркотик, а предлагая мне пиво, хотели подсунуть наркотик и мне. Как-то к нам в школу приходили полицейские, предупреждали нас о том, что нельзя пить напитки, которые предлагают незнакомцы.

Но Рейчел была так доверчива и наивна. Она никогда ни о ком не думала плохо.

Парни не смотрели на меня и не пытались заговорить. Было понятно, что главный у них Грант. Он чувствовал себя очень уверенно и спокойно. Другие парни казались взбудораженными и немного напуганными. Они явно понимали, что поступают неправильно, а может быть, жалели нас.

— Пожалуйста, вы не могли бы отвезти нас домой? — сказала я, стараясь, чтобы мой голос прозвучал твердо и уверенно.

— Мы обязательно привезем вас домой, только сначала немножко покатаемся. — Грант обернулся и подмигнул мне.

Может, Грант просто любит пугать людей, и нас тоже хочет напугать? Но я слышала столько страшных историй о насилии и издевательствах, что начала плакать от страха. Я старалась зажать рот рукой, чтобы не раздражать парней. Грант снова повернулся ко мне.

— Что, принцесса? — спросил он. — Вышло не так, как хотелось? Папиной дочке возразили?

— Извини, — пробормотала я и отвернулась к окну. — Извини меня.

Он зло засмеялся и хлопнул рукой по рулю.

— Извини? — громко сказал он. — Ух ты, какие мы воспитанные! Твоя мамочка может тобой гордиться.

Машина резко вильнула на встречную полосу, загудел какой-то автомобиль. Грант выровнял машину и злобно выругался.

— Гребаный водила! — закричал он.

На мгновение мне захотелось, чтобы мы попали в аварию. Сильнее пострадают те, кто на переднем сиденье, и я стала придумывать, как отвлечь Гранта, чтобы мы с кем-нибудь столкнулись. Но нет, это было слишком опасно, и к тому же, если у меня ничего не получится, то для нас с Рейчел все обернется еще хуже.

Оставалось только ждать. Надо выяснить, чего они от нас хотят, и попытаться убежать. Это был бы реальный шанс спастись, если бы Рейчел не была такой неподвижной и вялой. Она крепко спала и ничего не чувствовала, даже когда я больно сжала ее коленку.

улыбается, и я улыбаюсь ему. Как только оркестр заканчивает играть, Мик подходит к нашему столу.

— Куда вы пойдете после концерта? — спрашивает он.

— Домой, — отвечает Филиппа. — Кэтрин завтра в школу.

Уже и вправду поздно, Филиппа совершенно права, мне пора спать, но у меня нет никакого желания уходить.

— Не беспокойтесь обо мне. Все в порядке. Я чувствую себя прекрасно.

— Надо бы нам сходить куда-нибудь, — перебивает Мик, глядя прямо на меня. — Поужинать. Я знаю пару мест, где можно вкусно поесть.

— Что ж, — говорю я, — отлично. Я голодная.

Филиппа смотрит на часы и, нахмурившись, поворачивается ко мне.

— Но уже скоро полночь. По-моему, ты хотела пораньше оказаться дома?

— Нет, — качаю я головой. — Уже не хочу.

— Прости, но я против. — Филиппа закидывает сумку на плечо. — Давайте в следующий раз. Мне правда уже пора спать.

Она встает, целует брата в щеку и прощается. Филиппа ждет, что я пойду с ней. Момент очень неловкий — я не знаю, что делать, что говорить, как объяснить, что вовсе не хочу уходить. Но Мик спасает меня от объяснений.

— А мы с тобой вполне можем куда-нибудь сходить, — говорит он, обращаясь ко мне. — Я потом провожу тебя, обещаю.

— Да, хорошая мысль, — соглашаюсь я, внезапно пугаясь того, что подумает Филиппа. Я поднимаюсь и беру свою сумку. — Отлично придумано!

Филиппа сердито и озадаченно хмурится.

— Что такое? — спрашивает она и смотрит на Мика, а потом на меня. Мои щеки краснеют. Но она вдруг начинает смеяться. — Вообще-то я понимаю, что вы хотите остаться вдвоем, — говорит она. — Да?

Я перевожу дыхание и жду, что Мик возразит, но он встречается со мной взглядом и улыбается. Я улыбаюсь в ответ и понимаю, что нашими улыбками мы говорим друг другу то, что невозможно выразить словами. Мы молчим и улыбаемся. Я чувствую себя совершенно счастливой.

— Хорошо, — говорит наконец Филиппа. — Я тогда пойду.

Она поворачивается к Мику.

— Удостоверься, что она благополучно доберется домой. Или я тебя просто убью.

— Заметано, Пип, — отвечает он.

— Ты знаешь, что он ездит на мотоцикле? — спрашивает меня Филиппа.

— Это прекрасно, — бодро говорю я, подумав о своих родителях — они умерли бы от ужаса, узнав, что я поеду на мотоцикле. — Вообще-то мотоциклы мне нравятся.

Филиппа обнимает Мика и меня, потом крепко пожимает мне руку. Я понимаю, что она ободряет меня, и чувствую к ней нежность. Она добрая и открытая, она — хорошая подруга.

— Я сейчас, только соберусь, — говорит Мик. — Это быстро. Подождешь?

Я предлагаю помочь. Он ведет меня к сцене и знакомит с другими музыкантами. Следующие десять минут я помогаю им, связываю какие-то коробки и отношу в бар пустые бокалы. Когда мы

заканчиваем, Мик идет за кулисы и возвращается с двумя шлемами и кожаной курткой.

Он берет меня за руку — его ладонь большая, надежная и теплая — и улыбается широкой и счастливой улыбкой. Я смеюсь.

— Пойдем? — говорит он.

Мы молча выходим. Как странно, я только что встретила с этим парнем, но для меня так естественно держать его за руку. Между нами происходит что-то легкое, волшебное, я чувствую себя в безопасности, как будто оказалась дома.

— Ну вот, — говорит он, когда мы доходим до его мотоцикла. Он надевает шлем и подает мне куртку. — Надень.

Куртка немного велика, но она мягкая и хорошо пахнет. Я тоже надеваю шлем, сажусь позади Мика, обнимаю его за талию, и мы мчимся в ночь.

22

Грант остановил машину.

— Так, — сказал он и отстегнул ремень безопасности. — Ну что, позабавимся? А, Кэйти? Кэйти-Кэйти, моя девочка!

Я не отвечала, просто смотрела на него. Мне нечего было сказать, моя ненависть к нему была такой же сильной, как и страх. Зубы стучали, я старалась сдерживаться, но ничего не получалось.

Рейчел так и не двигалась, хотя я щипала ее и толкала. В глубине души я ей завидовала.

— Эй! — Грант толкнул сидящего рядом с ним парня. — Вылезай! Ты что, всю ночь тут собираешься сидеть?

— Хорошо, хорошо! — Парень открыл дверцу и выскользнул из машины.

Грант тоже вышел из машины, Шон вылез вслед за ним. В конце концов мы с Рейчел остались вдвоем.

— Рейч! — Я положила руку ей на колено и потрясла ее. — Просыпайся, Рейч, просыпайся! — Я слышала истерические нотки в своем голосе, но уже не могла сдержаться. — Пожалуйста, Рейч.

Прошу тебя! — Я говорила все громче, уже не думая о том, что парни меня услышат. —

Пожалуйста!

Дверца рядом со мной открылась, и я почувствовала холодный ночной воздух. Грант нагнулся ко мне.

— Она не слышит тебя, малышка. Напрасно стараешься. — Он глянул на свое запястье. — Думаю, пройдет еще пара часов, прежде чем она придет в себя.

И тут он положил руку на мое колено и сжал его. Я хотела закричать и пнуть его, но только прикусила губу.

— Чего ты хочешь? — тихо спросила я. — Чего ты от нас хочешь?

Он выпустил мне в лицо струю дыма. Я отвернулась и закашлялась.

— Вот черт! Извини. Ты разве не куришь?

— Нет.

— Может, попробуешь? Мне нравятся девчонки, которые курят. Это так сексуально. Ты так не считаешь?

И он снова выдохнул дым мне в лицо.

Я закрыла глаза и задержала дыхание. Он вдруг схватил меня за лицо и грубо сунул мне в рот

сигарету.

Я попыталась отвернуться, но он дернул меня за волосы, и я почувствовала жгучую боль. Он потянул сильнее, и мне пришлось задрать голову.

— Послушай, ты, сука, — сказал он и нагнулся к моему лицу так, что я почувствовала щетину на его щеках. — Не смей отворачиваться от меня. Я этого не люблю, ясно? — Он отпустил меня, я кивнула и заплакала.

— Ой, — вздохнул Грант. — Вот только без слез.

Он приоткрыл дверцу пошире.

— Делай, как я говорю. Тогда все будет в порядке, поняла?

Он вел себя самоуверенно и нагло.

— Поняла, — сказала я. — Поняла.

— Молодец, девочка. На, покури. Тебе не повредит. — Грант сунул мне в рот сигарету. — Давай-давай.

Я затанулась и закашлялась. Грант рассмеялся, качая головой, как будто бы удивляясь.

— Выходи, — сказал он наконец. — Пора уже.

— Куда мы? — спросила я, с тревогой глядя на Рейчел. — А она? Я не хочу ее оставлять.

Грант тяжело вздохнул.

— Что я тебе говорил, Кэйти? Ты меня опять не слушаешься, милая. Делай так, как я тебе говорю, и все будет в порядке.

Он зажал сигарету между большим и указательным пальцем и внимательно посмотрел на тлеющий огонек.

Я поняла, что он собирается сделать. Я закричала, и он прижал сигарету к моей ноге. Я невольно толкнула его, и тут он схватил меня и выдернул из машины. Он был намного сильнее, и я не могла ему сопротивляться.

— А ну заткнись! — зашипел он мне прямо в лицо. — Делай так, как я тебе скажу, и все!

Моя ненависть готова была выплеснуться через край. «Кто ты такой? — хотелось мне заорать ему в лицо. — Как ты смеешь? Ты, тупой, уродливый придурок! Ты пожалеешь об этом, ты заплатишь!

Если мне представится такая возможность, если ты повернешься ко мне спиной, я брошусь на тебя, я тебя убью».

— Шевелись! — закричал он. — Вылезай из машины, немедленно!

Я с трудом вылезла из машины.

Шон и другие стояли неподалеку. Я слышала их бормотание и смех. Голоса звучали неестественно. Они явно старались взбодриться, но бравада была наигранной.

Грант схватил меня за плечо и потянул в сторону.

Было уже темно, я спотыкалась, ноги дрожали. Я старалась не падать и изо всех сил сдерживала слезы.

Мы оказались перед каким-то зданием или навесом. Грант открыл дверь и втолкнул меня внутрь, затем захлопнул дверь и запер ее снаружи.

— О боже, — прошептала я в темноту. — Пожалуйста, не оставляйте меня тут. Пожалуйста.

Больше всего мне хотелось кричать и колотить в стену руками и ногами, но я понимала, что это приведет только к худшему. Нельзя злить Гранта, он может причинить зло Рейчел. Мне

потребовалось все самообладание, чтобы сдержаться.

Я опустилась на землю и глубоко вздохнула. Как трудно не поддаться истерике. Но я жива и невредима, и Рейчел тоже, ничего фатального пока не случилось. Если я буду держать себя в руках, то, возможно, смогу их перехитрить.

Я принялась ощупывать землю, пытаюсь что-нибудь обнаружить — какую-нибудь лазейку или источник света. Наконец руки коснулись чего-то мягкого. Сначала мне показалось, что это какое-то животное, но я не почувствовала движения, не услышала ни звука. Я робко протянула руку вперед. Это было не животное, а какой-то мешок. С сеном или семенами. Я поползла дальше и обнаружила целую кучу таких мешков, сложенных у стены.

Между землей и металлической стеной не было никаких щелей. Глаза понемногу привыкали к темноте, кроме того, от дверного проема исходил слабый свет. Но я точно знала, что дверь заперта. Может, отодвинуть мешки? Шанс был невелик, но за ними вполне могла быть какая-нибудь дыра. Мешки были тяжелыми, но страх придавал мне силы. Я не оттаскивала мешки далеко, просто складывала их примерно в метре от стены.

Мои старания увенчались успехом. Когда я дошла до последнего ряда, я заметила серебристое мерцание, исходящее от земли. Свет. Я начала таскать мешки намного быстрее. Теперь, когда спасение было близко, я вдруг осознала, какой опасности мы подвергаемся. У меня заболел живот, и очень захотелось в туалет.

Перетаскав все мешки, я опустилась на колени и заглянула в щель между стеной и землей. Стена была немножко погнута, и мне показалось, что я могу расширить эту дырку. Я с силой толкнула железную стену, и она прогнулась, но совсем немного.

Я снова почувствовала отчаяние. Рыдая, я толкала стену, и с каждым новым толчком она прогибалась все сильнее.

Теперь проем казался намного больше, и я попробовала вылезти. Я легла на живот, повернула голову, прижалась щекой к земле и двинулась вперед. Галька больно впивалась мне в лицо, но я все двигалась и двигалась, сантиметр за сантиметром. Обдираясь о железо, я наконец вылезла наружу. Свободна!

Я встала на ноги. Теперь было еще сложнее держать себя в руках. Отдышавшись, я на дрожащих ногах направилась в сторону машины.

Дверцы машины были распахнуты, я увидела Рейчел, лежащую на земле. Она лежала на спине, юбка запуталась вокруг талии. Грант стоял на коленях между ее раздвинутых ног. Он двигался туда-сюда, Рейчел тихо стонала. Остальные парни стояли, прислонившись к машине, и наблюдали.

Эти ублюдки насиловали ее. Они насиловали мою маленькую сестру.

Я прижала руку к губам, чтобы заглушить крик. Я хотела броситься к ним, расцарапать их, разорвать, убить. Но не сделала этого. Я бы не справилась с ними. Я села на землю и изо всех сил сжала руки. Потом в отчаянии оглянулась, и тут сквозь деревья увидела какой-то свет.

Я снова повернулась к Рейчел, и тут Шон поднял голову. Мне показалось, он смотрит прямо на меня. Не знаю, увидел ли он меня, и никогда уже не узнаю. Там, где я стояла, было темно, и вполне возможно, он меня не заметил, но я испугалась.

Я вскочила и бросилась туда, к свету.

Мы спускаемся к Круглому причалу и затем к камням. Мик ведет меня в паб, где, как он утверждает, отлично кормят. Мы оба голодны и потому заказываем кучу еды — бифштексы, чипсы, салат. Жадно едим, улыбаясь друг другу всякий раз, когда наши взгляды встречаются.

Все съедено, мы потягиваем кока-колу, и Мик целует меня. Это неожиданно, но все-таки замечательно. Он встает, наклоняется над столом и прикасается губами к моим губам. Это не страстный поцелуй, скорее, братский. Это поцелуй, который доказывает, что я ему нравлюсь, что я ему дорога.

— Почему ты нахмурился, когда увидел меня? — спрашиваю я. — Я подумала, что не понравилась тебе. И решила, что ты ужасно невоспитанный.

— Потому что я очень странно себя почувствовал. Как только я тебя увидел, сразу понял, между нами что-то произойдет. Я это знал. Сразу. — Он застенчиво улыбается. — Ты поразила меня.

Мы оба счастливы, мы так рады, что нашли друг друга. Когда мы выходим из паба и возвращаемся к мотоциклу, Мик спрашивает меня, где я живу.

— Я не хочу домой, — говорю я.

— Не хочешь?

— Нет.

Мы идем в квартиру Мика. Он делит жилье со студентом по имени Саймон. Мы завариваем чай и пьем его в спальне Мика. Его кровать — просто матрас на полу, но все аккуратно прибрано, подушки сложены горкой. Книги составлены в стопки около стены, гитара прислонена к стене. Мы сидим на кровати, касаясь друг друга коленками. Говорим про музыку, про наши любимые группы и песни. Мы уже выпили по три кружки чая и съели весь шоколад. Почти три часа утра, Мик перекладывает подушки и ложится.

— Ложись, — говорит он мне. — Ты устала, наверное.

Я устраиваюсь так, что наши лица совсем близко друг от друга.

Мик касается моего лица кончиком пальца и проводит вниз по щеке, по подбородку, по шее.

— Ты красивая, — говорит он.

Мы целуемся, прижимаясь друг к другу. Нам очень хорошо вместе.

И я чувствую, что хочу рассказать свою историю.

— Я последний раз целовалась давным-давно. — Я вздыхаю и недолго молчу. — Его звали Уильям Холло. Это было в ту ночь, когда убили Рейчел.

Мик кивает.

— Больше той ночью ничего не было. — Я вспоминаю Билла, как я была в него влюблена, и каким неуклюжим и некрасивым казался он мне потом. — А после той ночи все развалилось. Все стало глупым и нелепым. Он приходил и смотрел, как я сижу и плачу. Он казался таким жалким и несчастным. В конце концов я сказала, что не хочу его больше видеть. Он так обрадовался своему освобождению. — Я грустно смеюсь. — Ты бы видел его лицо. Он попробовал притвориться, что огорчен, но у него ничего не вышло.

— Наверное, для шестнадцатилетнего это было очень тяжелое испытание.

— Да, — соглашаюсь я. — Я его ни в чем не виню. Мне тоже стало легче, когда он ушел. Было очень тяжело, когда он вот так сидел и жалел меня. Но он был слишком воспитан и добр, чтобы уйти первым.

— И с тех пор?

— Ничего, — говорю я. — Никого.

— Тогда мне повезло. — Мик улыбается и целует меня в лоб. — Но нам некуда спешить. Я могу подождать. Не хочу тебя принуждать.

Но я точно знаю, чего я хочу. Я качаю головой и застенчиво улыбаюсь. Я беру его руку и прижимаюсь к нему еще сильнее. Мои губы касаются его губ.

— Мик, — шепчу я.

— Мне нравится твое имя. Оно тебе очень подходит. Кэтрин. Кэтрин и Мик.

И когда он вот так произносит мое имя, все меняется. Мне никогда не нравилось имя Кэтрин, раньше я предпочитала, чтобы меня называли Кэйти.

Но теперь я больше не Кэйти, я — Кэтрин, и сегодня вечером, впервые в жизни, я не хочу быть кем-то еще.

24

Ты бежишь, бежишь, бежишь. Ты бежишь быстрее, чем бегала когда-нибудь раньше. Ты падаешь, поднимаешься и продолжаешь свой бег.

— Пожалуйста, пожалуйста, — рыдаешь ты. — Помогите мне. Пожалуйста. Кто-нибудь. На помощь! Ты боишься, что они бегут за тобой, что они преследуют тебя, что они с каждым шагом все ближе и ближе. На самом деле ты слышишь собственное дыхание, ты стараешься бежать еще быстрее. Ты боишься обернуться. Несмотря на боль, на усталость, ты заставляешь себя бежать.

И когда ты подбегаешь к свету, становится ясно, что в доме кто-то есть. Окна открыты, свет над входной дверью включен, около дома припаркован автомобиль. Кто-то дома!

Ты замедляешь бег, падаешь на крыльцо и лупишь кулаками по двери. Ты кричишь.

Через мгновение дверь распахивается. На пороге стоит женщина, она очень недовольна неожиданным вторжением. Увидев тебя, она пугается. Ее рот приоткрывается, она прикладывает руку к груди, а другой берет тебя за руку.

— С тобой все в порядке? — спрашивает она. — Что-то случилось?

Когда приехала полиция, парни уже сбежали. Они оставили Рейчел там, в грязи. Кто-то из полицейских заверяет тебя, что она выглядит вполне спокойной, на ее холодном мертвом лице ясное выражение. Он говорит, что она не понимала, что происходит.

Она не знала, что ты оставила ее там. Наедине с ними.

Часть вторая

25

Когда я прихожу в кафе, Элис уже сидит за угловым столиком и потягивает кофе.

— Привет. — Я сажусь напротив и улыбаюсь.

Элис щурится.

— Я звонила тебе все выходные. Почему ты не берешь с собой мобильный? — Она раздражена, но ничто не может изменить мое настроение. Я слишком счастлива.

— А что такое? Чего ты хотела? — спрашиваю я, не обращая внимания на ее тон. Я не пытаюсь объяснить, где была, ни слова не говорю про Мика. Это так ново и так прекрасно, что я хочу сохранить все в тайне.

— Я просто хотела сказать тебе, что познакомилась кое с кем. — Она наклоняется вперед, ее гнев

уже растаял.

Я тут же думаю о Робби.

— Вот как? — Я беру меню и смотрю на строчки, ничего на самом деле не видя. — И это серьезно?

— Серьезно? Еще как!

Я опускаю меню и смотрю на нее.

— Извини, но как же Робби? Он знает об этом? Как он это переживет? Он ведь...

— А что Робби? — прерывает она. — Я никогда ему ничего не обещала. Честно, Кэтрин. Никогда. Между нами не было ничего серьезного. Он все придумал. У него нет никакого шанса. Я с ним не останусь.

— Так, — говорю я. — А этот, новый? Кто он, какой?

— Он великолепен. Он замечательный, красивый, сексуальный. Я просто в раю! Я думаю о нем каждую секунду.

Я улыбаюсь. Еще бы, я понимаю, что она чувствует.

— Как его зовут?

Но Элис не отвечает, она подносит ко рту кружку.

— Он старше меня.

— Старше?

— Да. Намного.

— Насколько?

— Угадай!

— Ему тридцать пять?

— Старше.

— Сорок?

— Старше!

— Сорок пять?

— Старше!

Я в изумлении.

— Ты шутишь?

— Вовсе нет. Давай, угадывай! Уже близко!

— Пятьдесят?

— Сорок восемь.

— Черт, Элис. Но это же ужасно. Он просто древний. Разве его это не беспокоит? Тебе-то всего восемнадцать!

Элис улыбается.

— Может, он думает, что мне двадцать семь.

— Но ведь он почти на тридцать лет старше тебя. Он же старый! Это как-то неестественно!

— Да нет. Ты бы удивилась, увидев его. На самом деле он просто шикарный! Я и искала человека постарше. Он зрелый, уверенный, опытный, независимый. Он не такой, как все эти влюбленные щенки. — Она смеется. — Да и в постели он просто потрясающий.

Я пытаюсь сосредоточиться на меню. Я не голодна — волнение и влюбленность прогнали мой аппетит, но я не хочу, чтобы Элис как-то почувствовала мое неодобрение и осуждение. В последнее

время я и так стала похожа на ворчливую и вредную старшую сестру.

Я вообще не понимаю, почему меня должны беспокоить новые отношения Элис. И разница в возрасте не является серьезным препятствием.

— Он не женат? — с подозрением спрашиваю я.

— Нет. Не женат.

— Извини. Ладно. Он не женат. Уже хорошо. — Я усмехаюсь. — А что с ним не так? Как он дожил до таких лет и не женился?

— Он был женат. Его жена умерла.

— О нет! Правда? Это ужасно.

— Да, наверное. — Элис пожимает плечами. — Но вообще-то мне на это наплевать.

Подходит официантка, я заказываю кофе и бутерброд. Элис тоже заказывает кофе.

— Ты не хочешь есть? — спрашиваю я ее.

— Да нет аппетита. — Она наклоняется и крепко сжимает мою руку. — Кэтрин, мне кажется, я влюблена. Не могу есть, не могу спать. Просто вся переполнена адреналином. Не знаю, как сдать этот чертов экзамен. Я даже журналы не читаю, что уж тут говорить о Шекспире. Все время жду его звонка. Я думаю, он — моя настоящая любовь.

И хотя я чувствую то же самое по отношению к Мику, я почему-то не верю Элис и не могу рассказать ей обо всем, что со мной произошло. Я хочу держать это в секрете.

Я улыбаюсь и внимательно слушаю, пока она рассказывает мне, где и как они встречались и что делали. Но ничего не говорю ей про Мика. Ничего.

26

До экзаменов у меня еще десять дней, а потом десять дней — сами экзамены. На этом моя школа заканчивается, но эти двадцать дней кажутся мне самыми длинными в моей жизни. Дело не в том, что меня раздражают или пугают экзамены, просто мне тяжело без Мика. Когда мы вместе, я никак не могу сосредоточиться на экзаменах, и поэтому мы решаем не видеться эти двадцать дней.

Разумное решение, но мне оно дается очень тяжело.

Я удобно устраиваюсь за столом, обложившись книгами и статьями. Вивьен около месяца была в командировке в Европе, но теперь она вернулась и заботится обо мне — готовит здоровую пищу и убирает квартиру, так что я могу полностью посвятить себя учебе. Уроки заканчиваются около пяти, потом я гуляю, чтобы проветрить голову, затем обедаю и еще пару часов занимаюсь.

К девяти вечера я устаю, надеваю пижаму, прыгаю в кровать и звоню Мику на мобильник. Я всегда немного нервничаю, набирая его номер, мне часто кажется, что я мешаю ему, отвлекаю от чего-то важного, я боюсь, что он не обрадуется мне так, как я рада ему. Но он всякий раз немедленно берет трубку и нежно произносит: «Кэтрин», его голос всегда звучит радостно, и я чувствую, как он ждал моего звонка.

Каждый вечер он спрашивает меня, чем я занималась, как себя чувствую, как готовилась к экзаменам. Он рассказывает, как прошла его репетиция. Я люблю те вечера, когда он тоже дома, в постели, и мы говорим по часу или больше, говорим до тех пор, пока не слипаются глаза, и обычно последнее, что я слышу, перед тем как уснуть, — его «спокойной ночи».

В день последнего экзамена по древней истории он встречает меня. Я не ожидала, что он придет, и краснею. Я чувствую себя такой дурой в этой школьной форме, некрасивой и маленькой, и мне

кажется, что на нас все смотрят. Но Мик улыбается, берет меня за руку, обнимает и целует.

Через несколько часов, когда я просыпаюсь, Мик приносит мне бутерброд и чашку чая. Он садится рядом и смотрит, как я ем. Мик обнимает меня, и мы снова занимаемся любовью. Потом мы лежим рядом, и я начинаю плакать.

— Что случилось? — Мик хмурится и приподнимается на локте. — Что-то не так?

— Все это слишком хорошо. Слишком хорошо. Я слишком счастлива. Мне страшно!

Он смеется и целует меня.

— Ну, не глупи. Просто будь счастливой, Кэтрин.

— Но я... я не знаю, иногда я думаю...

— Нет. — Он качает головой и снова целует меня, и я умолкаю. — Не говори ничего, иначе все испортишь. Ты счастлива, и я тоже счастлив. Да, все время счастливым не будешь. Но не думай о плохом. Не думай.

— Хорошо, — соглашаюсь я. — Хорошо.

Утром я иду домой, потому что этим вечером Вивьен уезжает в Европу, и я хочу с ней позавтракать.

— Хорошо провела вечер? — спрашивает она, ставя на стол яичницу-болтунью.

— Да, прекрасно. — Видимо, в моем голосе слышится что-то такое, что она удивленно смотрит на меня.

Надеюсь, что мои щеки не слишком красные.

— Как я рада, что экзамены закончились! Так здорово чувствовать себя свободной. — Я ничего не рассказываю ей про Мика. Я, конечно, уверена, что она меня не выдаст, но все же мне не хочется рассказывать.

— В последнее время ты выглядишь такой довольной и счастливой, — говорит Вивьен и обнимает меня.

Этим вечером у Мика концерт. Его оркестр играет с десяти до часу в пабе поблизости. Мы проводим вместе весь день, и около восьми он уезжает. Я остаюсь дома, чтобы принять душ, одеться и подождать Филиппу. Она приходит вместе с Дэнни, своей университетской подругой. Они приносят мне букет цветов, поздравляя с окончанием школы.

— Умница! — говорит Филиппа и целует меня в щеку. — Столько лет промучилась!

— Все, больше никакой школы, — радуюсь я. — Никогда в жизни! Просто не верится! Господи, как я счастлива!

— Держу пари, Мик тоже. — Филиппа усмехается и подталкивает меня локтем. — Он ведет себя, как влюбленный щенок.

Хотя Мик постоянно говорит мне о том, что ужасно скучает, слышать это от Филиппы все-таки очень приятно.

Когда мы приходим в бар, оркестр уже играет. Я сажусь за столик, беру бокал и, не скрываясь, смотрю на Мика. Он играет, его лицо серьезно. Дэнни и Филиппа пробуют вовлечь меня в разговор, но я все время смотрю на Мика, ожидая, когда он меня заметит. Филиппа улыбается, она счастлива за меня и за брата.

Наконец он поворачивается к нам. Увидев меня, Мик расплывается в улыбке, я его так люблю. Я хочу броситься к сцене, обнять его и поцеловать.

Оркестр играет последнюю композицию первого отделения, Мик смотрит мне в глаза, и, когда

музыка заканчивается, бросается к нашему столику. Мик здоровается с Филиппой и Дэнни, хватая меня за руку и куда-то тащит.

Он отводит меня за сцену, прижимает к стене и крепко обнимает.

— Ты пришла, — шепчет он.

— Да, — говорю я, задыхаясь от любви и нежности.

— Я так скучал по тебе.

Я ощущаю его мягкие губы, его чистое дыхание. Я чувствую его желание и прижимаюсь к нему. Я рада ему, я хочу наслаждаться им.

Оркестр начинает играть знакомую мелодию.

— Рейчел часто слушала эту музыку, — говорю я и начинаю пританцовывать. Это веселая, заводная мелодия, и я не могу удержаться. — Она ее очень любила. Всегда танцевала под нее.

Мик берет меня за руку.

— Пойдем?

Мы возвращаемся через сцену к танцполу и танцуем. Мы держим друг друга за руки, иногда наши губы встречаются, и у меня кружится голова. Звучит песня за песней, а мы все танцуем и не хотим останавливаться.

Музыка звучит громко, и я не сразу слышу свой мобильник. Он настойчиво вибрирует, сначала я не обращаю внимания, но потом все-таки достаю. Я иду в туалет, на танцполе ничего не слышно.

Это Элис. Автоответчик просто раскален.

— Кэтрин, позвони мне. — В ее голосе слышны слезы. — Где ты? Не могу найти тебя. Пожалуйста, позвони. Мне нужно тебя увидеть.

Я набираю ее номер.

— Кэтрин, слава богу, — говорит она.

— Что такое? С тобой все в порядке?

— Нет.

— Что случилось?

— Мне скучно. Делать нечего. Мой парень занят, и вечером мы с ним не встретимся.

Я вздыхаю. Только Элис может преподнести обычную скуку как трагедию. Я не хочу оставлять Мика, но все-таки спрашиваю:

— Ты хочешь, чтобы я пришла? Принести тебе шоколадку?

— Да не знаю я, чего хочу. — Она горько вздыхает. — А ты где? Там какая-то музыка?

— Я в пабе. В туалете.

— Ой. — Она некоторое время молчит. — А с кем ты?

— С Филиппой. И с ее подругой Дэнни. И брат Филиппы тут. — Я не хочу произносить имя Мика. — Но я могу приехать к тебе. Я что-нибудь принесу, чтобы тебя повеселить.

— Нет, не хочу портить тебе вечер. Я лучше сама туда приду.

— Но тут так шумно. — Как я не хочу, чтобы она приходила! Я хочу, чтобы Мик и Филиппа были как можно дальше от Элис, боюсь, что она все испортит. — Мы даже поговорить не сможем.

— Ничего страшного, — говорит она. — Я и не хочу говорить. Просто хочу повеселиться.

Я возвращаюсь к бару и сажусь за столик рядом с Филиппой и Дэнни. Оркестр уже играет, Мик подмигивает мне. Дэнни и Филиппа улыбаются. Но мое настроение уже испорчено, одна мысль о

том, что сюда явится Элис, раздражает меня.

Элис появляется в блестящем платье, таком коротком, что ничего короче я не видела, и ботинках до колена. Она выглядит просто ошеломляюще сексуально. Пока она шествует к нашему столику, все головы оборачиваются в ее сторону.

Элис не обращает внимания на Филиппу и Дэнни, она останавливается передо мной.

— Привет, — говорит она. — Давай пойдем куда-нибудь в другое место? Только ты и я?

Я не успеваю ответить, Филиппа поворачивается в нашу сторону.

— Ты не хочешь поздороваться? — Ей приходится кричать, чтобы было слышно.

— Здравствуй, Филиппа.

— Это Дэнни, — продолжает Филиппа.

— Привет! — кричит Дэнни. — Боже, какое у тебя платье! Ты потрясающе выглядишь. И ботинки!

Откуда ты только такое достаешь?

Лесть Дэнни нравится Элис. Она поворачивается к ней и улыбается. Они начинают говорить про одежду, и Элис напрочь забывает про свое желание пойти куда-нибудь. Она подсаживается поближе к Дэнни, обе оживлены и вполне довольны друг другом. Филиппа смотрит на меня и выразительно кривит губы.

В перерыве Мик снова подбегает к нашему столику, наклоняется и целует меня в шею.

— Я только возьму себе выпить, — говорит он. — Пойдем со мной?

Он берет меня за руку, я встаю. Элис смотрит на нас с любопытством.

Когда мы возвращаемся к столу, Элис откидывается на спинку стула, складывает руки на груди и улыбается.

— Так ты и Мик... — многозначительно произносит она. — Филиппа была очень любезна и все мне рассказала.

Я киваю и стараюсь вести себя естественно, хотя понимаю, что Элис рассержена: ведь я скрыла от нее такое важное событие. Я чувствую, что начинаю краснеть.

— Элис, это — Мик, — знакомлю я их. — Мик, это — Элис.

Мик приветливо улыбается.

— Рад встрече.

— Ты играешь на ударных? — спрашивает Элис.

— Да.

— Я так люблю ударные! Только их и люблю. Но как именно ты играешь, оценить не могу, я тебя раньше просто не слышала. Мне никто не сказал, что ты знаком с Кэтрин. Я даже не знала, что ты — брат Филиппы.

Мик не отвечает, он смотрит на меня, явно задаваясь вопросом, кто эта странная девушка и почему она кажется такой враждебной. Он берет пиво, пьет, а потом тянет меня на танцпол.

Мы снова танцуем, и он обнимает меня. Я чувствую его запах и просто таю от нежности.

Мику пора на сцену — играть заключительную часть. Когда я возвращаюсь, Элис уже пересела за другой столик. Теперь она сидит с двумя молодыми людьми и очень оживленно болтает с ними. Я пробую поймать ее взгляд, но она не смотрит в мою сторону — так занята новыми знакомыми.

Мы покидаем клуб одновременно. Элис уходит вместе с новыми знакомыми, они идут перед нами, она громко болтает и кажется вполне счастливой. Наконец она поворачивается и смотрит на меня.

— Я пойду вместе с Саймоном и Феликсом, — певуче говорит она.

— Хорошо, — смеюсь я.

Они втроем направляются к такси. Мотоцикл Мика припаркован чуть дальше, и нам надо пройти как раз мимо них.

— Ой, как будто канкан собрались танцевать, — громко говорит Элис, разглядывая очередь к такси. И тут она начинает подбрасывать ноги вверх, напевая канкан. С каждым взмахом ноги все больше и больше видно ее нижнее белье.

— На-на-на-на-на-на, — поет она, наслаждаясь общим вниманием и игнорируя раздраженные взгляды недовольных.

Когда наконец подходит их очередь, троица забирается в такси и уезжает. Элис на прощание кричит «пока» и желает всем повеселиться.

— Кто это? — спрашивает Мик, в его тоне ясно слышится неловкость.

— Моя подруга, — говорю я, испытывая желание провалиться сквозь землю.

27

— Это было так здорово, мама! Так весело! — Сара смотрит на меня с восторгом. Ее нос и щеки красные от холода, но глаза блестят. — Можно прокатиться еще раз? Ну еще разок?

— Конечно, — говорю я и смотрю, как Сара хватается за веревку и тащит их на вершину холма. Подъем не очень высокий, но достаточно длинный. Сара вопила, когда ехала первый раз, я испугалась, что от страха, но оказалось, она кричала от радости.

Я уже и забыла, как тяжело двигаться в зимней одежде. Я вообще не люблю холод. Мне куда больше нравится невесомость лета, чувство свободы и радости жизни. Зима навеивает мрачные воспоминания, напоминает о смерти. Но я не хочу, чтобы мои пристрастия и антипатии как-то влияли на Сару. Пусть у нее будут свои собственные пристрастия. И сейчас, видя ее радость, я заражаюсь ее настроением и тоже радуюсь этому ледяному, холодному миру.

Когда она съезжает вниз в четвертый или пятый раз, а кожу на моем лице начинает щипать от мороза, я решаю пообещать Саре горячий шоколад — думаю, это убедит ее немного отдохнуть и погреться. И тут я вижу его.

Робби.

Он стоит внизу, на лыжне. На нем ярко-синяя куртка, которую носят инструкторы. Он так близко, что я вижу, как из его рта вырываются облачка пара, я вижу даже белизну его зубов.

Мне так тяжело, что я не могу двинуться, просто застываю, сердце колотится, я глубоко дышу и пытаюсь успокоиться. Окликнуть его? Нет, лучше всего сделать вид, что не заметила, и просто уйти.

Я твердо решаю ничего не предпринимать. Если столкнусь с ним снова, пусть он сам решает, обращаться ко мне или нет. Я зову Сару, но она умоляет меня разрешить ей съехать еще разок. Я беру ее за руку и поднимаюсь к вершине холма. И тут я понимаю, что Робби заметил меня. Он останавливается и смотрит мне вслед, и даже отсюда я чувствую, как он напряжен.

28

— Не уходи. — Мик хватается меня за руку и тянет обратно на кровать.

Я сажусь рядом с ним и целую его губы, щеки, шею.

— Мне пора, — говорю я. — Сегодня день рождения Робби, и я обещала с ним пообедать. Да и домой мне надо, чтобы прибраться квартиру Вивьен. Там настоящий бардак.

— Но она же в Европе. И даже не знает про бардак.

— Да, но я-то знаю. И мне неловко.

— А что же делать мне? — огорченно спрашивает он. — Что мне делать без тебя?

— Поспать, — смеюсь я. — Тебе надо поспать. Мы с тобой почти не спали ночью.

— Но я не могу спать без тебя.

— Прекрасно можешь. Ты же спал раньше без меня? До нашей встречи?

— Правда? Не помню. — И он снова тянет меня на кровать так, что я падаю прямо на него.

— Мик, — прошу я, — пожалуйста! Ты даже не знаешь, как важно мне туда пойти. Я приду к тебе позже. После обеда. Я не буду сидеть там допоздна.

— Обещаешь?

— Обещаю.

— Тогда ладно.

— Пока.

Но когда я наклоняюсь поцеловать его, он быстро обнимает меня и держит так, что я не могу двинуться.

— Это правда, то, что я тебе сейчас сказал. Я не знаю, я не помню, что делал раньше. Не помню. Что меня интересовало, чем я занимался до того, как встретил тебя? Сейчас для меня самое важное — ты. Это просто безумие, но я никогда не чувствовал ничего похожего по отношению к другим девушкам. Ничего подобного, никогда.

Мое сердце начинает бешено колотиться от радости, и я прячу лицо у него на груди, скрывая внезапно выступившие слезы.

— И я тоже, — бормочу я. — Я тоже.

Я прибегаю домой и убираю квартиру. На это уходит несколько часов. Закончив уборку, я проверяю автоответчик и нахожу сообщение от Вивьен. Она в Риме и прекрасно проводит время. Еще там сообщение от мамы и одно от Робби — он спрашивает, не передумала ли я насчет обеда.

Сначала я звоню родителям. Я уже говорила с ними днем, но очень коротко, рассказала про экзамен, но точно знаю, что они хотят услышать подробности. Я болтаю сначала с мамой, потом с папой, и наша беседа занимает почти час. Они спрашивают, когда я приеду к ним, я обещаю, что скоро. Про Мика я ничего не рассказываю.

Поговорив с родителями, я звоню Робби на мобильник.

— Конечно, я не передумала, — говорю я в трубку. — Это же твой день рождения.

— Отлично. — Он смеется. — Это круто. Но пойдем, наверное, только ты и я. Элис мне не звонила. Естественно, я не говорю этого вслух, но я рада. Мне неловко видеть Элис и Робби вместе, ведь я знаю, что она встречается с кем-то еще. Я чувствую себя так, как будто принимаю участие в ее обмане, и вообще вся эта ситуация кажется мне весьма оскорбительной для Робби. Я еще не знаю, сказать ли ему все про Элис или нет. В любом случае сделаю это не сегодня. Только не в день его рождения.

— А мой отец организует в субботу вечеринку. Ты сможешь прийти? Вместе с Миком?

— Конечно. Но мы можем опоздать. У Мика концерт. Отлично, я вас наконец познакомлю.

— Договорились, — говорит он. Но я не слышу в его голосе особой радости. Напротив, его голос звучит как-то невыразительно. Я понимаю, что он подумал об Элис, и всей душой желаю, чтобы он

как можно скорее забыл о ней и встретил кого-нибудь еще.

Мы договариваемся увидеться в ресторане в семь и прощаемся. Я выбираю одежду для праздника — джинсы, туфли, розовую блузку. Затем наполняю ванну горячей водой и долго лежу там, думаю про Мика и про то, что нам с ним повезло — мы одинаково любим друг друга, не то что Робби и Элис. Когда я добираюсь до ресторана, Робби уже сидит за столиком, перед ним полупустой бокал. Он читает меню и очень удивляется, когда я сажусь напротив.

— Привет, — говорю я. — Ты давно пришел?

— Да. — Он улыбается. — Проголодался. Не мог ждать.

Мы кратко сообщаем друг другу, чем занимались, я рассказываю про Мика и про мою дружбу с Филиппой, говорю, как я счастлива. Робби улыбается и говорит, что очень рад за меня и что я заслуживаю счастья. Он кажется вполне довольным и веселым, и я начинаю надеяться, что вся эта ситуация с Элис в конце концов разрешится.

Робби заказывает еду, ее оказывается куда больше, чем мы ожидали. Мы стараемся съесть, но ее все же слишком много.

— Кошмар, — наконец говорит Робби, надувая щеки. — Тут еды человек на десять.

— Да уж. — Я беру кусок цыпленка и засовываю его в рот. — Боже мой, Робби! Я больше не могу, я сейчас лопну. А двигаться я смогу примерно через час, не раньше. Что, будем сидеть тут всю ночь? Я смотрю на Робби, ожидая, что он засмеется и поддержит мою шутку, но он смотрит куда-то мимо меня, взгляд серьезный и жесткий.

Я поворачиваюсь посмотреть, что же такое он увидел, но вижу только незнакомые лица.

— Робби! Что-то не так?

Но он не замечает меня. Он почти отбрасывает мою руку, встает и тяжело идет вперед.

— Робби! Да что такое, Робби?! — Я встаю и иду за ним, чувствуя, как глупо мы выглядим в переполненном ресторане. Я не понимаю, что происходит, Робби меня как будто не видит и не слышит.

Робби резко останавливается перед каким-то человеком в баре. Мужчина обрадованно улыбается и протягивает руку, но лицо Робби остается холодным и агрессивным.

— Что ты, черт возьми, тут делаешь? — злобно говорит он. — Что ты делаешь с ней? И где она? Куда она пошла?

Глаза мужчины удивленно расширяются.

— О ком ты? — говорит он. — Что с тобой, про кого ты говоришь?

— Я только что видел вас вместе, папа, — кричит Робби, и я понимаю, кто сидит передо мной. Это

— отец Робби. — Вы целовались! Я только что видел ее тут. С тобой! Я видел вас, черт возьми!

— Робби! — Я хватаю его за руку и пытаюсь успокоить. — Что...

Но он отталкивает меня и снова наклоняется к отцу.

— Я видел тебя с ней. — И хотя он больше не кричит, его голос полон гнева. Лучше бы он кричал. Отец смотрит на него по-прежнему спокойно.

— Дружок, успокойся. Она сейчас вернется, и я вас познакомлю. Все будет в порядке, обещаю.

Я начинаю понимать, что случилось. Робби увидел отца с его новой подружкой.

Робби горько смеется и презрительно смотрит на отца.

— Познакомишь? Хорош подарочек на день рождения.

Я снова беру Робби за руку.

— Пойдем, Робби. Пожалуйста. Успокойся. Пойдем к столику. Давай оставим твоего отца в покое.

Отец Робби благодарно улыбается мне, и тут я вижу ее. Элис. Она возвращается из туалета. Она идет быстрым шагом, голова опущена, на лице улыбка. Сначала я думаю, что она идет к Робби — она все-таки решила прийти на его день рождения. Я рада, что ее присутствие смягчит гнев Робби.

Робби и его отец поворачиваются и видят Элис.

— Ну вот, — говорит отец Робби. — Вот и Рейчел. Сейчас я вас познакомлю.

Рейчел? Как это Рейчел? Мысли вихрем проносятся у меня в голове, и я в одну минуту понимаю, что отец Робби и есть ее таинственный старший друг.

Элис в этот момент поднимает глаза и видит Робби рядом с его отцом. Улыбка медленно сходит с ее лица. Элис потрясена, она как будто хочет убежать. Но колеблется она всего секунду, потом отбрасывает волосы от лица, изображает что-то похожее на улыбку.

Отец Робби берет ее за руку и тянет к себе. Элис ведет себя так, будто ничего необычного не случилось, будто все это игра, а мы — всего-навсего игрушки.

— Знакомьтесь, это Рейчел. Рейчел — это мой сын, Робби.

Отец Робби старается сгладить неловкость ситуации, но я вижу, что он растерян, смущен и не понимает, что тут происходит. Робби ничего не говорит, не делает ни малейшего движения — просто смотрит на Элис, его лицо искажено от гнева.

— Ой, Робби! — говорит Элис. — Не смотри на меня так. Где твое чувство юмора?

Отец смотрит на Элис, потом на Робби. Тон Элис смущает его.

— Что такое? Вы... знакомы?

Он не успевает закончить свой вопрос. У Робби вырывается рыдание, он поворачивается и выбегает из ресторана.

— Робби! Подожди! — Я бросаюсь за ним, но понимаю, что все равно не успею. Да и сумка моя все еще под столом, и за обед мы не заплатили. Но я вовсе не хочу оставаться тут, я хочу схватить свою сумку и бежать к Мику. Я не хочу говорить с Элис, не хочу слышать ее голос, не хочу слышать, как отец Робби называет ее Рейчел.

Отец Робби потрясен.

— Что случилось? — спрашивает он меня. — Вы что-нибудь понимаете?

Я не поднимаю глаз, не произношу ни слова.

— Простите, — говорит он. — Я так невежлив. Мы еще даже не знакомы. Вы, должно быть, Кэтрин. Робби мне о вас рассказывал. А я — Грэг. А это — Рейчел.

Мы обмениваемся рукопожатием, но я старательно не смотрю на Элис.

— Я думаю, мне пора, — говорит она.

— Какой я идиот, — сокрушается Грэг. — Мне казалось, это хорошая возможность познакомить вас. Я ведь знал, что Робби приедет сюда вечером, и ничего тебе не сказал. Даже представить не мог, что он так отреагирует. Мне очень жаль, Рейчел...

— О, пожалуйста! Не извиняйся, — прерывает Элис, и ее голос звучит почти нормально, но я понимаю, что ей не терпится убежать отсюда. Она заварила всю эту кашу и теперь хочет, чтобы я ее расхлебывала.

— Я пойду с тобой, — говорит он.

— Нет, нет, — возражает Элис. — Я хочу побыть одна.

Я отворачиваюсь, пока они прощаются. Не могу видеть, что Грэг так нежен с ней, а то, что он называет ее Рейчел, вызывает во мне дикую боль.

Элис уходит, и я прошу Грэга на минутку присесть. Мы сидим друг напротив друга. Я молчу и рассматриваю свои руки. Не знаю, с чего начинать, не знаю. Вот так взять и разбить его сердце?

— Не могу поверить. — Грэг нарушает молчание. — Все так хорошо начиналось. Не мог же Робби предполагать, что я никогда... — Он замолкает и задумчиво смотрит на дверь, в которую только что выбежала Элис. Вздыхает. — Я, наверное, никогда ее больше не увижу.

Я поднимаю на него сочувствующий взгляд.

— Ее зовут не Рейчел. — Мне больно говорить это, но мой голос звучит твердо.

— Что? — Он наклоняется вперед и складывает руки на груди. — Что вы сказали?

Я быстро рассказываю ему все. Сначала он не верит, качает головой и повторяет:

— Нет, нет, это невозможно.

Но потом перестает возражать и мрачно замолкает.

— Я, конечно, знал про Элис, — говорит он наконец. — Но не так много. Робби не знакомил нас. Это моя вина, я не настаивал. Мне казалось, он имеет право на собственные тайны. — Он кладет голову на руки. — Этого не должно было случиться. Этого никогда не должно было случиться.

— Это не ваша вина. Нет. Это все Элис, она во всем виновата.

— Но зачем? — шепчет он. — Зачем она так?

Я молчу. Мне нечего сказать.

— Она сказала, что ей двадцать семь, — почти спокойно говорит он. — Я поверил. Она казалась такой уверенной, такой зрелой. Восемнадцать? Господи, я так ей верил. Я полюбил ее.

29

Я не говорю Мику про Элис, не хочу испортить наше с ним время разговорами про нее. Поэтому я жду, когда он уедет на работу, и только потом звоню Робби. Так я не рискую, что Мик услышит нашу беседу.

К телефону подходит Грэг.

— Он уехал, Кэтрин, — устало говорит он.

— Уехал? Как уехал? Куда?

— В Европу. В Швейцарию. Улетел сегодня в полдень. Хочет найти там работу. Заняться лыжами. У нас там родственники.

— А как же... — глупо спрашиваю я. — Как же его работа в ресторане?

Грэг грустно смеется.

— Я уверен, ресторан справится. У них хватит сотрудников.

Грэг заверяет меня, что с Робби все будет в порядке. Он просит дать Робби время, чтобы зализать свои раны и оправиться от оскорбления.

Хотя меня все еще возмущает поведение Элис, я очень рада, что Робби наконец-то все понял. Теперь он ни за что не вернется к Элис. Он далеко, в Европе. Он в полной безопасности.

Я тоже решаю переехать, чтобы Элис не нашла меня. Даже думать о ней не хочу, не то что разговаривать. Не хочу слышать ее объяснения и оправдания.

Всю неделю я держу телефон выключенным, но все равно Элис не выходит у меня из головы. Рано

или поздно мне придется поговорить с ней. Сейчас, когда она сама не хочет общаться, мне легко избегать контактов. Но мне очень хочется выразить ей свой гнев. И однажды, когда Мик уходит за пивом, я достаю мобильник и включаю его.

За неделю мне пришло четырнадцать голосовых сообщений и целая куча смс-ок. Я даже не читаю их. Уверена, большинство от Элис, и она злится. Но мне совершенно неинтересно, что она скажет. Я лишь хочу в последний раз позвонить ей и высказать все, что я думаю. Я быстро набираю ее номер. Она отвечает почти сразу.

— А-а, это ты? Наконец-то. Знаешь, мне никогда не нравились девушки, которые забывают о подругах сразу, едва заводят парня.

Я хмыкаю. Только Элис могла вывернуть ситуацию таким образом.

— Извини, Элис. Но я возмущена твоей выходкой. Я даже не знаю, что сказать.

— Возмущена? — Ее голос звучит раздраженно и презрительно. — И что особенного случилось? Это из-за Робби и его отца?

— Я поговорила с Грэгом, — сообщаю я. — После того как ты ушла.

— Ну, естественно. Я и не сомневалась, что ты это сделаешь.

— Да.

— Грандиозно. Ну и что же? Что ты хотела сказать?

Я не могу понять, притворяется ли она, но начинаю чувствовать себя смешной и неуверенной в своих справедливых обвинениях.

— Это было очень жестоко, Элис.

— Господи, Кэтрин. Да я и понятия не имела, что вы там окажетесь. Вообще, это была идея Грэга, — говорит она резко и нетерпеливо, как будто это тема ей уже надоела и ее оскорбляет необходимость оправдываться. — Откуда я знала, что Грэг такое придумает?

— Это не про обед, Элис. Не придуривайся. Зачем ты вообще завела роман с Грэгом? Как ты могла поступить так с Робби, ведь ты знала, как он к тебе относится!

Элис с минуту молчит, затем громко вздыхает.

— Ладно. Довольно. Я поняла твою точку зрения. Будешь еще читать мне проповедь?

— Нет, по-моему, это не имеет никакого смысла. Тебе же все равно. Но это действительно ужасно, Элис. Это просто ужасно!

Элис смеется противным, холодным, жестоким смехом.

— Ну, хорошо, — говорит она. — Вот только я не понимаю, каким образом мои отношения с Грэгом и Робби касаются тебя?

Я теряюсь. И в самом деле, почему я лезу не в свое дело? Но вообще-то это нормально — влиять на поведение друзей.

— Элис, как ты можешь быть такой жестокой? Робби в отчаянии. Он уехал в Европу. И это из-за тебя. Ты разрушила его отношения с отцом. Робби — мой лучший друг. И ты считаешь, что это не мое дело?

— Что за бред? Ничего я не рушила. Помиряйся. А для Робби даже лучше на какое-то время уехать в Европу. Ему надо охладиться. И в любом случае, они оба до смерти должны быть рады, что избавились от меня, раз я такая тварь, по-твоему.

— Что бы дальше ни произошло у Робби с отцом, это не меняет дела. Это было ужасно. Элис, ты

поступила очень жестоко. Зачем ты сказала Грэгу, что тебя зовут Рейчел? Почему ты назвала именно это имя? Я что-то не верю в случайное совпадение!

— Знаешь, мне не нравится твой тон. Ты мне не мать, ты ничем не лучше меня, и меня вообще-то совершенно не интересует твое мнение. — Ее тон теперь ледяной и серьезный. — Я больше не хочу говорить об этом, Кэтрин. Мне скучно. Очень скучно. Хочешь пойти потусоваться вечером в пятницу? Тогда пошли. Я собираюсь заказать столик у Джованни.

— Нет, — говорю я, и мой голос звучит совершенно спокойно, хотя я потрясена тем, что она даже не раскаивается. — Спасибо, нет.

— А в субботу вечером?

— Нет. Элис, я никуда не хочу с тобой идти. Неужели ты правда не понимаешь, что это серьезно? Я чувствую к тебе отвращение. Пожалуйста, прекрати задавать мне вопросы.

— Чувствуешь отвращение? Ты чувствуешь ко мне отвращение?

— Да, — честно отвечаю я. — Я чувствую отвращение и стыд.

— Ой, — смеется она. — И стыд тоже? Ты меня стыдишься?

— Да, — тихо говорю я.

— А самой себя ты не стыдишься, Кэтрин?

Я точно знаю, что она собирается сказать, но не вешаю трубку, а лишь прижимаю плотнее к уху и слушаю.

— Может, я и сделала что-то плохое, но я-то не бросала свою сестру, когда ее насиловали.

Слышишь? И не убегала, когда мою младшую сестру убивали.

30

Позже тем же вечером Мик, Филиппа и я заказываем на ужин пиццу. Едва мы садимся за стол, как Филиппа спрашивает, видела ли я Элис.

— Я сегодня разговаривала с ней по телефону.

— И?

Пока мы едим, я рассказываю им о том, как Элис поступила с Робби и Грэгом, и о нашем разговоре.

— Да ты шутишь! — Мик опускает вилку. — Это же просто невозможно.

— Да она просто больная, — восклицает Филиппа. — Несчастливая девчонка. А этот Робби? Зачем он с ней общался? Он что, тоже сумасшедший?

— Нисколько. Он замечательный. Настоящий Друг.

— Но почему тогда?..

— Потому что он влюбился в нее, — перебиваю я. — Вы просто не знаете, какой она может быть очаровательной. — Я объясняю, чтобы Мик не посчитал меня или Робби глупыми. — Я на самом деле была счастлива, когда мы подружились. Я была польщена ее дружбой, она такая веселая, забавная, все вращалось вокруг нее. После смерти Рейчел я долго была одна. И Элис показалась мне глотком свежего воздуха. Она умеет нравиться.

Мик и Робби смотрят на меня с сочувствием, и я понимаю, что меня занесло не туда. Я начала оправдывать свою дружбу с Элис вместо того, чтобы защищать Робби. Но какая разница, и Робби, и я были одинаково околдованы.

— Но почему ты ничего не рассказала мне? — сердито спрашивает Мик. — Почему?

— Не знаю. — Я пожимаю плечами. — Я просто не хотела об этом думать. Мы были так счастливы.

Не хотелось ничего портить.

— Ничего бы ты не испортила. Я ведь даже не знаю их. — Мик хмурится. Он очень расстроен.

Филиппа перебивает его:

— Не вредничай. — Она шутливо толкает его локтем. — Теперь-то она тебе все сказала? Ты прав, ты не знаешь их, так что прекрати. — Потом она переводит взгляд на меня и говорит притворно-сердито: — Но почему ты не сказала мне? Это не дело. Я обижена.

— Ну, извини. — Я улыбаюсь. — Ты была права, а я нет. Я была не права, не права, слышишь!

— Вот как? — Мик смущен.

— Относительно Элис, — поясняю я. — Твоя умная сестра предупреждала меня о ней еще несколько месяцев назад. Она сказала, что у Элис не все в порядке с головой.

— Я ведь ее видел, — припоминает Мик. — Она такая тощенькая, в коротком платье?

— И хорошенькая, — добавляет Филиппа. — В коротком платье, от которого парни не могли оторвать взгляд.

— Да не такая уж и хорошенькая, — отвечает Мик и поворачивается ко мне. — Слишком шумная и непосредственная. Не в моем вкусе.

— Ну, бог с ней. — Филиппа поворачивается ко мне. — Надеюсь, ты сказала ей, что больше не хочешь с ней общаться? Надеюсь, ты велела ей убираться раз и навсегда?

— Да, — киваю я. — Но она, разумеется, ничего не хочет слышать.

— По крайней мере, ты все ей сказала, — улыбается Филиппа. — Я рада. Она просто не заслуживает быть твоей подругой. А уж про Робби я и говорить не буду. Надеюсь, ты не жалеешь? Не хочешь с ней помириться?

— Нет. — Я закрываю глаза руками. — Она просто опустошает меня. Не хочу ее больше видеть. Не хочу ничего о ней знать, не хочу ее слышать. Я выключила мобильник и не собираюсь его включать.

— Звонки Элис — это катастрофа? — интересуется Мик.

— Да. — Филиппа кивает. — Катастрофа. Точно. — Она смотрит на мою тарелку, на которой по-прежнему скучает пицца. — Почему не ешь? Не нравится?

— Нравится, — говорю я, но из-за разговоров об Элис пицца стала казаться мне слишком жирной и пряной. — Я просто ужасно себя чувствую. Стоит мне только вспомнить о том, как Элис поступила с Робби, и я словно заболеваю. Видели бы вы лицо Робби! — Я отодвигаю тарелку. — Мне надо попить воды.

— Я принесу. — Мик вскакивает и хмуро бросает: — Не позволяй ей так влиять на тебя. Забудь. Она не стоит этого.

Филиппа смотрит на Мика. Едва он скрывается в кухне, как она поворачивается ко мне и с улыбкой говорит:

— Он очень тебя любит.

— Знаю, — отвечаю я и улыбаюсь, но внезапно мне становится так плохо, что я кладу голову на край стола и закрываю глаза.

— Он ни к одной девушке так не относился. Обычно он совсем безразличный. Вежливый, но безразличный. И хоть и нехорошо говорить так про собственного брата, но он разбил много сердец. Девчонки вокруг него так и вились.

Я слушаю голос Филиппы, но мне плохо, в горле стоит тяжелый ком.

— Тебе нехорошо? — спрашивает Филиппа. — Ты бледная как смерть.

— Нет. — Я вскакиваю из-за стола, успеваю добежать до туалета, и меня рвет.

31

У Мика целых пять свободных дней, и мы проводим их вместе. Мик занимается музыкой, иногда мы выходим за покупками, но все остальное время просто сидим в его квартире. Мы много разговариваем — Мик рассказывает своем детстве, о планах на будущее, о любви к музыке. Я тоже рассказываю про детство, о том, что было до смерти Рейчел, и о том, что было после. Мы рассказываем друг другу все на свете, и за эти пять дней мне ни разу не становится скучно или тревожно.

В последний свободный день мы звоним Филиппе и договариваемся вместе позавтракать в ближайшем кафе. Когда мы приходим, она уже сидит за столом. На ней желтое платье, волосы собраны в конский хвост. Она вся такая симпатичная и свеженькая, и я вдруг думаю, что в своих джинсах и мятой футболке смотрюсь на ее фоне совсем некрасиво.

Филиппа весела и настроена поболтать, энергия так и бьет через край. Я, наоборот, чувствую себя не очень хорошо. Обычно мне нравится разговорчивость Филиппы, но сегодня мне с ней трудно.

Когда нам приносят еду — мы заказали французский тост и кофе, — я чувствую, как к горлу подкатывает комок.

— О боже, — говорю я и прижимаю руку к губам. — Простите.

Я бросаюсь в туалет, наклоняюсь над унитазом, меня рвет. Но поскольку я ничего не съела, то из меня выходит только слюна.

— Кэтрин, с тобой все в порядке? — раздается позади голос Филиппы, она кладет руку мне на плечо. — Бедняжка.

Я подхожу к раковине, полощу рот и умываюсь. Глядя на себя в зеркало, я удивляюсь собственной бледности. Что со мной? Может, я серьезно больна? Может, мне суждено умереть молодой, как Рейчел?

— Ты устала? — пристает Филиппа. — Или это пищевое отравление? Вирус?

— Не знаю. — Я набираю в рот воды и глотаю ее.

— Тебе надо к доктору.

Я согласно киваю.

— А может, это просто утренняя болезнь? — смеется она. — Может, ты беременна?

Беременна? Филиппа просто шутит, но я сразу же понимаю, что со мной происходит. Конечно, это все объясняет — утреннюю тошноту, постоянную усталость, набухшие груди. И я не помню, когда у меня в последний раз были месячные.

— О черт, — говорю я.

— В смысле? — Глаза Филиппы округлились, мы внимательно смотрим друг на друга. — Ты что, на самом деле беременна?

— Черт, черт! — Я качаю головой. — Не знаю, но я...

— Когда у тебя были месячные?

— Не помню. Давно. Не помню! Потому что если бы они были, не могли же мы с Миком, я бы помнила...

Я изо всех сил пытаюсь вспомнить. Кажется, месячных не было больше месяца. Иначе мы с Миком

не занимались бы любовью.

— Господи, как я могла не заметить? Как я могла быть такой дурой?

Филиппа притягивает меня к себе и крепко обнимает.

— Не волнуйся. Все будет хорошо. Вполне может быть, что ты не беременна, может, это ложная тревога. Может, ты нервничаешь, и потому нет месячных. Так бывает, я читала.

— Но я не нервничаю.

— А из-за Элис?

— Дай бог, чтобы это было так. Но мне кажется, нет, я ведь не нервничала, я была такой счастливой. И потом, у меня сейчас столько всяких странностей со здоровьем, все тряпки стали мне малы, даже джинсы трудно застегивать.

— Может, ты просто поправилась?

— Нет. — Я качаю головой. — Господи, и что мне теперь делать? Филиппа, бедный Мик, что он подумает?

— Мик бедный? Не глупи. Он ведь не ребенок, про птичек и пчелок читал. Ну, какая ты стала, груди

— как арбузы. — Она пристально смотрит на мою грудь и закрывает рот рукой, чтобы скрыть усмешку. — Огромные просто. И как я раньше не замечала?

Я приподнимаю руками груди. И впрямь, тяжелые и большие, больше, чем раньше.

— Господи, а как я этого не замечала?

— Слишком была занята учебой.

— Наверное.

Я наклоняюсь к зеркалу. Неужели внутри меня поселилась новая жизнь? А я о ней даже не знала?

— Ребенок, — медленно произношу я и качаю головой. — Филиппа! Но как же так... мне даже восемнадцати нет.

Она кивает.

— Ты сама еще ребенок.

— Что же мне делать?

— Я не знаю. — Филиппа пожимает плечами. — Не знаю, Кэтрин.

Я смотрю на свой живот. Как трудно смириться с тем, что внутри меня теперь новая жизнь.

Внезапно Филиппа хватается меня за руку.

— Как ты думаешь, может, оставить его? Что скажешь? Мик был бы папой, а я — теткой. Я бы и с ребеночком сидела, честно. Я бы помогала столько, сколько нужно! Я была бы лучшей теткой во Вселенной! И мама с папой помогли бы, они детей любят. Да и твои помогут, да?

При мысли о родителях у меня вырывается стон, я закрываю лицо руками.

— Филиппа! Пожалуйста, прекрати. Не говори об этом. К тому же я еще ни в чем не уверена. И вообще, сначала я должна все сказать Мику. Я не могу принимать подобные решения одна.

— Конечно. Извини. — Она минутку молчит. — Пойдем? Тебе надо купить тест.

Я киваю и отворачиваюсь. Филиппа права, по дороге домой мне непременно надо купить тест, надо все выяснить, поговорить с Миком. Но сейчас я хочу остаться одна.

Филиппа, кажется, понимает меня.

— Послушай, — серьезно говорит она. — А почему бы нам не сделать так: я немножко задержу Мика, а ты пока купи тест и иди домой. Когда он придет, ты уже будешь все знать. — Она

улыбается.

— Отлично. — Я благодарно улыбаюсь в ответ. — Так и сделаю.

— Но ты ведь скажешь мне, да? — спрашивает она. — Завтра скажешь?

Мы возвращаемся к столику и говорим Мику, что я устала и уйду домой. Он беспокоится и хочет идти со мной, но мы с Филиппой убеждаем его остаться.

— Тут идти-то всего три минуты, — смеюсь я. — Не бойся, со мной все будет в порядке.

Он взволнован, но я улыбаюсь и успокаиваю его. Наконец я выскальзываю на улицу. На свежем воздухе мне куда лучше. В кафе слишком сильно пахло кофе и беконом. Обычно эти запахи пробуждали во мне чувство голода, теперь — совсем наоборот.

Я почти не сомневаюсь, что беременна. Все указывает именно на это — тошнота, усталость, набухшие груди. Да, мы старались быть осторожными, но, видимо, где-то проглядели.

Я захожу в аптеку и ищу тест. Я никогда не покупала их прежде и даже примерно не представляю, где они могут быть. Аптекарьша подходит ко мне и спрашивает, не может ли она чем-то помочь.

— Да, мне нужен... — мямлю я. — Тест на беременность.

Подспудно я жду, что она прочитает мне лекцию о контрацепции и безопасном сексе, но она совершенно спокойно подводит меня к нужной полке.

— Вот, пожалуйста, они тут.

Она подробно объясняет мне разницу между множеством тестов и рассказывает, как ими пользоваться. Но я все равно никак не могу отделаться от мысли: что же она обо мне думает? Мы примерно одного возраста, и я представляю себе, как она довольна тем, что ее эта проблема не касается. Она такая уверенная и спокойная в своей белой униформе.

Я выхожу из аптеки, но тут кто-то хватается за плечо.

— Бип-бип, Кэтрин, — слышу я и понимаю, что это Элис. — Ну и покупки у тебя. Интересно, что сказала бы Элен?

Я прижимаю пакет к груди. Я чувствую себя странно испуганной. Она говорит так зло, и мне трудно поверить, что мы когда-то были подругами.

— Плохая девочка, да? — Глаза Элис так и буравят меня.

Сначала я хочу оправдаться, но потом решаю не делать этого. Я ничего не должна Элис. Моя личная жизнь ее не касается. Я лишь пожимаю плечами и делаю шаг вперед, но она преграждает мне дорогу и наклоняется к моему лицу.

— Ты думала, что никогда не попадешь в такую ситуацию, — говорит она. — А еще ты, как вижу, просто мечтаешь от меня избавиться? Но у тебя ничего не выйдет, и не надейся!

— Избавиться от тебя? — Я пытаюсь усмехнуться, но выходит очень неубедительно. — Ты что, мне угрожаешь? Ты меня преследуешь?

Она просто улыбается.

— Оставь меня в покое, — говорю я, глядя прямо ей в глаза. — Оставь меня, или...

— Или что? — Она поднимает брови, изображая крайнее удивление. — Ты позвонишь в полицию? Или что? Ну, что ты будешь делать?

— Да, позвоню! Если ты будешь так себя вести, то я позвоню.

— Да я не сомневаюсь, что позвонишь. Но я же ничего плохого тебе не делала, и что ты скажешь полиции? На этот раз ты никого не обманешь. — И она улыбается, покачивая головой. — Ведь мы с

тобой подруги, да? Подруги навсегда?

Я качаю головой и пытаюсь пройти мимо нее.

— Уходи, Элис, — твердо говорю я. — Уходи. Я вообще не понимаю, о чем ты говоришь. Тебе явно нужна помощь, пойдй к доктору.

— Может, и нужна. — Она смеется мне вслед. — А может, и тебе нужна. Ты никогда об этом не задумывалась, Кэтрин?

Я быстро ухожу, и перед тем, как повернуть на улицу, оглядываюсь. Но Элис не идет за мной, она разговаривает с высоким, красивым парнем и явно с ним флиртует.

Может, это смешная предосторожность, но я не хочу, чтобы она знала, куда я иду, и поэтому в квартиру Мика я просто вбегаю, захлопываю дверь и поворачиваю в замке ключ. Мне страшно так, как бывало в детстве. Когда я оказывалась в темной комнате, я сразу же плакала и бежала к родителям. Как и темнота, Элис никак не сможет мне навредить. Не сможет, если я не позволю ей. Она не имеет никакой власти.

Иду в ванную и останавливаюсь перед зеркалом. Мне надо отдышаться. Я бледная и выгляжу ужасно. Вспоминаю, что мне есть о чем поволноваться и помимо Элис. О том, что может изменить наши с Миком жизни. И Элис это никак не касается.

Открываю упаковку и мочусь на палочку, как написано в инструкции. Выхожу из ванной, жду положенное время и возвращаюсь обратно. Две розовые полоски. Я снова читаю инструкцию. Две полоски — положительный результат. Я беременна.

Отбрасываю палочку прочь, как будто она раскалена. Я и не сомневалась, что беременна, но подтверждение пугает меня. Сердце колотится в груди, во рту появляется мерзкий привкус. Ноги меня не держат, и я опускаюсь прямо на пол и сижу совершенно неподвижно, думая о погубленном будущем, пока не слышу наконец поворот ключа в замке и шаги Мика. Вскоре он появляется в ванной и испуганно спрашивает, что со мной случилось.

Не могу сказать ни слова, просто протягиваю ему тест.

— Что это? — говорит он, присаживаясь рядом со мной. — Ты беременна?

Его голос звучит удивленно и потрясенно, но он не расстроен.

Я молча киваю.

— Ничего себе! — Он проводит рукой по лбу. — Я просто не знаю, что сказать.

Он некоторое время молчит, глядя на тест, потом переводит глаза на меня.

— Скажи, это очень плохо?

— Конечно! Мне только семнадцать, Мик, и я беременна. — Я встаю. — Мне семнадцать! Мне всего семнадцать!

Он кладет руку мне на колено и говорит, тщательно выбирая слова.

— Что ж. Это ужасно, да. Но это же не конец света. То есть мы можем как-то решить эту проблему. Если ты хочешь...

— Аборт. Я понимаю. Не бойся произносить это слово, я не дурочка.

— Хорошо. Аборт. Мы можем сделать аборт, если хочешь.

Я киваю и пожимаю плечами, беспомощно обводя взглядом стены.

— Но ты не должна, — продолжает Мик, наклоняясь так, что я вынуждена смотреть на него. — Ты не должна этого делать.

— И какая альтернатива, Мик? Родить ребенка? В семнадцать-то лет? Ты шутишь?

— А что особенного? Это вполне возможно.

— Я знаю, что такое бывает, я не полная идиотка. Я беременная, Мик, а не чокнутая.

Он вздыхает.

— Ну не сердись. Я же тебе не враг.

— Извини. — Я беру его за руку. — Я просто никак не могу поверить, что такое случилось.

— Я тоже не могу.

— Черт! — Я сильно сжимаю его руку. — Ты понимаешь, у таких девочек, как я, не должно быть ребенка. Такие девочки идут в университет, делают карьеру. Да мои родители просто умрут, когда узнают.

— Но и ты сможешь пойти в университет. Многие учатся, имея детей. — Он сжимает мою руку и улыбается. — Просто забудь на минутку про своих родителей. Не бойся того, что подумают другие люди. Нельзя ориентироваться на других. Это неправильно.

И он прав. Узнав о своей беременности, больше всего я испугалась того, что скажут люди. Мои родители, одноклассники, учителя. Я представляла себе, как хожу с огромным животом, а потом — с орущим младенцем, а люди вокруг смотрят на меня и перешептываются, жалеют меня или смеются.

— Я заварю чай, — говорит Мик. — А ты не хочешь пока пойти полежать?

Оказавшись в кровати, я сразу же засыпаю. Когда я просыпаюсь, Мик сидит около меня и смотрит какой-то музыкальный журнал.

— Привет.

— Привет.

— Как себя чувствуешь? — Он кладет руку на мой лоб, и я смеюсь.

— У меня же нет температуры, глупый.

— Знаю-знаю. Но разве твоя мама не делала так, когда ты уставала?

— Но я же не устала. Я беременна.

— Ага. И поэтому грустишь.

— А ты?

— Я не знаю.

— И я не знаю. А ты?

Он смеется.

— Я — как ты.

— А я не знаю. Почему-то сейчас мне это не кажется таким ужасным. — Я пожимаю плечами и застенчиво улыбаюсь. — Может, я просто размечталась?

Мик сжимает мою руку.

— А ты что думаешь, Мик? Тебе не кажется, что это просто ужасно?

— Господь с тобой, Кэтрин. Я точно знаю, что это — не конец света. — Он улыбается.

Не знаю, почему несколько часов сна все изменили, но я больше не вижу никакой трагедии.

— Ребенок, — медленно говорю я.

— Наш ребенок.

— Да.

— Мы не можем убить то, что создали вместе. Это — наш ребенок. Наш. Немножко тебя, немножко

меня, — говорит он.

— Не можем.

— Ты действительно не хочешь от него избавиться?

— Нет. — Я невольно начинаю улыбаться. — Пожалуй, я хочу ребенка.

Остаток дня мы проводим вместе. Мы пребываем в полуистерическом состоянии. На следующее утро мы рассказываем все Филиппе. Она так рада, и нам это очень приятно. Мне намного лучше. Тошнота не прошла, но теперь, когда я знаю ее причину, гораздо легче ее переносить. Ведь мое тело создает нового человека!

Мы идем в библиотеку и набираем кучу книг о беременности. Рассматриваем изображения эмбрионов на разных стадиях развития. Высчитываем, какого возраста наш малыш, и находим точную картинку. Мы оба удивлены, что у него уже есть руки, ноги, глаза, рот, нос, что он уже дышит.

Мик считает, что мы должны снять квартиру и съехаться.

— О такой девушке я мечтал всю жизнь, — говорит он. — Я просто хочу быть с тобой. — Он смеется и качает головой. — Подумать только, Кэтрин, у нас будет ребенок! — Он обнимает и целует меня. — Не волнуйся ни о чем! Все будет хорошо, не волнуйся!

Ночью он шепчет мне:

— Давай поженимся, завтра же!

Я смеюсь:

— Мне же только семнадцать, не сходи с ума! — Но я взволнована его словами, я счастлива, что он любит меня так же, как и я его. Он хочет на мне жениться!

Но снять квартиру и жить вместе — это не такая уж безумная идея. Разумеется, Мик не может переселиться в квартиру Вивьен. И товарищ Мика вряд ли вынесет пищащего младенца.

На следующее утро я просыпаюсь рано, встаю и завариваю чай. Налив чашку, я возвращаясь в кровать и просматриваю объявления об аренде.

— Вот это было бы здорово, — говорю я через некоторое время. — Спальня, новая кухня, недалеко от пляжа. Три пятьдесят в неделю.

Мик открывает глаза и улыбается.

— Прочитай-ка снова, — просит он. — Я толком не расслышал.

— Спальня, новая кухня, — говорю я восторженно. Но, задумавшись, вздыхаю: — Но сначала я должна рассказать все моим родителям. Мне надо познакомить с ними тебя. Мы не сможем съехаться, пока они обо всем не узнают. Они платят за мою квартиру, за машину, дают мне деньги на жизнь.

— Конечно. — Мик садится и обнимает меня. — Но в любом случае, не переживай. Даже если они не захотят содержать тебя, мы все равно справимся. Я найду еще одну работу.

— Они ни в чем меня не ограничат. Они на все готовы ради меня.

— Понятное дело.

— Но знаешь, есть то, что они никогда не примут.

— Что именно?

— Твой мотоцикл. Они с ума сойдут, как только услышат о нем.

— Понятно. — Он пожимает плечами. — Мои родители тоже его ненавидят. Действительно, опасная

штука.

— Но почему же ты тогда на нем едешь? Если тоже думаешь, что это опасно?

— Это прикольно. — Мик усмехается. — Скорость. И потом, нельзя же всю жизнь чего-то бояться.

— Я не боюсь. — Я чувствую внезапное раздражение. — Я вовсе не это имею в виду...

— А я и не говорю, что ты чего-то боишься, — перебивает он. — Я о тебе вообще не говорил. — Он хмурится. — Не переживай, я все равно собирался его продавать.

— Отлично. Тем более что у нас есть моя машина. — Я еще не остыла. — По-моему, глупо умирать из-за того, что кататься на мотоцикле прикольно. Но ты так говоришь, будто это огромная жертва с твоей стороны.

— Да, это жертва. Это мой мотоцикл, я его люблю.

Я недоверчиво щурю глаза.

— Любишь?

— Да.

— Но это же просто кусок железа! Ты же не можешь любить неодушевленный предмет!

— А я его люблю. И мне грустно продавать его.

Я отбрасываю газету в сторону и встаю.

— Тебе грустно? — кричу я, едва сдерживая слезы. Знаю, что неправа и надо успокоиться, но остановиться не могу. — А как же я? Что ты скажешь про те жертвы, которые приношу я? Мне не грустно?

Мик протягивает ко мне руки.

— Вернись в постель.

— Нет.

— Пожалуйста.

— Нет.

— Я ненавижу мотоцикл, — говорит он. — Он уродливый, он красный. А я ненавижу красный цвет. Ты намного красивее. И пахнешь куда лучше.

Я стараюсь сохранить сердитый вид, но не могу сдержать смех.

— Идиот, — говорю я и забираюсь в кровать. — Вообще-то я тоже люблю мотоцикл. Не понимаю, почему я так разозлилась. Мне тоже будет грустно продавать его.

— Знаю.

— Но если мама с папой узнают о нем...

— Не волнуйся. Я люблю тебя больше, чем мотоцикл.

— Скоро ты познакомишься с моими родителями.

— Ха-ха. А ты с моими. Устроим официальное знакомство.

— Да уж, — вздыхаю я и прячу лицо у него на груди. — Скажи, а тебя все это не пугает? Может, они подумают, что мы сошли с ума? Может, будут против ребенка и против того, что мы собираемся жить вместе?

— Не сомневаюсь, они точно подумают, что мы сошли с ума. По крайней мере, на первых порах они будут думать именно так. Придется доказать им, что они не правы. И я точно знаю, что мои родители полюбят тебя.

— И мои тебя, — говорю я.

Но на самом деле я не уверена. Папа и мама точно не будут в восторге от происходящего. Представляю их лица, когда они услышат нашу новость — мама будет потрясена, папа — просто убит. Нет, они не станут кричать, они никогда на меня не кричали, но наверняка воспримут происходящее как трагедию. Разочаруются во мне. А это в миллион раз тяжелее, чем крик. И еще я чувствую вину — из-за Рейчел. Моя жизнь продолжается, а для нее все закончилось. Чем дольше я буду жить, тем сильнее буду это чувствовать. Мне кажется это предательством с моей стороны.

А каково это для моих родителей? При каждом радостном событии в моей жизни они будут думать о том, что у Рейчел этого нет и никогда не будет.

Я закрываю глаза и стараюсь не думать ни о Рейчел, ни о родителях. Я плотнее прижимаюсь к Мику и вдыхаю знакомый аромат его кожи. Хотя я только час как проснулась, я все равно чувствую себя уставшей и снова засыпаю.

32

— Как тут здорово, — говорю я и оглядываюсь, рассматривая наполненную солнцем гостиную. — Места маловато, но очень красиво и солнечно. Как ты думаешь, Мику понравится?

Квартира маленькая, но светлая. Полы деревянные, стены окрашены в белый цвет. Спальня одна, и кроме нее есть еще маленькая комнатка, которая в будущем очень подойдет для младенца. Гостиная довольно уютная, а кухня — самая крохотная из всех, которые я когда-либо видела. Но в целом квартира очень чистенькая и веселая. Филиппа обнимает меня.

— Конечно, понравится, — весело говорит она. — Потому что вы будете тут вдвоем.

— Тебе не кажется, что тут слишком мало места?

— Зато удобно.

— Но мы тут уместимся?

— Конечно. Сколько места требуется младенцу?

— Мне сказать хозяевам, что мы снимаем эту квартиру?

— Да. И скажи, что завтра ты хотела бы прийти и посмотреть квартиру вместе с Миком. Уверена, ему понравится, не беспокойся. — Она с улыбкой обходит помещение. — Так и представляю вас тут. Вашу маленькую семью. Слушай, как в сказке! Ты как принцесса в замке.

— Да, только замок очень крошечный, — смеюсь я. Но мне очень нравится будущее, нарисованное Филиппой. Мне нравится, что она верит в наше счастье.

Я заполняю анкету, отдаю агенту по недвижимости, и мы с Филиппой выходим на улицу.

— Давай что-нибудь съедим, — предлагает Филиппа. — Ты голодная?

— Ой, я всегда голодная. Но то, что мне раньше нравилось, теперь вызывает тошноту.

Мы с Филиппой обсуждаем меню, и тут я замечаю Элис.

Она еще на другой стороне улицы, но пока я раздумываю, как бы от нее ускользнуть, она останавливается, на ее лице бродит неясная улыбка.

— Что такое? — Филиппа поворачивается. — О, черт! Элис.

— Кэтрин! Подожди минутку! — кричит Элис.

Мы не успеваем уйти.

— Ну, как ты? Каков результат? — обращается она ко мне, избегая смотреть на Филиппу.

Я знаю, что мне лучше уйти, но я словно парализована.

— Держу пари, Элен скоро станет бабушкой? — Элис складывает руки на груди и злобно смотрит на меня. — Но ведь ты ей еще ничего не сказала? Ты же у нас вообще любишь маленькие грязные тайны. Да, Кэтрин? Что-то ты меня разочаровала, крошка. Я думала, ты настоящий друг.

— Мы торопимся, — говорит Филиппа. — Нам пора.

Элис не обращает на нее внимания.

— Хотя вообще-то я не удивлена. Ты же трусиха, Кэтрин. — И она злобно смеется. — Ты даже больше, чем трусиха. Ты же бросила свою сестру, и ее убили. А убили ее потому, что ты убежала. Ты никогда об этом не задумывалась? Может, те парни просто хотели вас изнасиловать? Вас обеих.

Может, они разозлились, что ты убежала, и потому взяли и убили малышку Рейчел? Так ты не просто трусиха, Кэтрин, а? Ты скорее сообщница. Ну, ничего, зато ты спасла собственную шкуру.

— Замолчи, Элис! — перебивает ее Филиппа, хватая меня за руку и тянет к себе. — Закрой свой поганый рот и вали, пока я не врезала тебе так, что мало не покажется.

Я удивлена агрессией Филиппы и застываю с открытым ртом.

— Ой! — Элис глумливо смотрит на Филиппу. Но ее апломб немного слетел, в голосе слышится неуверенность. — Это твоя новая подружка, да, Кэтрин? Ну что ж, прекрасно. Подобное притягивает подобное.

Филиппа обнимает меня и ведет прочь.

— До свидания, милые леди, — притворно добреньким голосом пищит Элис. — Надеюсь, скоро увидимся.

— Даже не верится, что ты заставила ее заткнуться, — говорю я Филиппе.

— Самой не верится. Но она разозлила меня. — Филиппа вздыхает. — Маме было бы за меня стыдно.

Филиппа оборачивается.

— Можно идти медленнее, она ушла. Слушай, Кэтрин, она чудовище. По-моему, у нее на самом деле проблемы с головой.

— Тебе не кажется, что она меня преследует? Я встречаю ее, когда меньше всего этого ожидаю. Это не может быть совпадением.

— Не знаю. Не исключено. Думаю, она никак не может смириться с тем, что ты больше не хочешь с ней дружить. — Филиппа поворачивается ко мне. — Но ты же не принимаешь все это близко к сердцу? Что она такое несет? Всю эту ерунду про Рейчел. Ты же знаешь, что она говорит полную ерунду.

— Трудно не принимать все это близко к сердцу, — возражаю я. — Потому что она во многом права. Я оставила Рейчел, я убежала. Это отмечалось даже на суде. Оказывается, эти парни вовсе не собирались никого убивать. Это случилось потому, что они испугались. Они запаниковали, когда я исчезла.

— Естественно! Ведь защита не могла сказать, что эти парни планировали убийство? Это был единственный шанс на оправдательный приговор.

Я оборачиваюсь и замечаю Элис, она идет в другую сторону.

— Но откуда она все это знает? Как ей удастся задеть самую больную струну?

— Потому что она просто тварь, Кэтрин. А откуда знает — читала газеты, наверное, чтобы побольнее тебя задеть.

— Наверное. Но все равно она права. Я убежала. — Я твердо смотрю на Филиппу. — Я действительно убежала.

— Конечно, убежала, — отвечает она. — А что еще ты могла сделать?

— Я могла бы проследить, чтобы она так не напивалась.

— Могла бы. Но ты этого не сделала. И...

— Да, не сделала, — перебиваю я. — Я вообще должна была сделать очень многое. И знаешь, есть еще кое-что. То, в чем я никому не признавалась раньше.

— Что именно?

— Я разозлилась на Рейчел в тот вечер. Я очень злилась, что она тоже поперлась на вечеринку. Я не хотела, чтобы она шла. Там были мои друзья, а она вообще не любила всякие сборища. — Я всхлипываю.

Филиппа берет меня за руку и ведет к скверу. Мы садимся на скамью. Я закрываю лицо руками и плачу. Филиппа обнимает меня и терпеливо ждет, пока я успокоюсь.

— Прости, — говорю я. — В последнее время я все время плачу. Это глупо.

— Нет, плакать — это не глупо.

— Может быть, — соглашаюсь я. — Только знаешь, о чем я все время думаю? О том, что вся эта история с Рейчел — она мне на всю жизнь. Мне всегда будет так плохо и стыдно? Это мне в наказание за то, что она умерла, а я живу?

— Конечно, нет. — Филиппа качает головой. — Но объясни мне, почему тебе так стыдно? Я, наверное, чего-то не знаю, но я не понимаю, почему ты чувствуешь себя виноватой.

Не хочется продолжать этот разговор, но внезапно я понимаю, что мне надо все из себя выплеснуть, избавиться от этой душевной тяжести.

— Я очень разозлилась на Рейчел из-за того, что она пошла на вечеринку, — начинаю я. — Она никогда никуда раньше не ходила, вообще не любила такое времяпрепровождение. Она всегда была замкнутой и необщительной. А там, на этой чертовой вечеринке, она словно открылась с другой стороны — была веселой, обаятельной. И мне это очень не понравилось. Это я всегда была душой общества, а она — просто застенчивой девочкой, гением в своей музыке. — Мой голос зазвучал тише: — Я хотела, чтобы ее не было рядом со мной. Она ведь такая талантливая, само совершенство. Если бы она еще стала общительнее, то... я была бы просто невидимкой на ее фоне.

Филиппа молчит. Интересно, она испытывает ко мне отвращение?

— Когда Мик был маленьким, — говорит она наконец, — он очень плохо учился в школе. Был последним учеником по всем предметам — по чтению, по математике... а у меня наоборот все получалось, и я притворялась, что мне его жаль. Но в душе меня это очень радовало. Мне нравилось, что я хоть в чем-то лучше, чем он. Он был очень спортивный. Такой красивый и забавный, у него всегда было много друзей. А я — с жуткими рыжими волосами и веснушками, которых у него не было... — Она смотрит на мой живот. — У твоего малыша хорошие гены... А когда Мику было лет одиннадцать, он очень изменился. Он начал стараться и стал почти отличником. — Она качает головой. — Ты бы знала, как я ревновала и завидовала...

Я улыбаюсь.

— Но тем не менее, — продолжает она, — теперь я очень рада, что он такой классный. Я бы не перенесла, если бы он остался прежним, не любил бы книги. У нас не было бы ничего общего. И для

меня это было бы трагедией.

— Да, — соглашаюсь я.

— Ну, вот видишь? Не ты одна такая, — серьезно заканчивает Филиппа и обнимает меня. — Ты не должна переживать, что не была идеальной сестрой. Ты никого не убивала. В том, что случилось, нет твоей вины. Ты сделала то, что любой сделал бы в такой ситуации. А как ты думаешь, что было бы с твоими родителями, если бы убили вас обеих? Обеих дочерей? Так было бы лучше? А это вполне могло случиться, если бы ты осталась. Ты бы только хуже сделала, поверь мне.

— Может быть, — киваю я. — А может, и нет. Никто этого не знает. Но ведь именно я взяла ее на эту вечеринку. Если бы я не сделала этого, она осталась бы в живых.

— Но если ты так думаешь, то почему не обвиняешь своих родителей? А они, наверное, обвиняют себя в том, что не приехали вовремя домой. Они должны обвинять себя в том, что уехали и оставили тебя присматривать за сестрой. А как насчет того парня, который позволил тебе сесть в машину? Он тоже должен себя обвинять? Если так рассуждать, то виноваты все вокруг. Да? Кэтрин, неверное решение не делает тебя убийцей. Тебе было пятнадцать. И ты пошла на вечеринку. Да, ты нарушила запрет. Ну и что? Ты не сделала ничего такого, что не делали другие пятнадцатилетние. Ты не могла знать, что случится. Перестань так думать. Это безумие. За убийство Рейчел ответственны те парни. А ты — жертва, Кэтрин. Ты и Рейчел, и ваши родители — вы все жертвы. Ты попала в жуткую ситуацию и сделала все, что могла.

Я киваю и улыбаюсь. Пусть Филиппа думает, что она меня переубедила. Но она никак не может изменить то, что я чувствую. Я давно поняла, что этому не будет никакого конца и никакого прощения. Смерть Рейчел и мое участие в этой истории — вот то, с чем мне придется жить всю свою жизнь.

33

Когда я прихожу, Мик уже дома. Он распахивает дверь еще до того, как я успеваю постучать, — такой улыбающийся и счастливый, он обнимает меня, едва я успеваю войти.

— Мне только что позвонили, — смеется он. — У нас есть квартира! И мы можем переехать на следующей неделе.

Он берет меня за руку и тянет в кухню, выдвигает табурет и протягивает мне стакан свежавыжатого сока. Он приготовил салат, и крошечная кухня, обычно грязная, сегодня сияет чистотой.

— Я решил, что теперь нам надо питаться здоровой пищей.

— Звучит отлично.

— Филиппа сказала, что вы встретили Элис? — Он обеспокоенно смотрит на меня. — С тобой все в порядке?

— Да.

— Еще она сказала, что Элис опять несла какую-то чушь, и ты расстроена.

— Да, немного... Но дело не в том, что сказала Элис.

— То есть?

— Она, конечно, порядочная тварь. И нарочно бьет по больному. Но все, что она говорит, и так постоянно крутится у меня в голове. Она говорит чистую правду. Я на самом деле убежала от Рейчел, я бросила сестру, и ее убили. — Я поднимаю руку, видя, что Мик хочет возразить. — Все так, это голые факты. Я взяла ее на вечеринку и позволила напиться. А ведь я отвечала за нее. Я

постоянно об этом думаю. Элис — единственный человек, который ведет себя честно. Она — единственный человек, который осмелился сказать правду. Сказать то, о чем все остальные так или иначе думают.

— Но Кэтрин...

— Пожалуйста, Мик! — перебиваю я. — Дослушай. Я еще не закончила.

— Хорошо, — соглашается он. — Продолжай.

— И сегодня я поняла кое-что еще. Кое-что хорошее.

Он кивает.

— Я всегда надеялась, что рано или поздно наступит время, когда я успокоюсь. Когда не буду чувствовать себя виноватой. Я ждала того дня, когда снова смогу жить и наслаждаться жизнью. — Я горько усмехаюсь. — Но сегодня я наконец поняла, что такого не будет. Это останется со мной навсегда. И это нормально. Я в состоянии принять это.

— Это прекрасно, Кэтрин, но...

Я не слышу окончания фразы, потому что в дверь громко стучат.

— Господи! — Мик смотрит на меня и качает головой. — Кто...

— Кэтрин! Кэтрин! Ты здесь? — раздается через дверь отчаянный крик. — Откройте!

— Боже мой! — Я выпрямляюсь, чувствуя, как кровь отхлынула от лица. — По-моему, это папа.

— Как? Почему?

— Не знаю! — говорю я и бегу к дверям.

В дверях стоят мама и папа. Они так перепуганы, будто не ожидали меня тут увидеть. Они переглядываются и снова напряженно смотрят на меня.

— Мама! Папа! Что случилось? Что вы тут делаете?

— О, Кэтрин... — восклицает мама и протягивает ко мне руки. — Скажи, с тобой все в порядке?

— Да. — Я обнимаю ее. — Все хорошо. Почему вы здесь? Что происходит?

Папа берет меня за подбородок и пристально смотрит в глаза.

— С тобой правда все в порядке? — спрашивает он. — Ты не врешь?

Я отступаю и хмурюсь.

— Что случилось? Вы меня пугаете. Что вы тут делаете?

Мик выходит в прихожую и берет меня за руку.

— Здравствуйте. Я — Мик. Проходите, пожалуйста.

Отец не обращает на него внимания. Он по-прежнему сверлит меня взглядом. Мама неестественно улыбается.

— Здравствуйте, Мик. Меня зовут Элен, а это — мой муж, Ричард.

Мик и я отступаем, чтобы пропустить маму и папу. Они проходят в квартиру, мы следуем за ними.

Мик вопросительно смотрит на меня, но я пожимаю плечами. Я точно так же, как и он, не понимаю, почему явились родители и почему они так встревожены.

Мы заходим на кухню, она такая чистая и светлая, с салатом на столе. Мама и папа переглядываются.

Наконец мама решается.

— Мы будем откровенны, — говорит она. — Нам позвонила Элис.

— Ой, — вздыхаю я. Одно упоминание имени Элис заставляет меня почувствовать себя дико

уставшей. — И зачем? Чего она хотела?

— Она просто волновалась о тебе, милая, — начинает мама, но папа грубо перебивает ее.

— Она сказала, что ты принимаешь наркотики, что ты живешь с каким-то сомнительным... — Он поворачивается к Мику. — По словам Элис, это какой-то дикий музыкант на мотоцикле. — Отец переводит взгляд на меня. Он выглядит грустным и усталым. — А еще она сказала, что ты беременна.

Я легко могу возразить. Ведь я не принимаю наркотики. И тут тому достаточно доказательств — все чисто, на столе — здоровая пища, в наших стаканах — апельсиновый сок. Но упоминание о беременности выбивает меня из колеи.

— Элис лжет, — говорит Мик, и я смотрю на него с благодарностью. — Кэтрин не принимает наркотики. Это просто смешно. — Он смотрит моему отцу прямо в глаза. — Здесь никто не принимает наркотики.

Мама и папа переглядываются, и в их глазах отражается облегчение. Они очень хотят поверить Мику.

— Но зачем Элис наговорила нам все это? — недоумевает мама.

— Потому что у нее проблемы, — объясняет Мик. — Серьезные психические проблемы.

— Правда? — спрашивает папа, поднимая брови, вся его напряженность исчезла. — Кэтрин! Это правда? Ты можешь поклясться? Ты не принимаешь наркотики?

— Нет, папа, — качаю я головой. — Конечно, нет. Клянусь. Я вообще не понимаю, как вы могли в такое поверить?

— Мы так долго тебя не слышали, — объясняет мама. — Ты не брала трубку в квартире Вивьен, твой мобильник не отвечал. Мы оставили тебе кучу сообщений, чуть ли не десяток. Это даже хорошо, что Элис позвонила, потому что мы начали уже волноваться.

— О боже! Да. Мой телефон был выключен, потому что мне не хотелось говорить с Элис. Я и представить не могла, что она вам позвонит. И будет так лгать. Простите. Это моя ошибка. Мне надо было позвонить и сказать, где я.

— Ничего, теперь неважно. — Мама качает головой, и я вижу слезы в ее глазах. — Главное, что с тобой все в порядке.

Почти одновременно мама и папа обнимают меня, целуют меня в щеки и смеются. Мик в это время ставит на стол чистые бокалы и предлагает всем сок.

— Я теперь глупо себя чувствую, — говорит мама и смотрит на Мика. — Что ты о нас подумаешь, с этими нашими глупыми обвинениями и подозрениями?

— Все в порядке! Именно так поступили бы большинство родителей. — Он смотрит на маму и улыбается своей очаровательной улыбкой, и я чувствую, что она покорена.

— Ну, пожалуй. — Мама переводит взгляд на меня и смеется. — Как я рада, что с тобой все в порядке, родная. Мы так волновались. Так боялись, что ты себе даже представить не можешь. Мик настаивает, чтобы мои родители остались на обед. Мы вчетвером садимся за стол, и папа рассказывает нам про телефонный звонок Элис. Меня слегка беспокоит, что она так враждебно настроена, но я не держу на нее зла. Ее действия лишь доказали, как любят меня родители.

Но они так и не спросили меня про беременность. Или поняли, что все сказанное Элис — ложь, или просто боятся спрашивать.

Во время обеда я мучительно раздумываю, как сказать им об этом. Ведь я на самом деле беременна. «Вы скоро станете бабушкой и дедушкой»? Но так невозможно. Каждый раз, когда Мик начинает говорить, я боюсь, что он скажет об этом. Но он ничего не говорит. И обед проходит в беседе про музыку и Элис. И про то, где и как мы с Миком встретились.

Обед заканчивается, и Мик остается мыть посуду. Родители отправляются в гостиную, и Мик многозначительно смотрит на меня. Я понимаю, что он просто хочет дать мне возможность поговорить с ними наедине.

Когда я прошу их посидеть со мной и предлагаю показать фотографии, папа отказывается. Он говорит, что хочет помочь Мику. Мама пожимает плечами и берет меня за руку.

— Не мешай ему, — шепчет она мне. — Он, наверное, хочет поближе познакомиться с твоим молодым человеком.

Как только отец выходит из комнаты, я выпаливаю:

— Я беременна.

— Что? Что ты сказала? — Мама поворачивается ко мне и хмурится. — Прости, я не расслышала.

— Я беременна.

— Беременна? Боже мой! — Она отворачивается, но я вижу слезы в ее глазах.

— Мама, пожалуйста, прошу тебя. Понимаю, что я тебя разочаровала, понимаю, это не то, что ты ожидала. Но я обещаю, что все будет в порядке. Не волнуйся, Мик не бросит меня. И я смогу получить образование. Все будет в порядке, обещаю, мамочка!

— Ты беременна. — Она снова произносит это слово, как будто не вполне его понимает. Она подходит к кушетке и тяжело опускается на нее. — Ты беременна...

Я сажусь рядом и нервно тереблю джинсы.

— Ты разочарована, да?

— Нет, — медленно говорит она. — Вовсе нет.

— Но ты стыдишься меня?

— Да нет же! — Теперь ее голос звучит решительно и уверенно. — Кэйти, как ты не понимаешь? Я вовсе не разочарована. И нисколько не стыжусь. Да, мне трудно понять, что ты беременна. Но подумай только, несколько часов назад мы считали, что ты начала принимать наркотики. Мы боялись, что можем потерять тебя. — Мама вздыхает и качает головой. — У меня умерла младшая дочь... и я так за тебя боюсь.

Я перепугана и смущена. Даже не представляю, что она скажет дальше.

— Кэйти, милая моя! — Мама улыбается. — Я, наверное, не должна этого говорить, но пойми, для меня все происходящее с тобой — вовсе не катастрофа.

— О, — только и могу выговорить я.

Мама прижимает палец к губам и озорно улыбается. Я потрясена. Мама обнимает меня и спокойно заявляет:

— Наверное, это неправильно или эгоистично, но я уверена, все, что с тобой происходит, — просто замечательно. У нас в семье появится новый человек, которого мы все очень полюбим. Это же прекрасно! У меня будет внук или внучка! И кроме того, нам очень понравился твой молодой человек. — Мама достает платок и вытирает слезы. — Знаешь, я сейчас вспомнила о том времени, когда ждала тебя.

— Так ты правда не разочарована? И не расстроена?

— Нет-нет.

— Ты не думаешь, что это безумие — так скоро заводить ребенка?

— Может быть. Но в жизни ничего нельзя знать заранее.

— Но я еще так молода. В моем возрасте никто не заводит детей.

Я как будто бы хочу, чтобы мама меня утешила, чтобы она твердо сказала мне, что все прекрасно, что все будет хорошо.

— Пусть тебя не волнует, что думают и делают другие люди.

— Нет, я не это имею в виду. Просто...

— Я понимаю, что ты хочешь сказать, милая. Да, твоя жизнь изменится, ты уже не будешь такой свободной, как раньше. Но перед тобой откроется другой мир. Это волшебная, чудесная перемена в твоей жизни. — Она гладит меня по щеке. — И мы с папой поможем тебе всем, чем сможем.

— Я рада, что ты не сердишься и не расстроена.

— Я совершенно не расстроена. Абсолютно! — Она снова улыбается. — Я только очень волнуюсь. Волнуюсь за тебя, за Мика, за твоего отца. Я хочу сказать отцу сама. Можно?

— Конечно.

Я потрясена ее радостью, и мама замечает это.

— Что-то не так, милая? — спрашивает она. — Ты как-то странно смотришь.

— Нет-нет. Просто... я не ожидала, что вы с папой обрадуетесь.

— Я понимаю, милая. — Она обнимает меня и прижимает к себе. — Знаешь что? Твоя глупая подруга оказала нам большую услугу. Мы так перепугались, так боялись потерять тебя. И теперь, когда я знаю, что с тобой все в порядке... — Мама глубоко вздыхает. — Кэйти, я знаю, что ты чувствуешь из-за смерти Рейчел. Я знаю, что ты чувствуешь себя виновной. Прости меня за то, что я никогда не разубеждала тебя. Перестань грызть себя, тебе надо начинать собственную жизнь.

— Перестать?

— Да. Перестань терзаться. Она была тебе сестрой, а не дочерью. Ты не должна страдать всю жизнь.

— Но...

— Нет, — перебивает она, берет меня за подбородок и нежно смотрит мне в глаза. — Я была несправедлива. Я знала, что ты тоже страдаешь, но была так захвачена своей болью! Я могла бы помочь тебе, но даже не пыталась это сделать. И теперь мне очень стыдно. — Мама откашливается. — Дорогая, ни я, ни папа никогда не обвиняли тебя в том, что случилось с Рейчел. Никогда. И никогда, ни на секунду не думай о том, что мы бы хотели, чтобы это случилось с тобой, а не с Рейчел. Мы любили вас одинаково. Всегда.

Я киваю, но ничего не могу сказать. Боюсь, что просто разревусь, как ребенок.

— Ты мне очень нужна, — говорит она.

— Да, мама.

— Прости меня. Матери так себя не ведут. Подумать только, несколько лет ты жила с мыслью, что я или отец виним тебя. Но поверь — мы никогда не винили! Никогда.

И тут я начинаю плакать. Не могу сдержаться. Осознание того, что меня никто не обвиняет, дарит мне такое облегчение и такую радость, что я бросаюсь маме на грудь и рыдаю, рыдаю без конца. Она обнимает меня, но продолжает говорить:

— А еще я хочу, чтобы ты жила своей жизнью. Счастливой и достойной. Ты должна быть счастлива! Если ты не можешь быть счастливой для самой себя, будь счастлива для нас с папой. Потому что если ты будешь несчастной, то для нас все закончится. Тогда мы потеряем обеих дочерей.

Мама еще раз напоминает, что отцу она скажет сама.

— Конечно, он будет потрясен — ведь ты для него все равно остаешься маленькой девочкой, это нормально для отца, но потом он привыкнет к этой мысли и будет радоваться так же, как и я.

И естественно, мы выслушиваем от папы целую лекцию насчет мотоцикла. Он успокаивается только тогда, когда мы твердо говорим ему, что мотоцикл продается, но папа все равно требует с меня обещание никогда на него не садиться, а Мика просит ездить медленно и аккуратно.

Когда они наконец уходят, мы с Миком ложимся спать. Мик особенно чуткий и нежный, он снова и снова повторяет, что любит меня. Мы прижимаемся друг к другу, моя голова лежит у него на груди.

— Я понимаю, что ты уже устала от разговоров про Элис, — говорит Мик. — Но с тобой точно все в порядке? Ты ее не боишься?

— Нет, — заверяю я. — Я о ней даже не думаю.

И это на самом деле так. Я все еще взволнована после разговора с родителями. Мама была такой открытой и эмоциональной, давно мне не было с ней так хорошо.

— Я понимаю, что Элис — гнилой орешек, — говорю я. — И рада, что мы больше не друзья. Она ведет себя просто как дура. Мне ее даже жалко.

— Ну да. — Мик зевает. — И мне тоже.

— Да и что она может нам сделать? Когда мы переедем, она даже не будет знать, где мы. И номер мобильного я поменяю, она не сможет мне позвонить. Так что ничего она мне не сделает.

— Ничего, — соглашается Мик. Он поворачивается и целует меня. — Ты в полной безопасности. Она не сможет тебе навредить.

34

На следующий день Мик получает пакет. Его приносят, когда Мик на репетиции, и я показываю посылку только поздно вечером, когда он приходит домой. Он открывает пакет не сразу, и я умираю от любопытства.

— Открывай скорее! — прошу я. — Может, там что-то интересное! Какой-нибудь подарок на день рождения?

— Сомневаюсь. До моего дня рождения еще целая вечность.

— Ну, давай, давай! — тороплю я. — Ну как можно быть таким нелюбопытным! — Я вкладываю пакет прямо ему в руки. — Открывай скорее!

Мик пожимает плечами и разворачивает пакет. Адрес отправителя не указан.

— Наверняка какая-то ерунда. Буклет из налоговой полиции или что-нибудь типа того. — Тут он вдруг усмехается. — А это не ты его послала? Может, поэтому ты так нетерпелива?

— Нет, — заверяю я. — Это не я. Клянусь.

Но он не верит, качает головой и, продолжая улыбаться, открывает пакет. Внутри — какая-то книга или альбом для фотографий. На обложке — картинка и надпись.

— А вы знаете, кто рядом с вами? — громко читает Мик и улыбается, но уже озадаченно. Он переворачивает страницу, держа книгу так, что мне ничего не видно.

— Мик! — смеюсь я. — Я это точно не послала. Это не от меня. Я не знаю, кто...

Я замолкаю, увидев выражение его лица. Он хмурится и бледнеет.

— Что такое? — спрашиваю я. — Мик, что случилось? Что там?

— Господи боже, — хрипло произносит он, и я вдруг понимаю, что этот пакет от Элис.

— Дай мне посмотреть, — с трудом выговариваю я, протягивая руку.

— Послушай, не надо. Не смотри! Пожалуйста, я прошу тебя.

— Не глупи, Мик. Дай мне эту ерунду. — Мой голос звучит резче, чем хотелось бы. — Прости, — продолжаю я. — Дай мне. Не надо ничего скрывать.

Он неохотно протягивает мне альбом.

— Кэтрин, — предупреждает он, — тут такая дрянь! Она совсем сошла с ума, не придавай этому значения, хорошо?

— Хорошо, — киваю я. — Хорошо. Я знаю. Я все знаю.

На титульном листе — большая фотография. На ней — я и Рейчел, это фотография из нашего семейного альбома, та самая, которая так часто появлялась на страницах газет после смерти Рейчел. Мы на пляже, рядом, широко улыбаемся, наши волосы растрепаны и влажны. Мы обнимаем друг друга и кажемся такими счастливыми.

Фотография намеренно порвана посередине, а над ней — большими буквами, вырезанными из газет, составлено предложение: «А вы знаете, кто рядом с вами?»

Следующая страница заклеена случайными выдержками из газет того времени, когда Рейчел была убита. Хотя они все из разных статей, Элис склеила их вместе, чтобы получилось что-то вроде связного текста. Из газетных букв составлен и заголовок.

«Осуждены невиновные? А виновный остался на свободе?»

Но кто на самом деле несет ответственность? Сейчас, в наше просвещенное время, мы не можем считать виновными только тех, кто непосредственно совершил преступление.

Тот, кто совершил преступление, немало страдал в детстве. Отец алкоголик избивал его, а мать бросила. Неудивительно, что он вырос без каких-либо понятий о морали.

А вот сестры Бойделл вели жизнь, полную богатства и привилегий. У них был большой удобный дом, прекрасный сад, теннисный корт и бассейн.

Но прекрасное образование и воспитание не помешало Кэйти Бойделл без разрешения родителей взять свою четырнадцатилетнюю сестру на вечеринку и позволить ей напиться.

Так кто же виноват на самом деле?»

Я чувствую, как сжимается сердце. Мне хочется кричать, оправдываться, просить защиты.

Следующие страницы заполнены фотографиями и статьями из разных газет, беспорядочно разрезанными, но во всех этих отрывках большими буквами набраны слова: трусость, убийца, предательство, безответственность, ревность.

На последней странице наклеена моя цветная фотография, совсем недавняя. Я смеюсь, откинув голову, и кажусь совершенно счастливой. Под фотографией подпись:

«Кэтрин Паттерсон теперь живет без сестры».

На обложке — заключительная надпись: «Так кто же Кэтрин Паттерсон — Кэйти Бойделл — жертва или убийца?»

— Выкинь это! — Мик выхватывает альбом из моих рук и яростно швыряет его через всю комнату. — Не смотри больше!

Я молчу. Не могу говорить. Я просто поворачиваюсь, иду к кровати и ложусь, свернувшись в клубок. Мик садится рядом и кладет руку на мое плечо.

— Может, нам следует позвонить в полицию? — предлагает он. — Она зашла слишком далеко.

— Нет.

— Но мы должны как-то остановить ее.

— Я не хочу привлекать полицию.

Я боюсь, что все начнется сначала. Снова полиция, расследование, газетчики, как стервятники.

— И к тому же они ничего не сделают. Не смогут.

Мик крепко обнимает меня.

Я тоже обнимаю его, и в конце концов мы засыпаем.

Когда я просыпаюсь утром, альбома уже нет.

35

Следующие несколько дней, пока Мик работает, я готовлюсь к переезду. Я прихожу в квартиру Вивьен и упаковываю вещи. Мне нравится думать о будущем, я мечтаю о жизни с Миком. Надо же, он так понравился моим родителям, и мама так обрадовалась, что у нас будет ребенок. У меня больше нет никаких сомнений: мы все делаем правильно, мы же любим друг друга, и все будет хорошо.

Я отправляю Вивьен письмо по электронной почте и сообщаю, что уезжаю. Обещаю забирать ее почту и присматривать за квартирой, пока она не придет. В конце я прошу прощения за такой свой поступок. Она немедленно отвечает.

«Не извиняйся! Я знала, что есть какая-то причина твоему счастливому виду, и очень рада, что ты встретила человека, которого по-настоящему полюбила. Не могу дождаться, когда вернусь домой и увижу тебя и твоего Мика.

Три вечера уходит на то, чтобы упаковать все мои вещи и прибраться в квартире. Я хочу оставить ее в безупречном порядке, поскольку очень благодарна Вивьен за кров. Я заканчиваю в половине одиннадцатого вечера и собираюсь пойти посмотреть окончание концерта Мика. Он обещал позвонить, но не позвонил, и я решаю, что публика никак не может отпустить его.

На улице дождь, я иду медленно и прихожу в клуб только к одиннадцати. В клубе тихо, на сцене никого нет.

Мика нет и в баре, и я иду за кулисы. Я слышу его голос, подхожу к дверям и вижу в комнате Элис. Она сидит на столе, вытянув свои длинные ноги.

— Ради бога! — говорит она, ее голос звучит неразборчиво, очевидно, она выпила. — Что тут такого особенного? Никто и не узнает.

Мик поворачивается и отрицательно качает головой.

— Ты сошла с ума. Я не хочу об этом говорить! Уходи.

— Ну подожди! — Она смеется и вызывающе встряхивает волосами, но жест потрачен впустую.

Мик даже не смотрит на нее. — Всего-то разовый секс. Почему ты не хочешь? А, Мик? Что ты за человек?

Мик коротко смеется.

— А ты что за человек? Вы же были подругами...

Тут он поворачивается и видит меня.

— Кэтрин!

Элис тоже поворачивается. На мгновение она теряется, но быстро приходит в себя.

— Кэйти!

Я стою в дверном проеме и смотрю на Элис.

— Что ты тут делаешь?

— Да просто увидела объявление и решила прийти послушать. — Она улыбается и берет Мика за руку. — Я думала, что ты тоже тут. Тебя что-то не найти в последнее время.

Я пытаюсь понять, почему она так себя ведет, но быстро одергиваю себя. Во всем этом нет никакого смысла. Не хочу слышать ее объяснений, мне совершенно неинтересны ее мотивы, я просто очень хочу уйти отсюда.

— Ты готов? — спрашиваю я и смотрю на Мика.

— Да.

— Отлично! — Элис хлопает в ладоши и встает. — Пошли?

— Я не знаю, куда идешь ты, — ледяным тоном заявляет Мик и обнимает меня, — а мы идем домой.

— Я пойду с вами. Будет весело. — Она идет за нами до самой машины, продолжая болтать: — Трое лучше, чем двое. Ты так не думаешь, Кэтрин?

Мы доходим до машины, Мик открывает пассажирскую дверцу и поворачивается к Элис.

— Топай домой. Уходи. Оставь нас в покое. Мы очень от тебя устали. Прости, но тебе следует обратиться к врачу.

Элис в недоумении качает головой и растерянно улыбается.

— Вы устали от меня? Но этого не может быть. Да это у тебя проблемы, Кэйти, это ты бросила свою сестру...

— Кэтрин! — Голос Мика звучит настойчиво. Он уже сидит на водительском месте. — Садись и закрывай дверцу.

Я быстро сажусь в машину, Мик блокирует дверцу и смотрит в зеркало заднего вида. Элис стоит перед лобовым стеклом и глядит прямо мне в глаза, и я не могу отвести взгляд. Мик отъезжает от обочины, Элис улыбается холодной, пустой улыбкой и делает шаг вперед.

Я дико кричу:

— Мик, остановись! Подожди!

Но уже слишком поздно, слышен глухой удар от падения тела.

— Черт возьми! — Мик бьет по тормозам и выскакивает из машины.

Я не могу выйти из машины, не могу заставить себя посмотреть. Мое сердце колотится. Вот и все, все кончено. Это именно то, чего она хотела. Она все разрушила. Все кончено.

— Элис! — слышу я испуганный голос Мика. — С тобой все в порядке, Элис? Ты сильно пострадала? Элис!

И тут я слышу ее визгливый, истеричный смех.

36

Когда это случается, я распаковываю коробки в нашей новой кухне. Я поднимаюсь и чувствую, что по ногам течет какая-то жидкость. Я не понимаю, что происходит, удивляюсь, потом бегу в ванную и снимаю штаны. Кровь.

Я аккуратно вытираю ее туалетной бумагой и иду к Мику. Он расставляет по полкам наши книги и

напевает какую-то мелодию. Увидев меня, он улыбается.

— У меня кровь.

— Что? — Он подскакивает. — Черт возьми! Что это значит? Это плохо?

— Не знаю. Думаю, да.

— Надо срочно в больницу.

Я подкладываю старое полотенце, Мик берет ключи, и мы направляемся к машине.

В приемном покое огромная очередь, и медсестра говорит, что ждать нам придется долго.

— Но она может потерять ребенка, — восклицает Мик. — Ей надо к доктору прямо сейчас.

— Мне очень жаль, но у нас такая система. И боюсь, что на таком раннем сроке мы все равно ничего не сможем поделать. — Она любезно улыбается. — Но скорее всего, ничего страшного тут нет.

Очень многие женщины в течение всей беременности мучаются кровотечениями, а потом рожают совершенно здоровых малышей. Садитесь и постарайтесь не волноваться.

Мы идем к стульям. Двух свободных рядом нет, но какая-то женщина бросает на нас понимающий взгляд и пересаживается, чтобы мы могли сидеть вместе. Мик благодарит ее, а она смотрит на меня и сочувственно улыбается. Я не хочу, чтобы мне сочувствовали незнакомые люди. В помещении полным-полно народу, и все слышали нашу беседу с медсестрой.

Я сажусь и закрываю глаза, положив голову на плечо Мика.

Через сорок минут медсестра называет мое имя. Она просит Мика подождать, но я начинаю плакать, и она позволяет ему пойти со мной. Медсестра подводит меня к кушетке и просит сесть.

— У вас было много крови?

— Не знаю. Показалось, что много.

Она что-то быстро пишет на листе бумаги.

— А сейчас кровь все еще идет?

— Не знаю. Вроде бы нет. Я ничего не чувствую.

— Ну и отлично. Раз вы ничего не чувствуете, скорее всего, все в порядке.

Она записывает что-то еще, потом измеряет мне давление и температуру.

— Ну вот, все в порядке. Доктор сейчас придет. Ложитесь и отдыхайте.

Она накрывает меня одеялом, задвигает занавеску и уходит.

Мик сидит рядом и держит меня за руку.

— Нельзя было позволять тебе распаковывать вещи, — говорит он. Вид у него очень несчастный.

— Нет, дело не в этом! Я даже не поднимала ничего тяжелого. И потом, беременные женщины не инвалиды. — Я пожимаю его руку. — Не переживай, ничего страшного не случилось. Пока все в порядке.

— Прости. Конечно, все в порядке. Я очень хочу, чтобы все было в порядке.

— Я тоже. — Я кусаю губы, чтобы не заплакать.

Занавеска отодвигается, входит высокая, худая женщина. У нее рыжие волосы, она чем-то похожа на Филиппу. Я сразу чувствую расположение к ней. Она включает какой-то агрегат, стоящий около кушетки.

— Это ультразвук. — Она легонько гладит меня по ноге. — Ну что, давайте посмотрим вашего ребеночка?

Мне страшно, но я все-таки смотрю на экран. На нем какие-то серые пятна, в которых я ничего не

понимаю.

— Ага! — Докторша смотрит на экран и улыбается. — Сердцебиение отличное. И размер нормальный для такого срока.

Я вижу, как пульсирует сердце моего ребенка, и начинаю то ли плакать, то ли смеяться.

Мик крепко сжимает мою руку.

— Ничего себе!

— Я думаю, кровотечение не повторится, — говорит докторша.

Она просит Мика немедленно привезти меня в больницу, если такое случится еще раз.

— Постарайтесь не волноваться, не думаю, что тут что-то серьезное, — улыбается она. — Просто в течение нескольких дней понаблюдайте.

Следующие три дня я провожу в кровати. Мик приносит мне из библиотеки целую кучу книг про беременность, и я внимательно изучаю их. Погода на улице холодная и ветреная, и поэтому в постели я чувствую себя очень уютно. Мик репетирует и приносит мне обеды и завтраки в постель. Когда мне надоедает читать, мы смотрим по телевизору мыльные оперы или болтаем. Кровотечения больше нет.

На четвертый день я просыпаюсь полная энергии. Мик еще спит, я встаю, наливаю себе чай и выхожу в общий садик.

Еще очень рано, но солнце светит тепло и ярко, небо высокое и ярко-синее. Такого неба я никогда не видела ни в Греции, ни в Индонезии, ни в Европе, куда мы частенько ездили до смерти Рейчел.

Внезапно меня наполняет такое чувство удачи, радости и благодарности, что я начинаю беспричинно улыбаться. Солнце греет, чай вкусный и горячий, и мне очень хорошо.

Раньше я старалась отгонять от себя такое чувство наслаждения. Мне казалось, что это несправедливо по отношению к Рейчел — ведь она-то больше никогда не будет наслаждаться такими радостями. Но сейчас я вспоминаю мамины слова о том, что должна жить своей жизнью, и думаю, что Рейчел точно хотела бы, чтобы я была счастливой. Она никогда, никогда не стала бы мне завидовать. Я понимаю, что люди, убившие Рейчел, точно так же убивали и мою жизнь.

— Рейчел, я счастлива! — громко говорю я. — Ты слышишь? Я счастлива!

Хорошая погода продлилась недолго, уже в середине дня сгустились тучи, небо потемнело. На следующий день я сижу дома, Мик репетирует со своим оркестром. Он приходит домой только к шести, когда я уже начинаю беспокоиться.

Я бегу к двери, едва заслышав поворот ключа в замке, и крепко обнимаю любимого.

Он смеется, но не обнимает меня. Руки он держит спрятанными за спиной.

— Сюрприз! — говорит он и протягивает мне большой белый конверт.

Внутри — целая куча сотенных бумажек. Я с любопытством смотрю на Мика.

— Откуда это?

— Я продал мотоцикл!

— Мик! — Я обнимаю его. — Ты расстроен?

— Ты с ума сошла? — Он целует меня. — Твой отец меня просто запугал. Все, больше никаких мотоциклов. Я вовсе не хочу умирать. Ну ладно, теперь мы богаты, давай закажем обед?

— Нет, давай выйдем куда-нибудь. Больше не могу сидеть дома.

— Ты думаешь, уже можно? Может, не стоит?

— Нет, все будет хорошо. — Я быстро стягиваю одежду и убегаю в душ. — Доктор ведь сказала, что я должна оставаться дома только несколько дней. Она не говорила, что мне надо все оставшиеся шесть месяцев пролежать в кровати. Я с ума сойду, если буду просто сидеть дома.

— Ну, хорошо. — Мик вздыхает. — Но ты уверена, что все будет в порядке? Я мог бы заказать что-нибудь на дом.

— Со мной все будет прекрасно. Мы пойдем очень медленно. — Я смеюсь. — Как старик со старушкой.

До ресторана совсем недалеко, и мы идем по дорожке вдоль пляжа. Дождя нет, но все небо затянуто грозовыми облаками, волны кидаются на берег. Мы идем медленно, взявшись за руки. Как хорошо выбраться из душной квартиры и посмотреть на прекрасный вид.

Мы заказываем еду. Мик рассказывает про свой оркестр, про музыку. Мы представляем себе будущие турне по всему миру — деньги, известность, толпы фанатов. Я смеюсь и говорю, что буду отгонять от него девчонок-поклонниц.

— Я стану настоящей ведьмой, ревнивой, жирной домохозяйкой. С шестью детьми.

— Да уж, — поддразнивает он, — хотел бы я на это взглянуть.

Сначала мы хотим взять такси, но потом решаем пройти пешком. На улице так хорошо. И небольшой дождик нам не мешает.

37

Я слышу позади какие-то шаги — каблучки цокают об асфальт — но не обращаю на них внимания. Шаги становятся ближе и громче, я сторонюсь, чтобы уступить дорогу спешащей женщине. Но она подбочивается и останавливается рядом со мной. Элис!

Она наклоняет голову набок и улыбается.

— Кэтрин, — говорит она.

По голосу понятно, что она пьяна.

— А я ведь знала, что найду вас тут. Знала, что рано или поздно встречу тебя и Мика.

Она хватается за руку и тянет вперед. Я вырываю руку.

— Какая красивая ночь, правда? — Она продолжает идти за мной. — Я так рада, что встретила тебя, ой, не только тебя, вас обоих. Нам есть о чем поговорить, да?

Мы стараемся ускорить шаг.

— Да остановитесь же! Или вы не хотите поговорить со мной?

Мик сжимает мою руку, и мы продолжаем идти.

— Ну что ж, хорошо. Вы не хотите говорить. Я могу это понять. Но я-то хочу! Ах, Кэтрин, сколько всего ты не знаешь про ту ночь. — Она злобно смеется. — Ты же понимаешь, про какую ночь я говорю? Ну да, про ту самую!

Мы останавливаемся.

Элис хохочет за нашими спинами.

— А-а, любопытно стало? Навсегда от этого не убежишь, Кэйти! Будь мужественной, выслушай правду, а?

Я поворачиваюсь.

— О чем ты говоришь? Что тебе надо?

— Нравится жить такой совершенной жизнью, Кэтрин? Такая чудная, идеальная семья, да? А про

других ты когда-нибудь думала? О том, что другие могут страдать?

— Идеальная семья? — недоверчиво переспрашиваю я. — Ты шутишь, Элис? Ты же знаешь, моя младшая сестра убита. Какая тут идеальная семья, какая счастливая жизнь?

— Но ведь твои родители любят тебя? — глумливым тоном продолжает она. — Я же сама видела. Ты у них просто принцесса, они готовы поклоняться воздуху, которым ты дышишь. Поэтому ты и выросла такой самодовольной, поэтому тебя и не интересуют проблемы других.

— Меня не интересует проблемы других? Ты с ума сошла, Элис? Ты говоришь какими-то загадками.

— Да! Тебя совершенно не интересуют такие же, как и ты.

— Такие же, как и я? — Я смотрю на нее в изумлении. — Какие такие, Элис? О чем ты говоришь?

— О себе и о своем брате! Вот о ком. О себе и о своем младшем брате, черт побери!

Я в недоумении качаю головой.

— О чем ты...

— Для таких, как ты, все на свете легко и просто. Твои родители любят тебя. И весь мир тебя тоже любит. Ты никому ничего не должна доказывать. И когда твою сестру убили, все, естественно, были на твоей стороне, все твердо знали, что ты не виновата, что это не твоя вина.

— Но это на самом деле не моя вина. — Хотя меня душит гнев и больше всего на свете мне хочется закричать и заплакать, мой голос звучит почти спокойно. — Как ты вообще смеешь об этом говорить? Да и в любом случае, ничего нового ты не скажешь. Чего только не говорили после убийства Рейчел. Это было ужасно. Я же тебе все рассказывала!

— Ужасно? Ах, какая патетика. Только что-то я не думаю, что это было так ужасно, как ты об этом говоришь. Тебя же не посадили в тюрьму? Не обвинили в убийстве?

Мик тащит меня за руку и просит скорее уйти, но я слишком рассержена, чтобы вот так все бросить. Я отталкиваю его руку.

— Конечно, нет! — И несмотря на все сомнения и тяжелые мысли, я вдруг наполняюсь настоящей яростью — против Элис, прессы, самих убийц, и гнев прорывается: — Я же ничего не сделала!

— Ой! Правда? — Элис улыбается, ее голос звучит наигранно-участливо. — Ну да, кажется, что ты не виновата, что ты ничего не сделала. Но ведь мыто с тобой знаем правду, а?

— Нет, Элис. Я не понимаю, о чем ты. — Я знаю, что разговор этот бессмыслен, но мне хочется защищаться, бороться. — Ты не права. То, что ты говоришь, отвратительно. Я испугалась. И побежала за помощью. Я была напугана! И у меня не было никакого выбора!

— О нет, Кэтрин. У тебя не раз в ту ночь был выбор! И всякий раз ты выбирала не то, что нужно.

— Нет. — Я качаю головой, пытаюсь сдержать слезы. — Ты не права.

Элис наклоняется ко мне, ее тон пугающе спокоен:

— Ты не имела права убежать, Кэтрин.

— У меня не было выбора!

— Был. — Элис выпрямляется и прижимает руку к груди. — Это их ты оставила без выбора, когда убежала. Ты просто заставила их сделать то, что они вовсе не хотели делать.

— Почему ты так говоришь? — Я начинаю плакать, хватаю ее за руку и сжимаю изо всех сил. — Почему? Почему ты говоришь, что у меня был выбор? Они напали на нас! Это у них был выбор! А у меня и у моей сестры не было! Мы были просто жертвами, ты слышишь? Почему ты защищаешь этих животных?

— Животных? — Элис качает головой. — Так вот ты как про них, Кэтрин? И это хорошо? Это справедливо?

— Они животные! — Я почти выплевываю эти слова. — Они убили мою сестру, и надеюсь, будут вечно гореть в аду!

— Мой брат не животное! — Ее лицо искажается так, что в эту минуту она почти уродлива. — Он не животное!

— Твой брат? — Я в недоумении качаю головой. — О чем ты?

Лицо Элис снова меняется, и она кричит:

— Никто его не любил! Никто! Ни наша настоящая мать, ни те сволочи, которые разделили нас.

Никто! Неужели ты думаешь, что это прошло для него даром? Представь себе, что твоя мать тебя не любит!

— Элис! — Я хватаю ее за руки. Я хочу, чтобы она хоть немного успокоилась и перестала нести этот безумный бред, ей совершенно точно надо к врачу. — Я не понимаю, о чем ты говоришь! Что за бессмыслица?!

Она отшатывается и смотрит на меня с настоящей ненавистью.

— Ты посадила моего младшего брата в тюрьму, — чеканит она. — Ты его туда отправила.

— Боже мой...

— Ты, ты посадила его в тюрьму, — повторяет она, старательно выговаривая каждое слово, и холодно улыбается. Эта улыбка ранит меня в самое сердце. — Чего ты не понимаешь? Шон. Мой младший брат. Ты посадила его в тюрьму.

— Я не знаю твоего брата! Откуда...

— Шон, — перебивает она. — Шон Энрайт.

— Но он...

— Да. Это он.

И тут я все понимаю. Она дружила со мной. Ее брат. Моя сестра.

Шон. Тот полный парень на заднем сиденье автомобиля. Он был таким дерганным и испуганным.

Он изнасиловал мою сестру! Безжалостно, жестоко! Он сделал свой выбор.

Я стою и ошеломленно смотрю на Элис. Не понимаю, чего я хочу — попросить у нее прощения или ударить ее. Она улыбается торжествующе, злорадно, и я готова избить ее, но тут Мик тянет меня назад.

— Кэтрин! Пойдем! — Он обнимает меня и уговаривает идти домой. Начался дождь, вода заливает мое лицо и волосы. — Ты же промокнуешь, пойдем!

Элис идет за нами.

— Отличная идея, Мик. Тут и правда что-то мокро.

Мик останавливается и поворачивается к Элис. В его голосе слышна ярость:

— Убирайся. И не смей больше подходить к нам. Или я немедленно вызываю полицию. Я серьезно. Пошла прочь!

— Полицию? Ой-ой, что же они со мной сделают? С моим младшим братом они ничего хорошего не сделали. — Она поворачивает голову. — Это таких, как вы, они любят. Привилегированный средний класс. Успешные задницы! Они всегда на вашей стороне, да?

Она продолжает говорить про полицию, но в ее голосе другие интонации.

— Хотя хватит нам уже сражаться. Может, пойдем поплаваем? Узнаем, так сказать, друг друга поглубже.

И она вдруг бросается вниз, к пляжу. Там она сбрасывает туфли и жакет, одним быстрым движением снимает платье.

— Иди сюда, Кэтрин, — кричит она, волосы закрывают ее лицо. — Не будь трусихой, покажи, на что ты способна! Ну, давай же!

Она бежит в воду, ныряет и исчезает.

Мик испуганно смотрит на меня.

— Черт возьми, — восклицает он и бежит к пляжу. Я бегу за ним.

Я мечусь по пляжу и выкрикиваю ее имя.

— Элис! Где ты, Элис?

Мы с Миком бегаем по кромке воды.

— Черт возьми, она же может утонуть, — кричит он.

И тут мы слышим крик.

— Помогите! — Крик настолько тихий, что его почти неслышно. Дует сильный ветер, бушуют волны. Но крик слышится снова.

— Помогите!

— Элис! По-моему, я ее вижу.

Я знаю, что нужно делать. На этот раз я не струшу. Я не убегу, я не повторю ту же самую ошибку. Я стаскиваю туфли и бегу к воде.

— Кэтрин! — кричит Мик. — Что, черт возьми, ты собираешься делать?

— Она же утонет! — кричу я.

Он оттаскивает меня от воды и толкает так, что я падаю на песок.

— Подожди тут, — кричит он. — Жди, понятно?

Он стаскивает футболку и ботинки и бежит к воде.

— Нет, — кричу я, но он уже в волнах.

Я встаю и иду за ним, но уже темно, волны высокие, и я не вижу его. Я медленно двигаюсь вдоль берега, выкрикивая его имя, но все равно не понимаю, где он. Захожу глубже, вода уже достигла моих бедер, поток начинает тащить меня, я чувствую, что тут глубоко, вода все выше, она заливает мне лицо, попадает в нос, глаза, я продолжаю кричать, но понимаю, что в этом уже нет никакого смысла. Я никогда не найду его.

Кто-то тянет меня за волосы, кругом огни и голоса. Я жадно хватаю ртом воздух.

Ночь я провожу в больнице. Грудь, горло и глаза болят. Врачи обещают, что все будет хорошо. Но когда я произношу имя Мика, они почему-то отворачиваются.

— Вы вели себя очень храбро, — повторяют они. — Все будет хорошо.

Нет, никогда и ничего не будет хорошо.

Я кладу руку на его щеку.

Кожа мертвых не похожа на кожу живых. Она вообще не похожа ни на что человеческое. Она холодная, твердая и безжизненная. Он ушел, то, что на кровати, — только тело, и мне совсем не хочется целовать его фиолетовые губы и ледяные щеки. Мне нечего делать в этой холодной больничной комнате.

Мама с папой и родители Мика собирают вещи. Я осталась в квартире родителей, в кровати под теплым одеялом. Я все равно не смогла бы упаковывать нашу совместную жизнь, наше будущее, наши мечты, и никто не ждал, что я буду принимать участие в сборах. Они заканчивают все очень быстро, буквально за день. Когда родители возвращаются, мама приходит и садится на мою кровать. — Мы забрали барабаны Мика и его записи. Родители Мика подумали, что ты захочешь оставить их на память.

Я не могу даже думать о том, что барабаны Мика больше не зазвучат, что я больше не услышу его музыку, но все равно киваю в знак благодарности.

Мама кладет руку на мое бедро и гладит меня.

— Мы, конечно, сказали родителям Мика о том, что ты ждешь ребенка.

— О, — только и могу я выговорить, стараясь выказать некоторый интерес, но на самом деле мне хочется лишь, чтобы она ушла и оставила меня в покое. Дайте мне побыть одной. Мне странно, что теперь все только и думают про этого ребенка.

— Естественно, сначала они растерялись. Но мне показалось, что потом они очень обрадовались. Это же ребенок Мика. Хоть какое-то утешение, — говорит мама, и я надеюсь, что сейчас она уйдет, но она остается, продолжая гладить меня. Я понимаю, что она хочет сказать что-то еще. Я поворачиваюсь к ней и пытаюсь улыбнуться.

— Они просили передать тебе спасибо за то, что ты пыталась ему помочь, — произносит мама. — Ведь ты рисковала жизнью.

Я отворачиваюсь.

— Ты сделала все, что могла.

Но этого оказалось недостаточно, горько думаю я.

Впервые я встречаю их на похоронах Мика. Филиппа похожа на отца, Мик был похож на мать. Она протягивает ко мне руки и обнимает. Я обнимаю ее.

Следующие шесть месяцев я живу как робот. Я все делаю правильно, я хорошо ем. Выполняю гимнастические упражнения, гуляю по окрестностям, но на самом деле меня совершенно не интересует мой будущий ребенок. Родители Мика и Филиппа навещают меня, и когда я с ними, я чувствую какую-то связь с Миком. Остальное время существую как зомби.

Роды начинаются вовремя. В самом начале я даже рада физической боли — переносить ее намного легче, чем боль душевную. Но схватки продолжаютсся двое суток, боль столь огромная и невыносимая, что под конец я умоляю Бога прекратить ее, рыдаю и зову акушеров, но они только кивают мне в ответ и велят приседать и ходить. Наконец огромным усилием я выталкиваю младенца, и вот она здесь. Сара. Дочь Мика. Моя девочка, моя дочь.

Не знаю, было ли это следствием прекращения боли или просто гормональным всплеском, но я чувствую прилив любви и благодарности. Я благодарна моей девочке, маме и Филиппе, ведь она появилась на свет благодаря им, акушеркам, всему миру. Я поднимаю свою дочь, прижимаю ее к груди и тихонько шепчу торжественное обещание Мику всегда беречь и защищать ее.

Робби неуверенно улыбается. Я отвечаю, и его улыбка становится более открытой. Он подходит и берет меня за руки.

— Боже мой, Кэтрин, это и в самом деле ты. Не могу поверить. Это на самом деле ты!

Теперь, когда он рядом, я замечаю, как он повзрослел. Еще бы, ведь прошло уже пять лет. Он стал мужественнее и серьезнее.

— Мама, мама, кто это? — Сара прижимается к моей ноге и с любопытством смотрит на Робби. Он приседает на корточки так, чтобы его лицо было на одном уровне с ее.

— Привет! Меня зовут Робби. Я старый друг твоей мамы.

Сара наклоняет головку набок и пристально рассматривает Робби.

— Но ты вовсе не старый. Ты совсем не такой, как мои бабушка и дедушка.

Робби смеется, а Сара снова поворачивается к горке, хватает свои санки и тащит вверх.

Мы с Робби смотрим ей вслед.

— Она красивая, — говорит он.

— Да. Она очень похожа на своего отца.

— И на тебя.

Столько хочется ему рассказать, но сейчас мне не выдать из себя ни слова. Мы так и стоим молча, пока он не берет меня за руку.

— Мне надо возвращаться. — Он оглядывается на людей, стоящих позади нас. — Они ждут.

— Конечно, иди, — говорю я, стараясь не смотреть ему в глаза. — Иди.

— Я очень рад нашей встрече, — признается он. — Это так неожиданно.

— Неожиданно. — Теперь, когда я знаю, что он сейчас уйдет, я осмеливаюсь посмотреть ему в глаза. — Я тоже рада.

Он еще раз пожимает мне руку и отворачивается. Я собираюсь идти за Сарой на горку, но тут Робби окликает меня по имени. Я оборачиваюсь.

— Да?

— Ты занята сегодня? Вечером? Может быть, пойдем поужинаем?

Мы улаживаемся поужинать у меня в номере, чтобы не нарушать режим Сары.

Робби приходит в половине седьмого с кучей всяких вкусностей. Сара уже поужинала, искупалась и лежит на диване в пижаме. Я включила ей мультики.

Робби садится рядом с ней и что-то спрашивает про мультики, пока я открываю вино. Мы садимся за стол друг напротив друга.

Сначала мы чувствуем себя немного скованно. Говорим о погоде, о работе и о всякой ерунде, которая не интересует ни его, ни меня. Так длится до тех пор, пока Робби не произносит имя Элис.

— Ты скучал по ней? В тот год, когда уехал в Европу? — спрашиваю я.

— Да. — Он кивает. — Еще как. Даже хотел вернуться домой. Мне казалось, что я не имел права бросать ее, несмотря на все, что она вытворяла. Но потом она погибла, и все потеряло смысл. Я даже на похоронах не был. Просто не смог себя заставить.

— Я тоже не была на похоронах. — Я сжимаю руки под столом. — Теперь мне даже немного стыдно. Я так ненавидела ее, и пойти на похороны мне казалось просто лицемерием. Я радовалась, что она умерла. Я ненавидела ее.

— Кэтрин, — произносит Робби, и я смотрю на него. Он качает головой и нежно улыбается. —

Конечно, ты ее ненавидела, и это совершенно естественно. Мик погиб по ее вине, это все знали. Ты ждала ребенка, ты была так счастлива, а она все разрушила. Конечно, ты ее ненавидела.

— Но ты хотел приехать на похороны? — спрашиваю я.

— Не знаю. Отец позвонил мне и сказал, что она утонула. Он прочитал об этом в газетах и позвонил твоей матери. Она ему все и рассказала — про Мика, про брата Элис, и вся эта история показалась мне такой отвратительной, что я не смог поехать. Я стал по-другому смотреть на наши отношения с Элис, на те три месяца, когда мы втроем так дружили. Ведь с ее стороны это все было просто игрой. Я возненавидел ее. Нет, я не мог прийти на похороны.

— И я думала о том же самом. Что у нас были за отношения? Неужели она только притворялась моей подругой, а на самом деле ненавидела меня? Неужели она только и ждала, когда сможет отомстить мне? — Я пожимаю плечами и горько улыбаюсь. — Я выбрала неправильную школу. Из всех школ в Сиднее я выбрала именно Драммонд, где училась Элис.

— Но как она узнала, кто ты?

— Наверное, по фотографии. Ее родители нашли в квартире кучу всяких материалов после ее смерти. Газеты, расшифровки из суда. В газетных статьях были фотографии, мои и Рейчел. И когда она увидела меня в Драммонде, то поняла, что ее мечта сбылась. Теперь она могла отомстить.

— Господи боже, как это все страшно.

— Да уж.

— Прости, — говорит он. — Прости меня. Я очень жалею, что не вернулся тогда. Мне надо было вернуться и помочь тебе.

— Нет. — Я качаю головой. — Ты бы ничего не смог поделать.

Робби опускает глаза. Он молчит, и я боюсь, что обидела его.

— Робби! — зову я. — С тобой все в порядке?

— Да. Мне просто жаль, что я потратил столько сил и времени на Элис. Это то же самое, что влюбиться в скалу.

Я смеюсь.

— Действительно, лучше уж было влюбиться в скалу. По крайней мере, не ждал бы взаимности и не был бы разочарован.

— Точно. — И хотя Робби улыбается, его глаза блестят от слез. — Да и мой отец... ты знаешь, я не разговаривал с ним около года. Глупо, ведь он ни в чем не виноват. Она его обманула, как и нас с тобой. Я злился на него даже тогда, когда узнал, что Элис погибла, теперь сам не понимаю, почему. Я оборачиваюсь. Сара спит на диване, сунув в рот большой палец.

— Я тоже о многом жалею. Но не обо всем. Ведь не будь Элис, я не встретила бы Мика. Тогда не было бы Сары. Разве я могу жалеть об этом?

— Но ведь Мик погиб из-за нее. Хотя, если бы не она, у тебя на самом деле не было бы Сары. Парадоксально, правда? Господи, какое вокруг нее безумие.

— Ты все еще сердишься на нее? — спрашиваю я. — Ты ее ненавидишь?

— Немного, — говорит он и горько улыбается. — Но только тогда, когда думаю о ней. А ты? Ненавидишь?

Я задумываюсь. Нет, я больше не испытываю чувства гнева или ненависти. Эти чувства так долго жгли меня, что сейчас я изумлена, больше не испытывая их.

— Нет, думаю, что нет. Я жалею ее.

Робби удивляется:

— Правда?

— Знаю, это звучит неискренне. Но так ли уж она виновата? Ее просто не научили любить. Ее не любила собственная мать, поэтому она и выросла такой бездушной. Бессердечной, холодной.

Робби кивает, но, кажется, я его не убедила.

— Я вижу это по Саре, — продолжаю я. — Она ведет себя так же, как я. Она копирует меня. Если я добра, то и она ведет себя ласково, если я кого-то люблю, то и она подражает мне. А представь себе, если ребенок не испытывает такого внимания? Это просто ломает его.

— Может быть. — Робби пожимает плечами. — Может, это что-то и объясняет. Но все равно это ее не оправдывает. По крайней мере, в моих глазах. Другие люди растут в куда более худших условиях, но остаются порядочными людьми.

Некоторое время мы оба молчим.

— Благодаря ей я встретила тебя, — говорю я наконец. — И ты мне дорог. Я не понимала этого, наверное, до сегодняшнего вечера.

— И ты мне дорога, — признается он. — Только я-то знал, что ты мне дорога. С того самого дня, как уехал.

— Но почему ты не писал?

Робби пожимает плечами.

— Сначала просто не хотел. Мне казалось, что это слишком тяжело — потерять и тебя, и Элис. А потом, когда Элис погибла, я был так потрясен. И не думал, что ты захочешь общаться со мной. Я написал тебе кучу электронных писем, но не отправил.

— Жаль, что ты не отправил, — улыбаюсь я.

— И мне жаль.

Мы улыбаемся и беремся за руки.

Робби готовит ужин, мы засиживаемся допоздна, и я предлагаю ему остаться у нас. Он спит рядом со мной в большой кровати. Между нами ничего нет, мы просто держимся за руки. Посреди ночи к нам прибегает Сара, она смеется и забирается между нами.

Я вижу, как Робби в полусне поправляет подушку Сары и заботливо натягивает на нее одеяло.

Утром Робби готовит завтрак — яичницу-болтунью и тосты, и мы вместе завтракаем.

— Ты будешь моим новым папой? — спрашивает Сара, ее рот набит яичницей.

— Сара! — восклицаю я. — Не будь дурочкой!

Но Робби не возражает Саре, он просто улыбается. Я рада, что он не смотрит на меня, потому что мое лицо пылает.

Я провожаю его к машине. Сара цепляется за его ноги и просит остаться.

— Не могу, — смеется он. — Мне надо учить людей правильно кататься на лыжах.

— Когда ты вернешься? — спрашивает она. — Я отпущу тебя, если ты скажешь, когда вернешься!

Он вопросительно смотрит на меня, но я уже сделала выбор — в тот день, когда погиб Мик. Тогда я решила, что больше никто и ничто не сможет разбить мне сердце.

Я наклоняюсь к Саре и прячу лицо в ее волосах. Не хочу встречаться с Робби взглядом.

— Робби очень занят, милая, — говорю я. — У него нет времени приходить сюда.

— Тетя, тетя! — кричит Сара и бросается вниз, чтобы встретить Филиппу. Та обнимает ее.

— А вот и я! — объявляет она.

Филиппа поведет Сару в зоопарк, а я в это время заполню университетские заявления. В следующем году Сара пойдет в школу, и у меня наконец будет время продолжить учебу.

Мы собираем вещи Сары.

— Я верну ее завтра примерно в три. Мы позавтракаем в «Макдоналдсе», — говорит Филиппа.

— В «Макдоналдсе»? — Сара подпрыгивает. — Мама, можно?

— Отличная идея, — соглашаюсь я.

Мы усаживаем Сару в машину Филиппы и пристегиваем ее. Когда я прощаюсь и закрываю дверцу, Филиппа подает мне клочок бумаги.

— Это телефон Робби, — говорит она. — Он просил тебя позвонить.

— Ой! — Я не беру бумажку и засовываю руки в карманы куртки. — Ты его видела?

— Он позвонил мне и хочет увидеться с тобой. Он на самом деле хочет увидеться, Кэтрин.

— Нет. — Я качаю головой. — Не хочу. И не могу.

— Но почему?

— Я... я не хочу.

— Не хочешь? Или боишься?

— Не знаю. — Я пожимаю плечами. — Боюсь, наверное.

— Но чего? — недоумевает Филиппа. — Что он тоже умрет?

— Нет, конечно, нет. — Я хочу, чтобы она поскорее ушла и оставила меня одну. — Наверное... не знаю. Не знаю!

Филиппа берет меня за руку.

— Ты когда-нибудь думала о том, какой пример подаешь Саре?

— Что ты имеешь в виду?

— Ты всегда так осторожна, ты боишься рисковать.

— Боюсь? — Я поворачиваюсь, чтобы посмотреть на Сару сквозь автомобильное стекло. Она разговаривает со своей куклой и сооружает ей прическу. — Хочешь сказать, она думает, что я трусиха?

— Пока нет, но она ведь станет старше. — Филиппа сжимает мою руку. — Ты не будешь счастлива, если не станешь смелее.

Это слово потрясает меня. Смелость. Я беру бумажку из рук Филиппы и кладу в карман. Потом я посылаю Саре воздушный поцелуй и машу рукой.

Я буду смелой.

Робби отвечает немедленно, но я не могу выговорить ни слова. Я боюсь.

— Кэтрин! Это ты?

Я собираюсь с духом.

— Ты можешь прийти, Робби? — говорю я. — Сегодня.

— Да, — моментально отвечает он. — Я скоро приду. Как только смогу!

В его голосе слышится настоящая радость, и я понимаю, как я его люблю, какой он добрый и хороший, и я, без всякого сомнения, делаю правильный выбор.